Ульяновы

Семья Ульяновых.
Симбирск. 1879 г.

Жорес
Трофимов

Ульяновы

ПОИСКИ
НАХОДКИ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Саратов
Приволжское
книжное
издательство
Ульяновское
отделение
1978

3К76
Т76

Трофимов Ж. А.

Т76 Ульяновы. Поиски, находки, исследования. Саратов, Приволж. кн. изд-во, Ульяновск. отд-ние, 1978.

215 с.

В новой книге кандидата исторических наук Ж. А. Трофимова, предназначенной широкому кругу читателей, автор собрал очерки об Илье Николаевиче, обстановке, в которой жили Ульяновы, круге их литературных и научных интересов, людях, с которыми они общались. Исследования Ж. Трофимова касаются частных вопросов, однако, взятые в совокупности, они углубляют наши знания о симбирских страницах биографии В. И. Ленина, расширяют и конкретизируют представления о путях и источниках формирования его мировоззрения.

3К26

$\frac{10103}{1\text{-}78}$

© Приволжское книжное издательство
Ульяновское отделение, 1978

СОДЕРЖАНИЕ

УЛЬЯНОВЫ

Четверть века я собираю в архивах, музеях и библиотеках Ульяновска, Казани, Пензы, Горького, Куйбышева, Астрахани, Саратова, Москвы и Ленинграда документы и материалы о семье Ульяновых, давшей миру великого Ленина и целую плеяду замечательных революционеров.

Темы и адреса поисков в большинстве случаев подсказывало знакомство с опубликованными и рукописными вариантами воспоминаний родных Ильича. Так, упоминание Анной Ильиничной фамилии владельцев флигеля и дома на Стрелецкой улице, где родился Володя и прошли первые полтора года его жизни, побудило к изучению домовладения Прибыловских. Поиск завершился успешно, и оба исторических здания ныне являются неотъемлемой частью Ленинского мемориала в Ульяновске.

Ознакомление с вариантом рукописи Анны Ильиничны «Детские и школьные годы Ильича» позволило узнать, к кому и куда именно «летел на урок» восьми-девятилетний Володя, чтобы лучше подготовиться к поступлению в классическую гимназию. Одна из протокольных записей беседы Анны Ильиничны с научным сотрудником Дома-музея В. И. Ленина пробудила интерес к личности доктора И. С. Покровского, у которого старшие дети Ульяновых доставали запрещенные произведения. Благодаря воспоминаниям старшей сестры Ильича возникли поиски, о которых рассказано в очерках «Девушка из знакомой семьи», «Эхо дела 1 марта», «Доктор Кадьян». Основой очерка «Некий Ильин...» являются воспоминания Д. И. Ульянова о шахматном партнере отца в Симбирске. Книга М. И. Ульяновой «Отец Владимира Ильича Ленина Илья Николаевич Ульянов (1831—1886)» подсказала пути поисков материалов о близком друге Ильи Николаевича учителе-народнике В. И. Захарове. Очерки «Memorabilia» и «За строкой письма Александра Ильича» представляют собой развернутые комментарии к известным письмам Александра Ильича. Сюжеты о литературных интересах родных В. И. Ленина также возникли на основе высказываний членов семьи Ульяновых и Н. К. Крупской.

Были в ходе розысков и неожиданные находки: письма Л. И. Веретенниковой об Ульяновых, заявка Александра Ильича на оборудование для домашней лаборатории, документы о его совместной учебе в Петербургском университете с сыном Н. Г. Чернышевского и некоторые другие.

Немаловажное значение для работы имело общение со старожилами, краеведами, потомками современников Ульяновых. Мне довелось беседовать, например, с С. А. Клюжевым, видевшим Ульяновых в начале 80-х годов и сохранившим книгу с дарственной

подписью Ильи Николаевича — награду за успешную учебу в приходском училище. В памяти 95-летнего симбирянина сохранилось немало любопытных подробностей о Стрелецкой улице, где жили Ульяновы, быте и нравах горожан. Очень полезными были встречи в Казани с профессором медицины Н. Н. Яснитским. В 1891—1895 годах он жил в доме, где ранее квартировали Ульяновы. Его рассказы о своем отце, преподававшем Владимиру Ульянову историю и географию, помогли уяснить многое, в частности о Симбирской классической гимназии. В. В. Ивановский поделился сведениями о В. П. Ушаковой-Прушакевич, завершавшей подготовку Володи Ульянова к поступлению в гимназию. Он же опознал свою тетушку на фотографии 1878 года. Сейчас, после кончины старожила, этого никто бы сделать не смог. Внучатая племянница М. А. Ульяновой — кандидат медицинских наук Т. П. Басова-Жакова любезно приходила на помощь, когда требовалось уточнить различные моменты взаимоотношений Ульяновых со своими родственниками в Казани и Кокушкине. Она же приняла живейшее участие в расшифровке фотографии гимназического выпуска А. И. Ульянова. Т. И. Фармаковская — вдова академика Б. В. Фармаковского — подарила фотографию мужа той поры, когда с ним дружил гимназист Владимир Ульянов. В ее личном архиве оказались три портрета инспекторов народных училищ Симбирской губернии, что позволило мне опознать на групповой фотографии помощников И. Н. Ульянова. Не раз приходилось обращаться за консультациями к С. П. и А. Ф. Храмцовым, Н. Ф. Ивановской, М. И. Герасимовой, Н. Н. Смирнову, В. А. Никонову, Е. С. Жмакиной и другим старожилам — великолепным знатокам симбирской старины. Иногда помощь приходила и как отклик на появление в печати поискового сообщения. Так я познакомился с внуком лечащего врача Ульяновых А. Ф. Покровским, проживающим сейчас в Свердловске.

В эту книгу вошли исследовательские очерки об Илье Николаевиче, обстановке, в которой жили Ульяновы в Симбирске, о круге их литературных и научных интересов, о людях, с которыми они общались. Одни из них появлялись в свое время в поволжской и центральной печати, другие публикуются впервые.

Буду рад, если эти очерки, основанные на архивных и литературных источниках, помогут исследователям и краеведам в дальнейшей расшифровке «белых пятен» из поволжского периода жизни Ильича и его родных. А они еще имеются. По-прежнему приходится только догадываться, что имел в виду В. Н. Назарьев, намекнув в 1876 году редактору «Вестника Европы» о «весьма пе-

чальных соображениях», заставивших его удержаться в своих очерках от рассказа о том, что И. Н. Ульянов «далеко не пользуется вниманием министерства и далеко не благоденствует». Неизвестными продолжают оставаться конкретные обстоятельства, при которых министры народного просвещения в ответ на просьбы Ильи Николаевича оставить его на службе еще на следующее пятилетие дважды подписывали приказы о преждевременной отставке директора народных училищ Симбирской губернии. Предстоит еще немало сделать по уточнению состава домашней библиотеки Ульяновых и розыску книг из нее. До сих пор не найдены гимназические сочинения Владимира Ульянова и многие письма его родных за 60—80-е годы, не расшифрованы некоторые групповые снимки, на которых Илья Николаевич запечатлен со своими коллегами и учениками, а также Александр Ильич с соучениками. Никто еще не видел фотопортретов В. И. Захарова, В. А. Ауновского, А. Ф. Белокрысенко, А. Д. Ильиной и других близких знакомых Ульяновых.

Хочется надеяться, что, прочитав эту книгу, потомки современников Ульяновых еще раз пересмотрят семейные архивы и альбомы, а историки возьмут «на заметку» заинтересовавшие их фамилии и факты, внесут свой вклад в создание энциклопедии семьи Ульяновых.

Автор выражает глубокую благодарность за ценные советы Мариэтте Сергеевне Шагинян, докторам исторических наук Г. Н. Голикову, Г. Н. Вульфсону, Р. И. Нафигову, Б. С. Итенбергу, Е. Л. Рудницкой, научным сотрудникам Института марксизма-ленинизма Ю. А. Ахапкину, А. И. Петрову, К. Ф. Богдановой, сотрудникам Центрального музея В. И. Ленина и его филиала в Ульяновске, исследователям В. Н. Арнольду, А. Ф. Варламовой и Г. Е. Хаиту, заслуженным работникам культуры РСФСР Н. И. Никитиной и М. Х. Валкину, доценту Ф. Г. Кузнецову, а также всем тем, кто помогал работать в государственных архивах, библиотеках и музеях Поволжья, Москвы и Ленинграда.

«ОДУШЕВЛЕННЫЙ ЛУЧШИМИ ИДЕЯМИ...»

Илья Николаевич Ульянов, отец великого Ленина... Новые документы и материалы, извлекаемые из архивов и библиотек, все шире и глубже раскрывают перед нами образ этого замечательного человека, который, по оценке Н. К. Крупской, «был крупным общественным деятелем, беззаветно боровшимся с народной темнотой, с последствиями рабства» [1]. Он сыграл огромную роль в формировании общественно-политических взглядов своих детей, в становлении личности Владимира Ильича.

Истоки свободолюбия и демократизма Ильи Николаевича, его преданности интересам трудящихся — в далеком прошлом. Сын крепостного, «отлучившегося» в 1791 году из родного села Андросово Сергачской округи Нижегородской губернии в низовья Волги, он сызмальства жил среди тех людей, которые от зари до зари трудились за медные гроши, не имея элементарных гражданских прав.

Оставшись пяти лет без отца, занимавшегося с 1803 года в Астрахани портняжным ремеслом, Илюша при поддержке старшего брата Василия — единственного кормильца большой семьи — учился сначала в уездном училище, а потом и в губернской гимназии.

Мало кто из обитателей «Косы» — беднейшего района Астрахани, видя, как худенький мальчик, сын покойного бедняка-портного, идет с уроков босиком, неся ботинки в руках (чтоб меньше стаптывались), верил, что тот сумеет одолеть гимназию. А он не только успешно овладевал курсом учения, но в старших классах еще и прирабатывал частными уроками и первым в истории Астраханской гимназии был удостоен при выпуске серебряной медали. Однако в «Свидетельстве», где подавляющее большинство составляли отличные отметки, тем не менее подчеркивалось, что «Ульянову, происходящему из податного состояния, не представляется тем никаких прав для вступления в гражданскую службу» [2].

Илья Николаевич, правда, мог теперь устроиться канцеляристом в какое-нибудь присутственное место или стать учителем начальной школы, но он очень хотел продолжить свое образование.

Директор гимназии, принимавший, по его словам, «уча-

---

[1] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, с. 30.

[2] В. М. Горохов и Б. И. Рождественский. Илья Николаевич Ульянов и его педагогическая деятельность. Казань, 1942, с. 11.

стие в судьбе Ульянова» и желавший помочь «совершенно бедному», но «даровитому мальчику», дважды обращался к попечителю (управляющему) Казанского учебного округа с ходатайствами о принятии своего ученика студентом Казанского университета на «казенный кошт». В ответ попечитель уведомил директора, что стипендии в университете существуют только для детей дворян и чиновников, а следовательно, для зачисления мещанина Ильи Ульянова в разряд стипендиатов «нет достаточного основания» [1].

Отказ расстроил, но не обескуражил Ульяновых. Подбадриваемый старшим братом, Илья Николаевич в конце июля 1850 года отправился на пароходе в Казань и поступил в университет — единственное тогда на востоке страны высшее учебное заведение.

Не получая стипендии, перебиваясь случайными уроками, он блестяще, со степенью кандидата математических наук, закончил через четыре года университет, овладев одновременно теорией и практикой ведения астрономических и метеорологических наблюдений.

Но Илью Николаевича влекли не только точные науки. Крымская война, показавшая всю гнилость и бессилие крепостничества, крестьянские волнения, статьи Белинского и Герцена в «Отечественных записках» и «Современнике», потаенная рукописная литература, злободневные вопросы общественной жизни — все это волновало его, заставляло размышлять. В тесном кругу друзей отводил душу Илья Ульянов откровенными разговорами, пел с товарищами вполголоса запрещенные песни. Особенно полюбились ему стихи петрашевца А. Н. Плещеева:

> По духу братья мы с тобой,
> Мы в искупленье верим оба,
> И будем мы питать до гроба
> Вражду к бичам страны родной.

На всю жизнь запомнилась эта песня, ставшая для Ильи Николаевича чем-то вроде «святая святых». Эта клятвенная решимость бороться с «бичами страны родной» во многом была подготовлена и поэзией Н. А. Некрасова. «Любимым поэтом Ильи Николаевича, — вспоминала Анна Ильинична, —

---

[1] М. Ульянова. Отец Владимира Ильича Ленина Илья Николаевич Ульянов (1831—1886). М.—Л., 1931, с. 10 (в дальнейшем — М. Ульянова).

был Некрасов. Он переписывал в юности из журналов некоторые стихотворения его...» [1].

При активном содействии гениального математика и геометра Николая Ивановича Лобачевского, занимавшего пост помощника попечителя Казанского учебного округа, И. Н. Ульянов получил в конце мая 1855 года должность старшего учителя физики и математики в высших классах Пензенского дворянского института. В этом сугубо сословном и закрытом среднем учебном заведении он с успехом преподавал свои любимые предметы, заведовал по совместительству физическим кабинетом и библиотекой, руководил землемерной практикой, в качестве члена педсовета рецензировал сочинения старшеклассников на латинском, французском языках и по русской словесности, занимался вечерами с неуспевающими.

С первых дней своего учительства Илья Николаевич энергично принялся за выполнение личного поручения профессора Н. И. Лобачевского по организации и проведению научных наблюдений на институтской метеостанции. Эта трудоемкая и кропотливая работа проводилась им в течение четырех лет (пока не вышло из строя оборудование) очень добросовестно и бескорыстно. «Вознаграждения за эти труды, — докладывал в связи с этим директор института в Казань, — г. Ульянов никакого не получает и не пользуется никакими преимуществами перед своими товарищами» [2].

Составленные им таблицы метеонаблюдений, как «заслуживающие полного доверия», использовались во второй половине XIX века учеными Главной геофизической обсерватории (ныне Пулковской), профессорами-физиками Казанского и Московского университетов, а также членами «Общества сельского хозяйства Юго-Восточной России».

Илья Николаевич отчетливо понимал, что изучение погоды и климата может принести практическую пользу для земледелия, садоводства и огородничества, особенно того края, где он жил и трудился. Не удивительно, что первая же его научная работа, получившая одобрение Казанского университета в 1857 году, была посвящена именно этой проблеме: «О пользе метеорологических наблюдений и некоторые вы-

---

[1] А. И. Ульянова. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1934, с. 13.

[2] Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925 гг.). Пенза, 1925, с. 49—50 (в дальнейшем — Юбилейный сборник).

воды из них для Пензы». Актуальной была и следующая — «О грозе и громоотводах», с которой он выступил 23 ноября 1861 года на торжественном акте института перед учащимися и их родными, преподавателями и многочисленными «любителями просвещения». В Пензенской губернии, как и в других местностях России, от ударов молний каждое лето полыхали деревни, леса, скирды хлеба и соломы, гибли люди и скот. Опираясь на труды авторитетных физиков, доказавших, что «молния есть не что иное, как электрическая искра», Илья Николаевич доходчиво и очень убедительно показал, что правильно устроенные громоотводы надежно защищают любые сооружения. В часовой речи он ни разу не упомянул «всевышнего», зато привел несколько ярких примеров, разоблачающих религиозные мифы и суеверия. В заключение он твердо заявил: «Итак, наука дает человеку средства оградить себя от ударов молний, борется с предрассудками и побеждает их самыми неопровержимыми доказательствами — фактами» [1].

Словом, научная деятельность И. Н. Ульянова в Пензе — это в определенной мере конкретный ответ на призыв Д. И. Писарева к «мыслящему пролетариату» о жизненной необходимости распространять естественные знания, бороться с грубейшим суеверием, которое «нас душит» [2].

Воплощая в жизнь педагогические идеи Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского и Н. А. Добролюбова, Илья Николаевич и его ближайшие друзья повели решительную борьбу против казенно-бездушных и грубых методов обучения и воспитания, десятилетиями царивших в институте. Им удалось искоренить порку и брань, поднять уровень преподавания, наладить отношения между наставниками и воспитанниками на основе взаимного доверия и уважения. Новые веяния высоко оценили выпускники. «Почему из нас вышли люди, а не нравственные уроды?» — вспоминал врач П. Ф. Филатов, отец прославленного советского академика В. П. Филатова. И сам же ответил на этот вопрос в 1905 году: благодаря родителям и влиянию тех «учителей, которые вносили в нашу жизнь честный взгляд и высокие нравственные принципы. Такими светлыми личностями были учителя русской словесности Логинов, Захаров, учитель математики И. Н. Ульянов, естествен-

---

[1] Юбилейный сборник, с. 33—34.
[2] Д. И. Писарев. Сочинения. Т. 2. М., ГИХЛ, 1955, с. 20.

ной истории А. П. Горизонтов и В. А. Ауновский... Они вносили в нашу жизнь отвращение к карьеризму и к материальной наживе... Я любил одно время математику, пока ее преподавал в институте Ульянов» [1].

В Пензе Илья Николаевич пережил бурную эпоху падения крепостного права. Пока либералы и крепостники торговались между собой об условиях реформы, крестьяне повсеместно волновались. Власти жестоко карали их. Так, в феврале 1860 года штаб-офицер Пензы уведомил шефа жандармов империи, что в городе «тюремный замок набит, в полном смысле этого слова».

Острые вопросы современности волновали И. Н. Ульянова и его товарищей. Ответы на них они искали прежде всего в статьях Добролюбова и Чернышевского, публиковавшихся в «Современнике».

Жил Илья Николаевич в то время на квартире своего сослуживца и друга Владимира Ивановича Захарова. Этот талантливый словесник, учившийся в Петербургском Главном педагогическом институте на одном факультете с Н. А. Добролюбовым, был убежденным демократом, умело использовавшим все возможности для пропаганды освободительных идей. Передовые педагоги, группировавшиеся вокруг В. И. Захарова и И. Н. Ульянова, чутко реагировали на прогрессивные веяния. Как только, например, в конце 1859 года в России возникли первые воскресные школы для народа, пензенские просветители под влиянием проекта «Общества распространения знаний в России», появившегося в «Современнике», добиваются разрешения на открытие в городе своего «Общества распространения грамотности». Их устав предусматривал создание сети школ, библиотек, снабжение «учащихся и вообще бедных» книгами, «бесплатное ознакомление с фабричным и заводским производством» [2].

Министр народного просвещения почти полгода рассматривал этот проект, но разрешил открыть только школу. На первое занятие — 13 ноября 1860 года — пришли 40, а через несколько недель — уже 140 детей ремесленников.

Вначале «распорядителем» был В. И. Захаров, но впослед-

---

[1] П. Филатов. Юные годы. — «Псовая и ружейная охота», М., 1905, кн. VIII, с. 45.

[2] О. Савин, Ж. Трофимов. И. Н. Ульянов в Пензе. Саратов, 1973, с. 103.

ствии он передал народную школу Илье Николаевичу. У словесника, видимо, не выдержали нервы. Ведь, как писал Н. Г. Чернышевский в апрельской книжке «Современника» за 1862 год, воскресных школ мало потому, что «они подозреваются, стесняются, пеленаются так, что у самых преданных делу преподавания в них людей отбивается охота в них преподавать».

Но и под такой жесткой опекой воскресные школы просуществовали недолго. 21 июня 1862 года Илье Николаевичу было вручено циркулярное предписание министра внутренних дел, в котором говорилось, что повелением царя, ввиду обнаруженных случаев пропаганды в воскресных школах «вредных учений, возмутительных понятий о праве собственности и безверия», все они закрываются.

Н. Г. Чернышевский считал, что те, кто работал в воскресных школах — это «честные люди, любящие народ, делающие для него все, что могут»[1]. И эта характеристика в полной мере относится к Илье Николаевичу.

Когда В. И. Захаров в интересах просветительства организовал «библиотеку продажных книг» и литературные кружки, Илья Николаевич тоже принял живейшее участие в их деятельности. По свидетельству профессора-юриста Н. С. Таганцева, который в юности посещал один из таких кружков, в него входили супруги В. И. и О. С. Захаровы, И. Н. Ульянов, В. А. Ауновский, некоторые учащиеся и студенты. «Собирались мы летом чуть не ежедневно, — писал мемуарист. — Собрания наши по вечерам были заняты главным образом чтением журналов и в особенности самого либерального тогда «Современника»... Читали мы аккуратно и «Колокол»[2].

Но собрания кружка продолжались и после летних вакаций, на которые приезжал Н. С. Таганцев. Здесь бывали Дмитрий Каракозов и его двоюродный брат Николай Ишутин, которые одно время квартировали у В. И. Захарова, Максимилиан Загибалов, Николай Странден и другие юноши — будущие видные революционеры 60—70-х годов.

О чем думал и говорил Илья Николаевич в такой радикальной среде — представить нетрудно. Тем более, что в отношении его ближайшего друга у жандармов сложилось твер-

[1] Н. Г. Чернышевский. Избранные педагогические высказывания. М., 1940, с. 169.

[2] О. Савин, Ж. Трофимов. И. Н. Ульянов в Пензе, с. 81.

дое убеждение: В. И. Захаров «употреблял все свои способности чрезвычайно мастерски на вселение ученикам... самых вредных идей и развития в них враждебных всякому порядку стремлений» [1]. Только переезд в Нижний Новгород дал отсрочку «образователю красных пензяков» от политической ссылки или более суровой кары.

В ноябре 1861 года произошло событие, определившее дальнейшую личную жизнь Ильи Николаевича. По только что установившемуся санному пути приехала из Кокушкина в Пензу к своей сестре Анне Александровне Веретенниковой Мария Александровна Бланк. И. Д. Веретенников, как инспектор института, имел просторную квартиру в самом здании института. Пользуясь гостеприимством радушных хозяев, молодые учители охотно приходили просмотреть свежий номер «Современника», поговорить о наболевшем, принять участие в самодеятельном концерте. «Часто бывал у них Илья Николаевич. Иногда он приносил с собой новую книжку журнала и читал вслух. В. А. Ауновский, прозванный «соловушкой» за свой хороший голос, пел, пела и Мария Александровна, у которой был небольшой, но приятный голос» [2]. Хозяйка и ее младшая сестра с успехом декламировали стихи Пушкина, Лермонтова, Гейне.

Мария Александровна была очень красива: умные, выразительные глаза, приветливое, спокойное и в то же время величавое выражение лица. Во всем ее существе чувствовалась большая нравственная сила, выдержка, цельность. С детства не привыкшая сидеть без дела, она и в гостях находила себе занятие: помогала готовить уроки детям сестры, учила их пению и языкам. Узнав, что Илья Николаевич испытывает затруднения при переводе на русский французских физиков, Мария Александровна с удовольствием пришла на помощь. Занималась она с ним и английским языком.

Летом 1863 года, в связи с закрытием дворянского института, Илья Николаевич получил назначение в Нижегородскую гимназию. Готовилась в это время к отъезду и Мария Александровна. Она договорилась с сестрой Софьей, жившей с мужем-учителем в Самаре, что они вместе будут сдавать экстер-

---

[1] И. Федоров. Выдающиеся учителя и просветители Пензенской губернии. Пенза, 1958, с. 36.

[2] М. И. Ульянова. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 4, с. 41.

ном экзамен в тамошней гимназии на право первоначального обучения детей русскому, немецкому и французскому языкам, а также арифметике. Илья Николаевич, в совершенстве знавший последний предмет и методику его преподавания, проводил необходимые консультации.

15 июля Мария Александровна успешно сдала установленные экзамены в Самаре и получила «Свидетельство» на звание домашней учительницы. В следующем месяце невдалеке от Кокушкина состоялось бракосочетание Марии Александровны с Ильей Николаевичем. Вскоре после этого радостного события молодая чета поселилась в Нижнем Новгороде.

Первое время они жили в «красном флигеле» дворянского института. Через год, когда Илья Николаевич стал и заведующим физическим кабинетом мужской гимназии, Ульяновы поселились в квартире, находившейся на третьем этаже ее учебного корпуса.

Нагрузка Ильи Николаевича была очень велика. Помимо преподавания физики и математики в гимназии, а с 1865 года еще космографии и естественных наук он вел занятия по планиметрии на землемерно-таксаторских курсах, преподавал физику в женском училище первого разряда. Как и в Пензе, И. Н. Ульянов считался одним из лучших и авторитетнейших преподавателей. Вот какую характеристику дал ему попечитель Казанского учебного округа: «Ульянов, снискавший себе известность отличного педагога, по достоинству занимает принадлежащее ему место между лучшими преподавателями. Его мягкое и симпатичное обращение с воспитанниками, всегда ровный и благоразумный такт привлекает к нему учеников и заставляет охотно заниматься. Самое его преподавание отличается ясным и толковым изложением и тем терпеливым вниманием, которым он слабых и менее развитых учеников доводит до полного усвоения преподаваемого...» [1]

В часы досуга Илья Николаевич и Мария Александровна встречались со старыми знакомыми по Пензе — супругами Захаровыми, В. А. Ауновским и его матерью Натальей Ивановной, а также с прогрессивно настроенными учителями Б. И. Сциборским — другом Н. А. Добролюбова, Г. Г. Шапошниковым — учеником Н. Г. Чернышевского по Саратовской

---

[1] А. Анисенкова, Д. Балика. И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде. Горький, 1969, с. 49.

гимназии, Н. В. Копиченко и М. Н. Попковым — членами «Земли и воли», А. Ф. Мартыновым и другими горячими сторонниками идей, развиваемых редакцией «Современника».

Не прерывались связи молодой семьи и с некоторыми пензенскими учениками. В то время многие из них под влиянием «Что делать?» Чернышевского создавали в Москве различного рода прогрессивные ассоциации. Так, в 1864 году Илью Николаевича навестил Николай Странден, который через два года попадет на каторгу по делу Каракозова. Странден сообщил адрес их общего учителя Николаю Петерсону, работавшему секретарем журнала «Ясная Поляна» у Льва Толстого. Петерсон искал в это время место учителя и обратился с письменной просьбой о содействии к И. Н. Ульянову. Тот живо откликнулся и посоветовал принять участие в конкурсе на замещение вакансии учителя приготовительного класса при Нижегородской гимназии. Знаменательно, что Илья Николаевич выразил в своем письме уверенность, что Н. П. Петерсону «известны все методы наглядного обучения» и он уже познакомился «с ними на деле в Ясной Поляне» [1].

Сам Илья Николаевич пристально следил за статьями Л. Н. Толстого в «Ясной Поляне» и других журналах. И это понятно. Ведь, как указывала Н. К. Крупская, «для всякого педагога, каких бы взглядов он ни держался, педагогические статьи Толстого являются неисчерпаемой сокровищницей мысли и духовного наслаждения» [2].

В середине 60-х годов в Нижнем Новгороде, как и в других губернских городах России, разгорелась острая полемика о дальнейшей судьбе мужской гимназии. Спор шел между сторонниками так называемого «классического» и реального образования. И. Н. Ульянов и другие последователи К. Д. Ушинского проголосовали на заседании педсовета гимназии против намеченного засилья латыни и греческого, против того, что ботаника, зоология, анатомия и химия вообще не значились как самостоятельные предметы. Однако реакционное большинство совета, вдохновляемое статьями редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, рьяно выступавшего против естествознания, так как оно подводит к «материализму, нигилизму и атеизму», отвергло подписанное Ильей

---

[1] Э. С. Виленская. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., «Наука», 1965, с. 231.

[2] Н. К. Крупская. Толстой и Яснополянская школа.

Николаевичем «Мнение в пользу учреждения в Нижнем Новгороде реальной гимназии».

4 апреля 1866 года Дмитрий Каракозов совершил неудачное покушение на царя. Во время следствия и суда выяснилось, что большинство наиболее активных членов революционной организации, возглавляемой Николаем Ишутиным, среднее образование получили в Пензе. Несмотря на то что ни один из подсудимых не подтвердил, что учителя оказали на них революционизирующее влияние, В. И. Захаров попал на многие годы в ссылку. Фамилия Ильи Николаевича встречается в делах Каракозовского процесса шесть раз. Но, к счастью, репрессии не коснулись его.

В эпоху «белого террора», наступившего в стране после процесса, возможности для общественной деятельности у всей передовой интеллигенции резко уменьшились. И все-таки Илья Николаевич делал что мог. В составленных в 1868 году учебных программах для гимназии он продолжал отстаивать необходимость углубленного изучения точных наук. В программу по физике, например, он, следуя Н. Г. Чернышевскому, ввел значительный по объему курс химии. Илья Николаевич придавал большое значение практическим занятиям, считая, что «применение знания к делу, приложение научных сведений к жизни оживляет самую науку и придает ей практическое значение».

В Нижнем Новгороде Мария Александровна стала матерью троих детей — Анны, Александра и Ольги. Но заботы, связанные с их воспитанием и ведением домашнего хозяйства, не мешали ей следить за новинками художественной литературы и музыки, быть в курсе тех социальных вопросов, которые волновали мужа и его друзей. Одной из злободневных в конце 60-х годов стала проблема народной школы. В полемике о целях, путях ее развития и методах преподавания приняли участие Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, барон Н. А. Корф и другие видные писатели и педагоги того времени. «Сознание необходимости работать в народе и для народа, которому надо было «заплатить долг», которого нужно было просветить и вывести из темноты, нищеты и бесправия, широко охватило все передовое мыслящее общество России в эту эпоху» [1].

Илья Николаевич, «одушевленный, — по выражению Анны Ильиничны, — лучшими идеями конца 60-х и начала

---

[1] М. Ульянова, с. 27.

70-х годов», не мог остаться равнодушным к освободительному движению, к вызванной этим движением тяге к просвещению народа. Педагогическая работа в средних учебных заведениях перестала удовлетворять его. Ему захотелось «поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов» [1].

Марии Александровне были близки и понятны стремления мужа. Вот почему, когда летом 1869 года, вскоре после смерти их годовалой Оленьки, у Ильи Николаевича появилась возможность занять должность инспектора народных училищ Симбирской губернии, она без колебаний оставила обжитую четырехкомнатную казенную квартиру и отправилась в незнакомый, более провинциальный Симбирск, где предстояло жить на частных квартирах, долгими неделями ждать возвращения любимого человека из поездок по селам.

22 сентября Ульяновы отплыли от Нижегородской пристани, а через два дня с палубы парохода они уже любовались городом, живописно раскинувшимся на высоком берегу Волги.

НАРОДНЫЙ ТРУЖЕНИК-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Поле работы для молодого инспектора народных училищ Симбирской губернии действительно оказалось широкое. На пространстве, превосходящем по площади такие государства, как Греция, Голландия, Дания или Швейцария, разбросаны были 1546 населенных пунктов. В губернии, по учетным данным, значилось 460 начальных народных училищ, из которых 430 на селе. Одна школа, в среднем с 21 учащимся, на 3,6 населенных пункта [2].

Серьезную тревогу внушал состав учителей. Из 526, состоявших на службе, 294 являлись в то же время священниками местных приходов, а трое — муллами. Получалось, что лишь в одной из двух школ уроки вел светский преподаватель. Но и он, в большинстве случаев, не имел даже средне-

[1] М. Ульянова, с. 28.
[2] «Симбирские губернские ведомости», 1870, 21 апреля.

го образования. Правительство почти не отпускало средств на народные училища, образованное «общество» тоже скупилось. Так, Симбирское уездное земское собрание прославилось на всю страну тем, что в течение нескольких лет выделяло на народные училища всего 100 рублей в год. Этого едва хватало на содержание канцелярии уездного училищного совета.

Главным источником существования подавляющего большинства училищ губернии служил сбор с крестьян — от 10 до 20 копеек с души в год. На эти скудные средства поддерживались училищные здания, выплачивалось жалованье педагогам. Только десятеро из них получали годовое жалованье в 90—150 рублей, а у многих, по сведениям Ильи Николаевича, оно «доходило до невероятного размера — 25 руб., а в женских — до 15 руб.» [1]. Не мудрено, что за такое вознаграждение обучать обязательным молитвам соглашались даже не все «батюшки и матушки», а чтению, письму и счету учили полуграмотные отставные солдаты, сельские писаря, изгнанные со службы дьячки или канцеляристы.

С чего начать? Немало дней и ночей думал Илья Николаевич об этом, советовался с женой, с теми немногими общественными деятелями, которые, по словам симбирского писателя В. Н. Назарьева, были увлечены «искренним желанием добра и блага темному люду» [2].

Нужны были деньги: без них не создашь новых школ, не подготовишь толковых учителей. Надо было всколыхнуть уездные земства и завоевать доверие крестьян, ведь главная работа предстояла на селе. Вошли в историю бесконечные поездки инспектора народных училищ по губернии. А так как занятия в школах начинались глубокой осенью и заканчивались ранней весной (в страду крестьянские ребята помогали родным в поле), то колесить на перекладных приходилось большей частью в самые ненастные времена года. И «наш» инспектор, «единственный просветитель одной из богатейших приволжских губерний», — вспоминал член симбирского уездного училищного совета В. Н. Назарьев, — был в одно и то же время «строителем училищ, архитектором; вечным просителем, назойливо, но в большинстве тщетно выма-

---

[1] «Журнал министерства народного просвещения», 1880, май, с. 90—92.

[2] «Симбирские губернские ведомости», 1894, 11 мая.

ливавшим у земства лишний грош на школы; руководителем... курсов; добрым гением учителей и учительниц, не раз спасавшим их от крайней нужды и безвыходного положения... и в то же время был только что не почтальоном, так как на долю его выпадала обязанность вечно скакать на перекладных по нашим проселкам, замерзать во время зимних морозов и метелей, утопать в весенних зажорах, голодать и угорать на так называемых въезжих и т. д.» [1].

Более близкое знакомство с народными школами показало, что только 89 из 460 «были более или менее хорошо организованы; все же прочие, — отметил И. Н. Ульянов в первом годовом отчете, изобличая тем самым официальную статистику во лжи, — или числились только на бумаге, или, если и существовали, то в самом жалком виде» [2].

Почти в каждом селе Илья Николаевич встречался с крестьянами на сходе. Надо было убедить их в необходимости своими силами построить новый училищный дом или отремонтировать старый, увеличить жалованье учителю. Не везде сход принимал сразу желательный приговор. Иногда приходилось приезжать в село еще и еще, беседовать с членами общины. Постепенно, убеждаясь в той пользе, которую приносят их детям новые школы, сельчане все чаще и охотнее соглашались с предложениями инспектора. Наконец настал тот долгожданный день, когда он получил по почте первый приговор сельского схода с выражением искренней признательности за «труды об устройстве образцовых школ». Крестьянская благодарность была высшей наградой для Ильи Николаевича. Это навсегда запомнилось его детям. «Особенно осталась в памяти радость отца, — вспоминала Анна Ильинична, — проявлявшаяся каждый раз, когда крестьянский сход постановлял открыть школу или выражал удовлетворение существующей» [3].

Как первые, так и последующие успехи народной школы губернии во многом связаны с появлением учителей нового типа. Их подготовку с 1869 года Илья Николаевич вел на педагогических курсах при Симбирском уездном училище. Наряду с лучшими методистами из преподавателей города он сам проводил показательные уроки по физике и матема-

---

[1] «Вестник Европы», 1876, март, с. 294.
[2] «Симбирские губернские ведомости», 1870, 21 апреля.
[3] М. Ульянова, с. 37.

тике, обучению детей чтению и письму, разъяснял основные положения педагогики и дидактики К. Д. Ушинского, знакомил курсантов с программами, учебниками и пособиями. «Живость и ясность изложения, — вспоминал один из его слушателей В. А. Калашников,— наглядность преподавания настолько были удачными, что его уроки нами легко усваивались тут же в классе. Он умел заинтересовать и увлечь нас своими уроками. Мы ждали их, как праздники» [1].

Как на уроке, так и на разборе он старался создать непринужденную обстановку, терпеливо слушал, как будущие учителя обмениваются замечаниями об уроке товарища. Если же произносил свое авторитетное суждение, то без резких слов или повышения тона.

Большую помощь молодым педагогам оказывал инспектор народных училищ губернии на проводившихся им с 1870 года учительских съездах, где происходило практическое ознакомление учителей с новейшими методами обучения и воспитания, выставками наглядных пособий, педагогической литературы, обсуждение всех вопросов школьной жизни.

19 ноября 1872 года по инициативе И. Н. Ульянова и его сторонников в селе Порецком была открыта одна из немногих в стране учительских семинарий. Директором ее по рекомендации Ильи Николаевича был назначен инспектор Симбирской классической гимназии В. А. Ауновский. Вместе со своим другом и единомышленником он подбирал туда преподавателей и воспитанников, разрабатывал предметные программы, бывал на занятиях и экзаменах, напутствовал выпускников перед отъездом на работу. О взглядах И. Н. Ульянова и В. А. Ауновского на задачи школы и семинарии можно судить по речи ее директора, произнесенной при открытии. «Торжество открытия семинарии, — говорил Ауновский, — есть вместе с тем торжество народной школы, народного образования, на котором зиждется сила и могущество государства». Семинария должна, продолжал он, готовить таких учителей, чтобы школа могла давать крестьянам «положительные знания, научила их пользоваться дарами окружающей природы и развила бы в крестьянах обязанности человека и гражданина» [2].

Благодаря заботам Ильи Николаевича (В. А. Ауновский,

---

[1] Юбилейный сборник, с. 42.
[2] «Симбирские губернские ведомости», 1872, 9 декабря.

к сожалению, в 1875 году скончался) учителя-семинаристы, воодушевленные идеями просветительства, десятилетиями сеяли «разумное, доброе, вечное» в «медвежьих углах» Симбирской и соседних с нею губерниях Поволжья.

Неоценимое значение для народных учителей имели посещения Ильей Николаевичем сельских школ. В ходе непринужденных бесед он старался, по словам современника, на конкретных примерах «определять задачу и цель обучения, в подробностях разработать и установить объем и курс обучения, избрать учебники, показать учителю, как пользоваться ими, показать на практике тот или иной метод и прием, и этим создавать самих учителей...» [1]. И он создал таких учителей, которые вошли в историю как «ульяновцы». Кому, спрашивал в 1894 году В. Н. Назарьев, «не известны бывшие воспитанники Ульянова: Малеев, Клюжевы, Калашников, Кабанов, Лукьянов и т. д.» [2].

Илья Николаевич добивался, чтобы народные учителя самостоятельно изучали труды лучших педагогов России и творчески применяли их рекомендации в школах. Характерна в этом отношении работа съезда народных учителей, проходившего в сентябре 1874 года в Симбирске. По заданию И. Н. Ульянова учитель Н. Я. Лукьянов, говорилось в газетной корреспонденции, рассказал участникам съезда о советах В. И. Водовозова и К. Д. Ушинского по обучению правилам правописания; П. П. Малеев, «разобрав мнения Ушинского, Водовозова и Корфа об этом предмете, показал, при каких обстоятельствах их все можно употреблять с пользою и при каких нельзя». Таким образом, — заключает свое сообщение репортер, — директор народных училищ, «будучи сам руководителем съезда, сумел привлечь самих учителей к разработке педагогических вопросов, а не заставлял их выслушивать молча известные положения, как вести учебное дело» [3].

О том, с какими чувствами и мыслями разъезжались народные учителя после окончания курсов и съездов, проводившихся Ильей Николаевичем, говорится в «Автобиографии» А. С. Кабанова, чья подпись в 1887 году появится на аттестате зрелости Владимира Ульянова. «Нам наговорили,—

---

[1] «Симбирские губернские ведомости», 1886, 25 января.
[2] Там же, 1894, 11 мая.
[3] Там же, 1874, 12 октября.

писал он в 1880 году, — столько безобразного о волостных писарях и старостах, о дьячках, что иначе и не воображали себе, как чудовищами, с которыми придется воевать. Наслушавшись различных ужасов, я так горячо к сердцу принял школьное дело, что весь отдался ему... Большинство из нас поехали воевать с попами, писарями и другими воротилами сел и деревень. Я принадлежал к этой партии» [1].

С самого начала своей деятельности в Симбирске Илья Николаевич непрестанно заботился о распространении грамотности среди мордвы, чувашей и татар, составлявших почти треть населения губернии. Решать эту задачу было намного труднее, чем среди русских крестьян. К обычным трудностям прибавлялись сопротивление великодержавных шовинистов, противившихся обучению нерусских детей на родном языке, а также влияние националистов, особенно мулл, настраивавших верующих против светских школ вообще и против изучения русского языка, в частности.

В борьбе с этими крайне вредными и устойчивыми взглядами Илья Николаевич выработал гибкую и тонкую тактику. Всячески предотвращая применение насильственных мер, он поощрял совместное обучение ребят различных национальностей и вероисповеданий, а там, где это было невозможно или нецелесообразно, открывал национальные школы, направляя в них лучших учителей. За годы работы И. Н. Ульянова в Симбирской губернии число учащихся в нерусских школах возросло вдвое. Но значение его усилий неизмеримо выше этого цифрового показателя. Он воспитал первых настоящих педагогов из представителей национальных меньшинств, заложил прочные основы развития не только народного образования, но и культуры, способствовал укреплению дружбы между народами.

Особенно ярко видны эти заслуги Ильи Николаевича в становлении и развитии Симбирской чувашской учительской школы. Основал ее на свой страх и риск в 1868 году двадцатилетний гимназист чуваш Иван Яковлевич Яковлев. Но вряд ли это детище будущего просветителя своего народа могло окрепнуть и превратиться в знаменитую кузницу национальных педагогических кадров, если бы не щедрая, дружеская и

---

[1] Ученые записки Ульяновского пединститута им. И. Н. Ульянова, т. XVIII, в. 3. Ульяновск, 1963, с. 185. Публикация П. С. Бейсова.

квалифицированная помощь И. Н. Ульянова, которую он оказывал И. Я. Яковлеву и чувашской школе с первых дней приезда в Симбирск и до последнего дня своей жизни.

«Не прояви Илья Николаевич активного интереса к чувашской школе,— вспоминал сын И. Я. Яковлева,— не будь он готов отразить всякую враждебную атаку на нее в «губернии» доказательствами, им почерпнутыми из непосредственного знакомства с чувашской школой.., как сплетня или клевета могли отравить и даже убить начинавшую жить молодую школу, первенец чувашской культуры... Илья Николаевич был советчиком, защитником, порой руководителем в трудные дни чувашской школы, а недостатка в этих трудных днях никогда, конечно, не было» [1].

Таким же последовательным и умелым проводником идей некрасовского «Современника» Илья Николаевич был и в другой — тоже важной, но очень отсталой области народного просвещения — женского. Он охотно определял на должности народных учительниц выпускниц женских гимназий или девушек, сдавших экстерном установленные экзамены на право преподавания. С 1871 по 1885 год число женщин-учительниц в Симбирской губернии возросло с 56 до 150.

Совместное обучение девочек и мальчиков по законам империи допускалось только в младших классах или в тех случаях, когда из-за малочисленности жителей в каком-то населенном пункте невозможно было создание раздельных школ. В городах совместное обучение, за исключением частных школ, вообще не предусматривалось. О том, каких результатов достиг И. Н. Ульянов в развитии женского образования, говорят такие факты. В первый год его работы в Симбирске имелось одно начальное женское училище. Впоследствии их стало шесть. А в целом по губернии численность учащихся девочек увеличилась с 1840 до 2937 человек [2].

Директор народных училищ, по свидетельству его современника-педагога, «как руководитель народно-воспитательного дела, не упускал из вида ни одного средства, которое помогло бы ему дать более сильное движение и оживление этому делу. И уж не вина, что его стремления не всегда увен-

---

[1] А. И. Яковлев. Иван Яковлевич Яковлев (1848—1930). Чебоксары, 1958, с. 44.

[2] А. И. Кондаков. Директор народных училищ И. Н. Ульянов. М., 1964, с. 207.

чивались должным успехом»[1]. Он, в частности, стремился использовать такие формы просветительства, как устройство комиссионных книжных складов при земских учреждениях и библиотек при училищах, проведение литературных вечеров и воскресных чтений для народа.

«Идейность Ильи Николаевича,— указывала Мария Ильинична, — проявлялась и в том круге знакомых, которых он имел, с которыми поддерживал более близкие отношения»[2]. Действительно, отвергая знакомства, основанные на чинах и рангах, он общался только с приверженцами народного просвещения: учителями, инспекторами народных училищ, прогрессивными членами училищных советов и попечителями народных школ, деятелями земства и городской думы. Среди них были весьма интересные люди: секретарь губернского статистического комитета, автор этнографических и исторических трудов В. А. Ауновский, народнический писатель В. Н. Назарьев, влиятельный и высокообразованный член губернского земского собрания А. Ф. Белокрысенко, председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки — племянник известного поэта пушкинской плеяды Н. А. Языков, известный критик П. В. Анненков, бывший профессор-юрист Московского университета и знакомый Льва Толстого Ф. М. Дмитриев, чувашский просветитель И. Я. Яковлев, «незаконнорожденный» сын декабриста А. Д. Улыбышева врач-демократ И. С. Покровский, политический ссыльный доктор медицины А. А. Кадьян. Бывая в селе Каменке Курмышского уезда, Илья Николаевич встречался с О. С. Левашевой — активным членом Русской секции I Интернационала, знакомой Карла Маркса и его семьи, а также с В. И. Захаровым. Там, в Каменке, он подарил 15 июля 1885 года старому другу свою фотокарточку с надписью: «Дорогому Владимиру Ивановичу от преданного ему И. Ульянова». Думается, что эта краткая запись удостоверяла не только личную преданность политическому поднадзорному Захарову как человеку, но и тем высоким идеалам, которые воодушевляли их еще в Пензе, ровно тридцать лет назад.

Успеху просветительской деятельности Ильи Николаевича способствовало и его личное обаяние. Раскрывая черты характера своего директора, инспектор народных училищ

---

[1] «Симбирские губернские ведомости», 1886, 29 января.
[2] М. Ульянова, с. 61.

К. М. Аммосов особо отметил то редкое внимание и участие, с которым он относился к подчиненным. Он сердечно, «без всякой принужденности умел одного обласкать, другого ободрить, иному сделать внушение и замечание, не возбуждая к себе ни малейшего чувства неприязни» [1]. Народному учителю В. А. Калашникову, которого Илья Николаевич встречал дома у себя с неизменной «светлой и радушной улыбкой» и готовностью оказать «помощь всеми силами его гуманнейшей души», на всю жизнь запомнился его образ, сияющий «светлой звездой чистоты идеалиста» [2].

Современники Ульяновых считали «чудом» появление в симбирских «палестинах» такого человека, как Илья Николаевич. Писатель В. Н. Назарьев заявил об этом в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1898 год. Восхищаясь беззаветным характером просветительской деятельности И. Н. Ульянова, его непоколебимой верой в «лучшее будущее», Назарьев писал также, что это был один из «народных тружеников, никогда не идущих далее скромного места и ничтожного, едва хватающего на пропитание, жалованья» [3].

Некий Анненков, припоминая с другим знакомым, тоже хорошо знавшим И. Н. Ульянова и его «огромные заслуги перед обществом», поражался тем, «как глубоко, беззаветно всего себя может отдать человек на служение идее; мы и мечтать не могли, — искренне признался мемуарист на страницах газеты в 90-х годах, — приблизиться к тому идеалу человека и гражданина, какой воплощал в себе И. Н. Ульянов и его ближайшие питомцы» [4].

«...ДАЛЕКО НЕ БЛАГОДЕНСТВУЕТ»

«Розовый» период в жизни народной школы длился недолго. Уже в начале 70-х годов началось «попятное движение»: ослабел интерес к ней со стороны «общества», запрещалось проведение учительских съездов, притеснялись прогрессивные педагоги.

Повествуя о «мрачных и светлых сторонах школьного

---

[1] «Симбирские губернские ведомости», 1886, 25 января.
[2] Юбилейный сборник, с. 47.
[3] «Вестник Европы», 1876, март, с. 294.
[4] М. Ульянова, с. 72.

дела» в Симбирской губернии, В. Н. Назарьев не счел возможным в своих очерках «Современная глушь», появившихся на страницах столичного «Вестника Европы», рассказать, с кем еще, кроме «плутов-подрядчиков» и «разжиревших волостных старшин», приходилось сталкиваться по учебным делам хорошо знакомому ему инспектору народных училищ. В доверительном же письме к редактору журнала от 10 марта 1876 года писатель намекнул о более серьезных неприятностях И. Н. Ульянова: «...ввиду весьма печальных соображений я не решился сказать, что он далеко не пользуется вниманием министерства и далеко не благоденствует» [1].

Сейчас, спустя столетие, трудно сказать, что конкретно имел в виду автор письма, но есть основания полагать, что он уклонился в «Современной глуши» от критики правительственных мер по усилению роли дворянства и духовенства в народном образовании. Меры эти являлись ответом властей на попытки революционных народников пропагандировать антиправительственные идеи среди сельских учителей и грамотных крестьян — выпускников начальных училищ. Опасаясь, что «народная школа при недостатке попечительного наблюдения» может быть обращена «в орудие нравственного растления народа, к чему уже и обнаружены некоторые попытки» [2], царь 25 декабря 1873 года повелел дворянству «стать на страже народной школы».

Согласно этому «высочайшему» указанию губернские и уездные предводители дворянства в июле 1874 года возглавили училищные советы. Что это означало на практике, в частности в Симбирске, видно из воспоминаний В. Н. Назарьева: Н. А. Языков, «единственный из числа бывших председателей уездного училищного совета, придававший серьезное значение своей обязанности, должен был уступить свое место уездному предводителю дворянства (И. А. Белякову. — Ж. Т.), считавшему народные школы какой-то игрушкой, в которую пора уже перестать играть» [3].

Илья Николаевич, назначенный в это же время директором народных училищ губернии, по-прежнему верил, что правительство и значительная часть просвещенного общества

---

[1] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. III, П., 1912, с. 697.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 38.
[3] «Вестник Европы», 1898, кн. 4, с. 707—708.

все-таки заинтересованы в подъеме народного образования. Во всяком случае, он с неослабеваемой энергией и настойчивостью делал все, что мог, для коренного улучшения обучения и воспитания в подведомственных ему начальных школах.

Любопытно, что даже начальник симбирского губернского жандармского управления, зорко приглядывавшийся к деятельности И. Н. Ульянова и двух его помощников — участковых инспекторов народных училищ, — вынужден был в 1875 году констатировать, что это — «симпатичные, трудящиеся» люди. «Но как бы они ни старались и ни хлопотали об устройстве школ, разбросанных на всех пространствах 8 уездов губерний, — доносил полковник в Петербург, — труды их не могут увенчаться успехом таким, каким бы они желали. Во-первых, потому, что само сельское население не вполне сознает необходимость образования юношества, и также г.г. предводители дворянства апатично смотрят на дело, несмотря на то что государю императору благоугодно было поручить им быть двигателями образования юношества» [1].

Роль другого «двигателя» царь возложил на православное духовенство. Однако «батюшки» и «матушки», составлявшие большинство учащих, как правило, безответственно относились к своим обязанностям. Вот еще одно свидетельство В. Н. Назарьева, приведенное в очерках «Современная глушь», которые он в сброшюрованном виде подарил И. Н. Ульянову (ныне они хранятся в Кремлевской библиотеке В. И. Ленина):

«...Я в бедном, до крайности неопрятном доме сельского священника; меня ведут в кухню, где в ожидании моего приезда сидят восемь мальчиков и нетерпеливо скачет на одном месте новорожденный теленок. Приступаю к испытанию, но священник останавливает меня и просит не беспокоиться, так как мальчики ничего не знают.

— За что же получаете 130 руб. в год?

— А вы думаете, дешево они мне достались... Сколько лет вымаливал, и насилу вырвал приговор (у сельского схода. — **Ж. Т.**). Верите ли, самому шесть ведер вина стоило, — с крайне наивным видом уверяет священник, смотревший на свое

---

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР), ф. 109, оп. 160, д. 96, л. 21.

учительское жалованье как на прибавку к его скудному содержанию»[1].

К сожалению, таких «наивных» наставников в Симбирской губернии было немало. Документы свидетельствуют, что И. Н. Ульянов и его помощники В. Г. Зимницкий и В. М. Стржалковский в своих «Отчетах о состоянии начальных народных училищ» за 1874 и 1875 годы критиковали почти каждого второго священника, состоявшего на службе по учебному ведомству, за недобросовестное исполнение своих обязанностей, отсталые методы обучения, а некоторых и за жестокое обращение с детьми.

Священник Л. Солнцев, взявшийся за преподавание всех предметов в Аксауровском училище Карсунского уезда, не научил детей ни «по одному из учебных предметов». Оказывается, что он «за недосугом» бывал очень редко в «холодном, угарном тепляке» для пожарных труб, в котором размещалось училище, а «чтобы ученики сидели смирно, посылал вместо себя своего восьмилетнего сына»[2].

Причетчик П. Богоявленский, как и многие другие его коллеги из духовного сословия, упражнял школьников «в механическом и бестолковом чтении», заставлял их зубрить наизусть тексты из учебников. В довершение всего он вел «нетрезвую жизнь» и на уроки иногда являлся «выпивши»[3].

Нередко имели место случаи, когда законоучители, не добившись безоговорочного подчинения светского учителя, злобно мстили ему. «Священник Яхонтов из Гладчишинского сельского училища Сенгилеевского уезда, — докладывал И. Н. Ульянову инспектор В. М. Стржалковский, — не только не заботится об устройстве училища, а, напротив, старается вредить ему. В обществе говорит: много платите учителю жалованья, довольно и пяти рублей в месяц, не следует доставлять дров, пусть отопляет училище учитель из получаемого им содержания; должно быть (в обучении) не более 9 учеников, как положено по штату, а иначе выйдет много бумаги, перьев и карандашей; ученикам же объявил, что они не должны слушаться учителя, а только одного его, священника; последнее подтвердили мне обучающиеся мальчики». «В резуль-

---

[1] В. Назарьев. Современная глушь. — «Вестник Европы», 1876, май, с. 181—182.

[2] Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1875 гражданский год. Симбирск, 1876, с. 212.

[3] Там же, с. 148.

тате, — пишет далее инспектор, — количество обучающихся сократилось с 20 до 12 учеников». «Начатое постройкой для учителя отдельное помещение не окончено; в школу не доставляются дрова, ученики не исполняли вполне приказаний учителя...» [1].

И. Н. Ульянов еще в 1871 году представил в министерство народного просвещения поправку в проект инструкции инспекторам народных училищ России, суть которой заключалась в предоставлении им права увольнять из школ недостойных по тем или иным причинам лиц духовного звания. Но министерство, предвидя возможность конфликтов с епархиальным ведомством, рекомендовало в инструкции инспекторам информировать о провинностях таких лиц начальство [2].

Симбирский инспектор народных училищ неоднократно сообщал о них в духовную консисторию. Однако последняя обычно ограничивалась внушениями провинившемуся и уж в крайнем случае переводила в другой приход. Характерно в этом отношении дело законоучителя Городищенского училища Буинского уезда П. Богоявленского. Еще в 1870 году инспектор народных училищ заметил при осмотре, что этот священник чрезвычайно строго относится к учащимся. При вторичном посещении училища И. Н. Ульянов попросил Богоявленского «не подвергать учеников телесным наказаниям». Тот обещал, но слова не сдержал. Узнав об этом от крестьян, Илья Николаевич добился через уездный училищный совет отстранения жестокого попа от преподавания светских дисциплин.

О том, как развивались события дальше, видно из отношения И. Н. Ульянова от 7 октября 1875 года Феоктисту — епископу Симбирскому и Сызранскому. «Учитель Городищенского сельского училища Буинского уезда (Перепелкин.— Ж. Т.) довел до моего сведения, что законоучитель о. Богоявленский постоянно притесняет и оскорбляет его, считая себя главным начальником школы, приказывает ученикам идти из школы в то время, когда учитель не кончил своих занятий, вызывает из училища вновь принятых учителем вместе с попечителем школы мальчиков на том основании, что они приняты

---

[1] А. В. Клеянкин. Илья Николаевич Ульянов. — «Вопросы истории», 1967, № 6, с. 148.
[2] М. Ульянова, с. 29.

будто бы сверх комплекта, и тем самым мешает возможности учиться». В заключение Илья Николаевич попросил владыку для «устранения всех этих притеснений со стороны законоучителя о. Богоявленского» поручить преподавание «закона Божия» «другому священнику» [1].

Одновременно директор народных училищ проинформировал о всей этой истории попечителя Казанского учебного округа. Вскоре после этого рукоприкладствующий «отец» был удален из школы.

Епархиальному ведомству, как, впрочем, и всем власть имущим, неприятны были эти разоблачения неблаговидных поступков духовенства. И уж, конечно, с недобрыми чувствами они читали такие выводы дирекции народных училищ, которые появлялись в ее печатных отчетах: «Если преподавание закона Божия почти во всех школах идет неудовлетворительно, тем более неудовлетворительным оказывается преподавание священниками остальных предметов, где преподавание находится в руках священников» [2].

Помимо дворянства и духовенства царизм стремился поставить «на страже» народной школы и сельские власти. Так, министр внутренних дел А. Е. Тимашев во время кратковременного пребывания в Симбирске 3 июня 1873 года принял в губернаторском дворце волостных старшин и, как это видно из газетного отчета, «советовал как можно строже относиться к выбору учителей в школы, наблюдая, чтобы эти лица отличались самою безукоризненной нравственностью» [3]. На практике этот призыв министра привел к тому, что полуграмотные старшины, писаря и «мироеды» за отказ народного учителя «водить с ними компанию», не говоря уж о попытках просвещать взрослых крестьян, строчили доносы на честных людей, характеризуя их как «неблагонадежных».

Само собою разумеется, что за народными учителями наблюдали жандармские и полицейские чины. Например, осенью того же года официальные предписания «относительно собрания сведений о сельских учительницах и учителях» были разосланы всем становым приставам Симбирской губернии [4].

---

[1] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 99, оп. 2, д. 8, л. 3.

[2] Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1874 гражданский год. Симбирск, 1875, с. 187.

[3] «Симбирские губернские ведомости», 1873, 9 июня.

[4] ГАУО, ф. 862, оп. 11, д. 6, л. 11.

Штатных и добровольных «охранителей порядка» интересовало все: круг знакомств народных учителей, содержание их бесед с крестьянами, мотивы, по которым они отлучались из села, и, конечно, распространяемые ими книги. Большая часть доносов о политической «неблагонадежности», которые поступали к губернской администрации на учителей, не подтвердилась. Но несколько преподавателей начальных школ (В. Шапошников, М. Арнольдов, И. Горбунов, К. Боровский) действительно были уличены в чтении запрещенной литературы, а И. Монстров и В. Эдемова летом 1874 года подвергались арестам за попытки революционной пропаганды [1].

Для И. Н. Ульянова эти случаи имели то последствие, что теперь еще труднее стало осуществлять просветительские мероприятия: пополнение библиотек внепрограммной литературой, организацию литературных вечеров и чтений в школах. Проведение учительских съездов вообще запрещалось. Правда, в том же, 1874 году министерство просвещения разрешило, хотя и с оговорками, организацию краткосрочных педагогических курсов для учителей и учительниц начальных народных училищ. Илья Николаевич сразу же воспользовался этой возможностью и составил подробный «Проект правил» для таких курсов при Порецкой учительской семинарии. В Петербурге внимательно изучили ходатайство директора народных училищ Симбирской губернии, но разрешение дали только через три года — в 1877 году.

О том, что министерство, призванное заботиться о народном образовании, без должного внимания относилось и к многочисленным просьбам И. Н. Ульянова об увеличении ассигнований на нужды народной школы, свидетельствует такой факт. В 1875 году государственное казначейство выделило на начальные школы Симбирской губернии всего лишь 6936 рублей, то есть на 318 меньше, чем в 1874 году. Насколько мизерным было участие министерства, станет яснее, если учесть, что крестьянские общества в эти же годы отрывали от своих скудных средств на школы по 61—63 тысячи рублей [2].

Хотя под влиянием И. Н. Ульянова и произошел некоторый рост отпускаемых средств на народные школы, симбир-

---

[1] Ж. Трофимов. В год рождения Ленина. — «Ульяновская правда», 1965, 21 марта.

[2] «Журнал министерства народного просвещения». СПб, 1901, ноябрь, с. 2—3.

ское земство по расходам на душу населения значительно отставало от соседних Казанской и Самарской губерний. Если там выделялось по 9—10,7 копейки в год, то в Симбирской — только 6,2 копейки [1].

«К несчастью, — отмечалось в отчете инспектора В. Г. Зимницкого за 1874 год, — некоторые даже из священников, дворян и вообще более или менее богатых землевладельцев считают чуть ли непростительной роскошью постройку хорошего школьного здания» [2].

Очевидно, с такой же скаредной меркой подошло симбирское земство в 1872 году и к предложению И. Н. Ульянова об устройстве общежитий при некоторых школах для учеников из окрестных селений, и к его ходатайству о выделении ссуды на выписку книг и учебных пособий. На все 460 школ губернии земцы ассигновали 612 рублей, то есть по 1 рублю 32 копейки на каждую [3].

Вот в такой обстановке, когда правительство, местные дворяне — реакционеры и консервативные земцы — словно не «замечали» самых насущных нужд народной школы, а большая часть духовенства формально или недобросовестно относилась к преподаванию не только светских предметов, но и «закона божьего», приходилось трудиться И. Н. Ульянову и его помощникам. Сложность положения руководителя народного образования Симбирской губернии усугублялась, как выразился В. Н. Назарьев, гонением, поднятым «либеральной прессой 70-х годов на только что вводившийся институт инспекторов» [4].

И все же Илья Николаевич, говоря словами того же литератора, умудрился «не только удержать в своих руках врученный ему светильник, но наперекор всему в одном только нашем (симбирском. — Ж. Т.) уезде, вместо номинальных, организовал до 45 сельских школ, большая часть которых удовлетворяла современным требованиям, как по своей обстановке, так и по солидной подготовке преподавателей».

---

[1] Россия. Полное географическое описание отечества. СПб, 1901, с. 140.

[2] Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1874 гражданский год. Симбирск, 1875, с. 166.

[3] Н. И. Алпатов. Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова. М., Учпедгиз, 1956, с. 139.

[4] «Симбирские губернские ведомости», 1895, 3 июня.

В БОРЬБЕ ЗА «НЕБЛАГОНАДЕЖНУЮ» СЕМИНАРИЮ

Во второй половине 70-х годов некоторые преподаватели и воспитанники Порецкой учительской семинарии были уличены в атеизме, политической неблагонадежности и попытках ведения революционной пропаганды среди крестьян. В секретном отношении начальник симбирского губернского жандармского управления генерал-майор фон Брадке писал в 1878 году директору местной классической гимназии, что бывший преподаватель Порецкой семинарии В. Муратов «вселял воспитанникам вредные идеи... Вследствие вредного влияния Муратова на воспитанников, многие из них были исключены из семинарии». Жандарма беспокоило, что и в Симбирской гимназии Муратов продолжает оставаться человеком «вредного направления, которое уже и отразилось на воспитанниках».

Шеф жандармов не ошибся. Нелегальные кружки, созданные В. И. Муратовым в гимназии, существовали здесь как во время учения Александра, так и Владимира Ульяновых» [1].

И в семинарии «вредное влияние» учителя сказывалось в течение нескольких лет после удаления его из села Порецкого. В вольнодумстве были замечены преподаватель И. Овчинников, воспитанники Я. Рязанов, Г. Янкин и другие. Понятно, что этим поспешили воспользоваться реакционеры. Одним из первых публично стал чернить земскую школу и учительскую семинарию влиятельный протоиерей А. И. Баратынский. Так, в «Докладной записке о положении народного образования в Буинском уезде», появившейся 6 августа 1879 года в «Симбирской земской газете», он сетовал на снижение уровня религиозности в начальных училищах и упрекнул пореченских учителей в шаткости их собственного «религиозно-нравственного направления».

Достойную отповедь священнику дал через две недели в той же газете преподаватель Порецкой семинарии А. И. Анастасиев. Он убедительно показал, что Баратынский отстаивает в вопросах народного образования «узкие сословные интересы». Илья Николаевич наверняка с одобрением читал эти строки в статье подчиненного ему педагога, где он резко критиковал выпускников духовных семинарий за то, что те, как правило, недолго служат в сельских школах и неоправданно «часто пользуются учебным временем для посторонних делу

---

[1] Ж. Трофимов. Гимназист Владимир Ульянов. Саратов, 1976, с. 118, 119.

2 Заказ 231.

личных целей, например на разъезды по окрестным местам, смотренье невест и обычные при этом попойки». Разделял он и убеждение А. И. Анастасиева, что выпад протоиерея против учителей-поречан при «нынешнем возбужденном умонастроении» имеет «в общественном мнении значение доноса».

К сожалению, А. И. Баратынский в период революционной ситуации 1879—1881 годов был не одинок. Из Порецкой семинарии, — доносил попечителю Казанского учебного округа алатырский предводитель дворянства А. Д. Пазухин, — выходят «нигилисты, атеисты и вообще неблагонадежные в политическом отношении, что он как председатель уездного училищного совета и на порог школы не допустит учителей, вышедших из этой семинарии» [1].

Окружной инспектор А. В. Тимофеев (учитель И. Н. Ульянова в Астраханской гимназии и начальник его по работе в Пензе и Нижнем Новгороде), произведший по сигналу Пазухина обследование Порецкой семинарии, особо серьезное значение придал политической неблагонадежности воспитанников Алексея Кульчихина и Ивана Агафонова. Эти семинаристы, оказывается, вели революционную пропаганду даже среди солдат, за что решением царя Агафонов был подвергнут шестимесячному заключению в тюремном замке с последующим подчинением гласному полицейскому надзору (ссылке) на три года, а Кульчихин — особому надзору полиции.

В 1883 году Александр III в честь своего коронования освободил Агафонова от полицейского надзора. Ободренный «монаршей милостью», бывший семинарист стал хлопотать о разрешении сдать экстерном экзамены на звание учителя начальной школы. Инспектор Алатырской прогимназии П. П. Кочкин, имея соответствующие указания симбирского губернатора Н. П. Долгово-Сабурова, отклонил прошение, но допустил при этом, по словам губернатора, «легкомыслие или дешевый либерализм»: познакомил Агафонова с секретным предписанием, запрещающим прием на службу политически неблагонадежных лиц. Долгово-Сабуров резко отчитал Кочкина за это и, кроме того, пожаловался попечителю Казанского учебного округа, попросив его напомнить всем чиновникам о недопустимости разглашения конфиденциальных циркуляров, касающихся политических поднадзорных. «Считаю не лишним присовокупить, — продолжал губернатор, — что в на-

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 14721, л. 33.

чале текущего года был уже подобный случай с директором народных училищ действительным статским советником Ульяновым, но тогда я лично выяснил г. Ульянову всю неуместность его поступка» [1].

Добивался права на учительство и А. Кульчихин. В 1882 году он сдал необходимые экзамены, и И. Н. Ульянов намеревался выдать ему свидетельство на право преподавания в школе. Но опять вмешался губернатор. «...Я знаю,— писал он директору народных училищ в особом отношении,— что с Кульчихина теперь снято обвинение в политической неблагонадежности, но он ведь и учился неудовлетворительно в семинарии».

Илья Николаевич, несмотря на недвусмысленный характер намека губернатора, ответил ему, что Кульчихин после исключения из Порецкой семинарии «имел время подготовиться» к желаемой работе, что и доказывается успешной сдачей установленных экзаменов. Долгово-Сабуров, понимавший формальную правоту объяснений И. Н. Ульянова, воздержался от прямого запрета на допуск Кульчихина к педагогической деятельности, но в следующем письме к директору народных училищ выразил сомнение, что «хоть в какой-нибудь степени полезны для начальных школ подобные учителя».

На этом конфликт не был исчерпан. Губернское начальство, используя факты «дознанной политической неблагонадежности» питомцев семинарии, при каждом удобном случае указывало И. Н. Ульянову и его помощникам на «неуместность» предпочтительного назначения поречан на учительские должности. «...В последнее время,— писал в одном из отношений губернатор И. Н. Ульянову, — направление некоторых воспитанников Порецкой семинарии стало возбуждать сомнение (напр., Зотов, Агафонов), я позволяю себе покорнейше просить Ваше превосходительство — не изволите ли признать полезным дать... указания, что при назначении на должности учителей народных школ следует делать более тщательный между воспитанниками выбор».

Играя в «объективность», реакционеры всех мастей пытались доказать, что выпускники из села Порецкого являются и далеко не лучшими по подготовке. При этом они не гнушались идти на фальсификацию взглядов на потребности на-

[1] Ж. Трофимов. В борьбе за народную школу. — «Ульяновская правда», 1964, 29 июля.

рода, утверждая, что крестьянин желает лишь того, чтобы его сын «был силен в знании слова божьего и пении духовного, а затем — умел бы отчетливо читать по-славянски, читать по-русски и считать на счетах — вот все, — говорилось в докладе губернской земской управы в 1882 году, — что требует от школы наш крестьянин. Семинаристы же учителя главным образом сильны в преподавании по так называемым усовершенствованным учебникам».

Если учесть, что именно Илья Николаевич все время добивался того, чтобы народные учителя преподавали по руководствам К. Д. Ушинского, Н. А. Корфа, В. И. Водовозова, то не трудно понять, что недовольство семинаристами было одновременно и неодобрением взглядов директора народных училищ на методы обучения и воспитания.

К счастью, в земстве имелись и такие представители от сельского сословия, которые уже оценили преимущества новой земской школы. Гласный от крестьян И. Сборщиков, выступая на сессии губернского земского собрания 1882 года, отверг как необоснованные утверждения управы о стремлении крестьян ограничиться знанием закона божьего. Крестьяне хотят, твердо заявил Сборщиков, чтобы их дети «получили и другие сведения», и смогли «продолжать образование в средних и высших учебных заведениях».

В поддержку народной школы и Порецкой учительской семинарии выступали А. Ф. Белокрысенко, Ф. А. Анненков, Ф. А. Знаменский и другие сторонники И. Н. Ульянова. Так, гласный А. П. Федоров на той же сессии губернского земства решительно возразил против предложения реакционеров о прекращении субсидий Порецкой семинарии, заявив, что ее выпускники «более приготовлены к учительской деятельности, чем остальные учителя».

Опираясь на передовую общественность, проявляя настоящее гражданское мужество, Илья Николаевич продолжал отстаивать Порецкую семинарию — основную кузницу кадров для народных училищ, любимое свое детище. Блестящим документом этой борьбы является его «Записка об учительских семинариях и училищных советах», составленная в октябре 1883 года и сохранившаяся в делах министерства народного просвещения. Насколько смело она написана, можно судить по следующим строчкам: «Существование учительских семинарий, по моему мнению, неразрывно связано с существованием начальных училищ, если только последним предполага-

ется дать прочную и плодотворную организацию. В самом деле, — продолжал И. Н. Ульянов, — можно ли утверждать, что начальное обучение, понимаемое даже в скромных размерах сознательной грамотности, не нуждается в преподавателях, специально подготовленных к своему делу? Полагаем, нельзя, и даже самый вопрос пора считать общим местом, оспаривать которое значит утверждать, что будущему врачу нет нужды изучать медицину, садовнику — садоводство и т. п.».

Решительно заявив, что считает «вопрос о существовании учительских семинарий в принципе бесспорным», Илья Николаевич убедительно показал, что выпускники симбирских педагогических курсов, центральной чувашской школы И. Я. Яковлева и Порецкой семинарии по уровню своей подготовки и плодам практической работы стоят неизмеримо выше прочих учителей. «Дорого также и то, — говорится далее в «Записке», — что подготовленные учителя настроены на более или менее возвышенный тон в своих отношениях к школе и, очевидно, благодаря преимущественно этому настроению, вложенному в них педагогическим учебным заведением, их воспитавшим, они строго относятся к обязанностям и ведут себя вполне прилично званию».

В заключение Илья Николаевич подчеркнул еще одну немаловажную черту своих воспитанников. Они, в подавляющем большинстве, считают педагогическую работу главным занятием в жизни, тогда как учителя, не получившие специальной подготовки, часто переходят «на должности, ничего общего с учительством не имеющие, как-то: в волостные и удельные писаря, в акцизные надсмотрщики, приказчики, дьячки... Факт этот ясно определяет стремления тех и других, а равно их взгляд на учительское звание и отношение к последнему» [1].

Всероссийское значение выступления И. Н. Ульянова в защиту учительских семинарий вообще и Порецкой, в частности, станет понятнее, если учесть, что летом 1882 года М. Н. Катков, резко критикуя всю систему народного образования, требовал коренной перестройки подготовки учительских кадров в интересах процветания церковноприходских школ. Редактор «Московских ведомостей» со злой иронией отмечал в своей газете, что в земских школах «задают тон по-

---

[1] «Исторический архив», 1959, № 3, с. 200—204.

луграмотные верхогляды, просидевшие после сохи три года в так называемых учительских семинариях и трактующие свысока священника».

Если М. Н. Катков в борьбе против последователей К. Д. Ушинского использовал некоторые ошибочные педагогические высказывания Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, то Илья Николаевич опирался на прогрессивную педагогику. Для него по-прежнему были близки мысли Н. А. Корфа, высказанные в январской книжке «Вестника Европы» за 1871 год, где известный педагог, обосновывая необходимость учительских семинарий, доказывал, что «педагогика не может не составлять главного предмета для учителя», точно так же, как «бухгалтеру необходимо изучать бухгалтерию, сельскому хозяину — сельское хозяйство, врачу — медицину».

Передовая общественность Симбирска поддержала точку зрения директора народных училищ. Порецкая учительская семинария (ныне средняя школа-интернат имени И. Н. Ульянова), хотя и ослабленная материально, продолжала свою деятельность, пополняя ряды тружеников народной школы, учителей-ульяновцев.

ПРИКАЗ О СКОРОЙ ОТСТАВКЕ

Одновременно с нападками на Порецкую учительскую семинарию симбирские реакционеры одними из первых в стране начали поход в целом против народной школы. Характерной в этом отношении была статья «Земское дело», появившаяся 2 декабря 1879 года в «Симбирской земской газете». Призвав земцев активнее включиться в борьбу с революционерами-пропагандистами, анонимный автор советовал единомышленникам чаще беседовать с крестьянами о «великих реформах Александра II» и выразил сожаление, что в школах Симбирской губернии почти ничего не говорится о «деяниях царя».

Раздавались голоса и о том, что до недавнего времени народное образование «шло рука об руку с религией», а ныне этот союз ослабел.

Вот в такой обстановке 11 ноября 1880 года исполнилось 25 лет службы И. Н. Ульянова в ведомстве народного просвещения. Учителя народных школ отметили юбилей любимого

наставника теплым приветственным адресом и скромным подарком — мраморным письменным прибором. В этот же день Илья Николаевич, в соответствии со служебными правилами, написал попечителю Казанского округа прошение о своем желании остаться на службе еще на пять лет.

В этой просьбе не было ничего необычного. Директор Симбирской гимназии И. В. Вишневский занимал этот пост после 25-летия еще три пятилетия. Учитель этой же гимназии Н. М. Степанов, преподававший Илье Николаевичу математику в Астрахани, а теперь обучавший Александра и Владимира Ульяновых, прослужил 45 лет.

Попечитель учебного округа П. Д. Шестаков, принимая, по его словам, во внимание «отлично-усердную» службу директора народных училищ, вошел с ходатайством перед министром народного просвещения об удовлетворении просьбы И. Н. Ульянова. Однако министр, осведомленный о претензиях симбирской земской верхушки к руководителю народного образования в их крае, отклонил представление П. Д. Шестакова и уведомил, что согласен «на оставление директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Ульянова на службе только на один год...» [1].

Анна Ильинична, комментируя это обидное решение, писала: «Деятельность Ильи Николаевича стала подпадать под подозрение... Это косвенное неодобрение его деятельности было очень тягостно для Ильи Николаевича. Предстояло быть оторванным от дела всей жизни; тревожила, кроме того, перспектива остаться с большой семьей без заработка. И лишь вследствие того, что сам Сабуров (министр просвещения. — Ж. Т.) был удален через год, Илья Николаевич был оставлен на пятилетие» [2].

Думается, что это высказывание нуждается в уточнении. Продолжать службу И. Н. Ульянов смог не только потому, что произошла смена министров. В 1882 году, в период «кризиса верхов», наступившего после убийства народовольцами Александра II, правительство еще боялось предпринимать решительные действия в отношении популярных общественных деятелей.

Исходя из сложившейся ситуации, Илья Николаевич отправил 1 ноября 1881 года попечителю учебного округа про-

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 14314, л. 3.
[2] Юбилейный сборник, с. 9.

шение, в котором писал: «Ввиду приближения 11 ноября — срока оставления меня на службе, по выслуге 25-ти лет, на один год, имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего превосходительства об оставлении меня еще на службе на 5 лет».

П. Д. Шестаков, сразу же по получении этого прошения, обратился с представлением к министру народного просвещения. «Принимая во внимание, что директор народных училищ Ульянов, — говорилось там, — постоянно отличается примерным усердием к службе и пользуется вполне заслуженным доверием местного общества», его следует оставить «на службе в занимаемой должности еще на четыре года, с 11 сего ноября» [1].

Полтора месяца не было никаких известий о судьбе прошения И. Н. Ульянова. 19 декабря он обращается к попечителю округа с новой просьбой — о выдаче удостоверения в том, что состоя на службе, права на получение пенсии, назначенной за 25-летнюю выслугу, он не лишен.

30 декабря 1881 года П. Д. Шестаков с удовлетворением уведомил Ульянова, что, вследствие его представления, Илья Николаевич приказом министра от 7 декабря «оставлен на службе в занимаемой должности на четыре года с 11 ноября 1881 года» [2]. Вскоре положительно был решен вопрос и о пенсии.

А симбирское духовенство продолжало поход против И. Н. Ульянова и его помощников. Протоиерей А. И. Баратынский в «Симбирской газете» от 28 марта 1882 года обратил внимание властей на то, что происходивший в конце прошлого года в Симбирске под руководством Ильи Николаевича инспекторский съезд значительно сократил число часов по закону божьему и «без всяких мотивов, и в таком урезанном виде рекомендовал программу эту законоучителям к руководству».

В этом же году всесильный обер-прокурор святейшего синода К. П. Победоносцев получил донесение симбирского епископа о том, что еще в 1879 году все существовавшие в губернии церковноприходские школы «дирекцией народных школ, без сношения с епархиальным начальством, перечислены в ведение земства или сельских обществ». Удивлен-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 14762, л. 1, 2.
[2] Там же, л. 4.

ный обер-прокурор потребовал от владыки подробных объяснений.

Симбирская духовная консистория, в свою очередь, обратилась с запросом к директору народных училищ. И. Н. Ульянов с иронией пояснил, что «церковноприходскими школами называются такие школы, которые учреждены духовным ведомством и содержатся на его счет или на счет церквей, и таковых школ в Симбирской губернии нет. Если и есть в губернии школы, учрежденные по инициативе священников, то из этого еще не следует, чтоб такие школы были церковноприходскими». Что же касается до закрытия тех из них, которые раньше имелись в губернии, — продолжал Илья Николаевич, — то их перевод в ведение дирекции народных училищ произведен на основании циркуляра попечителя Казанского учебного округа, предписавшего еще в 1870 году «отбросить всякое деление начальных училищ по ведомствам».

Епископа такие объяснения не устраивали. Понимая, что допустил серьезную оплошность, он принял все меры, чтобы выправить положение. Сельские священники усиленно уговаривали крестьян в необходимости составления приговоров о своем желании иметь церковноприходские школы. Наиболее оголтелые представители земства и духовенства устно и печатно заговорили, что за последнее время из народных училищ «как метлой вымело все часословы и псалтыри», что церковноприходские школы не поддерживаются дирекцией народных училищ губернии.

Губернская земская управа на одной из сессий 1882 года недвусмысленно заявила в своем докладе: «Пора увлечений миновала, и есть основание полагать, что преподавание в школах будет поставлено в более правильное отношение к потребностям русского народа». Исходя из потребностей — но не народа, а своих собственных, — реакционеры требовали пересмотра школьных программ, изъятия «Родного слова» К. Д. Ушинского, сведения курса обучения крестьянских детей к изучению закона божьего, молитв, чтению, письму и счету.

«Начальное народное образование,— делится новостями в письме от 17 марта 1882 года из Симбирска инспектор народных училищ К. М. Аммосов с переведшимся в Оренбург В. И. Фармаковским,— чуть ли не возвращается опять к тем временам, когда оно состояло больше на бумаге, чем в действительности. Грустно». «Об Илье Николаевиче,— писал

он 8 апреля того же года тому же адресату,— не знаю, что сказать. Циркуляр Сабуровский совершенно презирается им, что выходит иногда дико» [1].

К. М. Аммосов имел при этом в виду игнорирование И. Н. Ульяновым требования министра о недопущении никого к учительству «без предварительного сношения с местными губернаторами» о политической благонадежности будущих педагогов.

13 июля 1884 года вышли в свет одобренные царем «Правила о церковноприходских школах». Известный князь — мракобес Мещерский в своем журнале «Гражданин» с ликованием сравнил это событие с реформой об «освобождении» крестьян. Тогда, по его мнению, народ получил «свободу и хлеб», а теперь — удовлетворение своих «духовных нужд».

Симбирские крепостники и клерикалы расценили «Правила» и разъяснение их смысла Катковым и Мещерским как благословение правящей клики на усиление борьбы против земской школы, как призыв к значительному повышению роли служителей церкви в народном образовании.

«Местное духовенство,— писал в 1884 году из Симбирска инспектор народных училищ А. А. Красев в Оренбург В. И. Фармаковскому,— обнаруживает необыкновенное раздражение к правам и деятельности местных инспекторов народных училищ, уличает нас в весьма неумелом и неискреннем отношении к вопросам школьного законоучительства (преподаванию «закона божьего» и «священной истории».— Ж. Т.) и вообще набрасывает на нас такие тени, от которых может не поздоровиться всем нам в настоящее время».

Отношения дирекции народных училищ со сторонниками толстовско-деляновского (по фамилиям министров народного просвещения Д. А. Толстого и И. Д. Делянова) курса «народного затемнения» приобрели настолько напряженный характер, что в городе вновь стали поговаривать о скором удалении И. Н. Ульянова со службы.

«Мать А. Н. Хохловой [2], — писала в мае 1884 года своему мужу К. А. Фармаковская,— приехавшая из Симбирска

---

[1] Ж. Трофимов. Дело его жизни. — «Учительская газета», 1970, 8 января.

[2] Мать жены учителя И. С. Хохлова.

(в Оренбург.— Ж. Т.), сообщает что будто бы Илья Николаевич выходит в отставку. Почему — неизвестно, но слышала, дескать, от Кашкадамовых [1], а те от Стржалковских [2]. В подтверждение приводят то, что Констансов поступил в канцелярию губернатора» [3].

Фамилия А. В. Констансова — преподавателя трехклассного городского училища — упомянута в письме не случайно. Ведь десять с лишним лет он являлся делопроизводителем дирекции народных училищ губернии, и его уход в другую канцелярию расценивался знакомыми как показатель скорой отставки И. Н. Ульянова.

Но этот факт, как и другие, содержащиеся в дошедших до нас письмах знакомых Ульяновых, далеко не полно отражает те невзгоды, которые выпали на долю Ильи Николаевича в то время.

Перечисляя новости года, К. М. Аммосов в очередном письме к Фармаковскому отметил, что «барины здешние ужас как поднялись и задрали головы и носы. Интересно знать... процветают ли у вас (в Оренбургской губернии.— Ж. Т.) церковноприходские школы?»

В Симбирской же губернии, по почину и призыву А. И. Баратынского, они начали «процветать». Если в конце 1884 года их было 22, то через год стало 59. «Барины» все чаще и настойчивее требовали смены состава дирекции народных училищ Симбирской губернии. Теоретическое обоснование необходимости скорейшей и коренной перестройки народной школы дал крупный помещик Д. И. Воейков. В заявлении, с которым Илья Николаевич ознакомился на страницах местной газеты, Воейков с тревогой отметил, что «под флагом благого просвещения провозится неприятельский груз».

Из дальнейших рассуждений Воейкова следовало, что в народных школах «не так все благополучно, как рисуют нам в отчетах (симбирской дирекции. — Ж. Т.)». Это видно хотя бы из того, что «церковному пению в этом отчете не нашлось места, а о церковнославянском чтении упоминается лишь для того, чтобы сказать, что обучение ему решено отложить на год, то есть начинать на втором году обучения». Наша

---

[1] Семья врача В. И. Кашкадамова была близка к Ульяновым.

[2] В. М. Стржалковский — инспектор народных училищ.

[3] Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 1073, оп. 1, д. 150, л. 28.

народная школа,— продолжал он,— сообщая крестьянским мальчикам массу знаний, дает им «ложное понятие» о необходимости стремиться к дальнейшему образованию. А так как для этого большинство не имеет материальных средств, то они могут дать «обильный приток свежих сил в... вредную среду». Из политических процессов видно,— заключает Воейков,— что «все обвиняемые крестьяне прошли сельскую школу и окончательно были испорчены дальнейшим образованием». Спасение от возможного «неисчислимого вреда»— только в развитии церковноприходских школ и в таком переустройстве земских, чтобы их выпускники не мечтали вырваться «из прежней среды» и были довольны своей судьбой.

Насколько опасным для И. Н. Ульянова было выступление Воейкова, станет яснее, если учесть, что последний в 1885 году станет одним из советников министра внутренних дел графа Д. А. Толстого, а пост правителя канцелярии этого министерства займет его симбирский единомышленник А. Д. Пазухин — доверенное лицо царя.

Приближенные Александра III, в частности вождь реакции М. Н. Катков, получали информацию о деятельности симбирской дирекции народных училищ от протоиерея А. И. Баратынского. Воинствующий священник прислал редактору «Московских ведомостей» свою статью, в которой повествовал о «печальной истории несостоявшегося открытия церковноприходской школы» в одной из деревень из-за открытого «антагонизма симбирского училищного совета». «Из этого факта,— жаловался Баратынский Каткову,— ярко видно, как невыносимо трудно для духовенства при настоящем настроении земства и инспекции, заправляющей Симбирским училищным советом, проведение в жизнь высочайше утвержденных правил о церковноприходских школах».

Этот донос не остался без внимания. В «Московских ведомостях» Катков несколько раз цитировал материалы Баратынского в качестве важных документов, компрометирующих либералов — сторонников земской школы. «Возможно ли,— сетовал он в одной из статей,— не говорим процветание, но и простое прозябание церковноприходской школы при учителе, который на отношение управы (Буинского земства. — **Ж. Т.**), приславшей в его школу «часословы и псалтыри», написал: «Так как высланные **учебные по-**

собия не нужны для моего училища, то я и отсылаю их обратно...»[1].

И. Н. Ульянов знал, что, по мнению некоторых влиятельных лиц, он является нежелательным работником, но все-таки решил продолжать борьбу за народную школу. 30 октября 1885 года, накануне 30-летия своей службы по учебному ведомству, он написал краткое, сугубо официальное прошение попечителю Казанского учебного округа о своем желании остаться «на следующее пятилетие». Попечитель П. Н. Масленников был осведомлен об отношении министерства и губернских руководителей к директору народных училищ и рекомендовал министру И. Д. Делянову оставить И. Н. Ульянова лишь «до 1-го июля 1887 года».

Илья Николаевич около двух месяцев не знал, как решается вопрос о службе, и очень волновался. Вот как об этом рассказывает Анна Ильинична: «В декабре 1885 года, будучи на третьем курсе (Высших женских курсов в Петербурге.— Ж. Т.), я приехала опять на рождественские каникулы домой, в Симбирск. В Сызрани я съехалась с отцом, возвращающимся с очередной поездки по губернии, и сделала с ним путь на лошадях. Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью...

Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку»[2].

О том, что у Ильи Николаевича были основания для такого подавленного настроения, говорят и материалы декабрьской сессии Сызранского земского собрания. Как видно из доклада училищной комиссии, с которым он познакомился за несколько дней до встречи с Анной Ильиничной, здешние земцы решительно высказались за всемерное развитие церковноприходских школ и усиление «духовно-нравственного элемента» в народных школах. В

---

[1] «Московские ведомости», 1886, 5 апреля.

[2] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.—Л., 1930, с. 114 (в дальнейшем А. И. Ульянова-Елизарова).

протоколе они вновь отметили, что по вине учебного ведомства «псалтырь и часослов были даже пропущены в списке книг, допущенных к употреблению в школах». Наметив меры к скорейшему введению во всех народных училищах церковнославянского языка и церковного пения, земцы вместе с тем выразили сомнение в возможности улучшения школьного дела в желаемом для них духе при нынешней «дирекции училищ Симбирской губернии, которая делает лишь некоторые, но не все улучшения».

Активная поддержка сызранским земством новой правительственной политики в области народного образования пришлась по душе столичному «Церковному вестнику», который охотно пропагандировал его решения [1].

Очередной печатный выпад в свой адрес Илья Николаевич прочел в «Симбирских губернских ведомостях» 5 января 1886 года, за неделю до своей кончины. Протоиерей А. И. Баратынский твердил, что новейшие педагоги — последователи Ушинского, отводя «мало времени обучению религии», ослабили «влияние церкви на школу». С такими учителями, заявлял в заключение священник, которые не только «не подготовлены к толковому чтению часослова и псалтыря», но и считают их вообще «ненужными для училищ», нельзя внести в школьное дело «дух церковности и православия».

Так посчитали и в столице, подписывая приказ о скорой отставке симбирского директора. Жестокое известие стало непосредственной причиной преждевременной кончины Ильи Николаевича. Об этом прямо заявлено в письме от 24 апреля 1886 года к министру просвещения одним из чиновников. «...С директором народных училищ Ульяновым,— говорилось в нем,— сделался удар при известии, что он оставлен на один год,— удар, безвременно оторвавший отца у многочисленного семейства и усердного работника у службы» [2].

Смелые слова современника являются еще одним убедительным свидетельством того, что гонения и травля, которым подвергался выдающийся педагог-демократ и просветитель, были главными причинами его смерти.

---

[1] «Церковный вестник», 1886, 26 июля.

[2] Ж. Трофимов. Приказ о скорой отставке. — «Наука и религия», 1976, № 4, с. 9.

Преждевременная кончина Ильи Николаевича вызвала глубоко соболезнующие отклики в печати. В «Симбирских губернских ведомостях» и «Симбирской земской газете», а также в «Циркуляре по Казанскому учебному округу» появился обширный некролог, написанный инспектором народных училищ К. М. Аммосовым. Во всех материалах, посвященных памяти И. Н. Ульянова, особо подчеркивались его выдающиеся заслуги как просветителя. Так, в петербургском журнале «Новь» было четко сказано, что Илья Николаевич наладил народное образование «как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России» [1].

Восхищаясь «поистине неутомимой и чрезвычайно разнообразной» деятельностью своего директора, его «светлым умом и педагогической опытностью», тактичностью в отношениях с людьми «самого простого положения», К. М. Аммосов подчеркивал также, что он был и «образцовым семьянином», находившим в семье «всю свою отраду, и счастье, и утешение. В свою очередь и семья по своему.... высоконравственному строю вполне оправдывала нежную любовь родителя. Всем известна в Симбирске прекрасная семья Ильи Николаевича» [2].

Тем не менее К. М. Аммосов, как и большинство других знакомых Ульяновых, не представлял во всем объеме той роли, которую играл отец в семье, обучении и воспитании своих детей. Наиболее откровенно это неведение проявилось в воспоминаниях В. Н. Назарьева, появившихся в 1894 году в «Симбирских губернских ведомостях» [3]. Считая своим нравственным долгом напомнить о людях, «имеющих полное право на почетную известность и так или иначе составляющих предмет нашей гордости», писатель тепло обрисовал подвижническую просветительскую деятельность И. Н. Ульянова в Симбирской губернии. Однако, то ли потому, что Назарьев хотел оттенить преданность И. Н. Ульянова делу и вместе с тем отметить «распорядительность и энергию» Марии Александровны, то ли по каким-то другим причинам (редакция «Ведомостей» не могла не считаться с тем, что Александр Ульянов был казнен, а Владимир и Анна находились под надзором полиции), он категорично заявил:

---

[1] «Новь», 1886, том VIII, № 8, с. 393.
[2] «Симбирские губернские ведомости», 1886, 25 января.
[3] «Симбирские губернские ведомости», 1894, 7, 11, 14 и 18 мая.

Илья Николаевич настолько был поглощен народными школами, что не знал о жизни своей семьи и «чем занимаются дети... благодаря заботливости своей деятельной жены».

Близкие знакомые Анны Ильиничны прислали ей номера «Симбирских губернских ведомостей» с воспоминаниями об отце. По собственному признанию, ей «приятно было прочитать верную действительности оценку его общественной деятельности», но она решительно не согласилась с «совершенно ложным утверждением» В. Н. Назарьева об отношении Ильи Николаевича к семье и попросила редакцию той же симбирской газеты напечатать свой отзыв о воспоминаниях писателя.

«Конечно, — подтвердила Анна Ильинична, — сложное и серьезное дело» не позволяло отцу уделять много времени семье и «тем больше придется удивляться его энергии и неутомимости, но факт, что воспитание детей проходило под его главным и неусыпным надзором». Да иначе и быть не могло: разве мог настоящий педагог «оставить без внимания воспитание собственных детей?!» [1].

В подтверждение того, что у Ильи Николаевича не было этого недопустимого «внутреннего противоречия», она привела ряд примеров. Именно он выбирал для своих детей в первоначальные учителя лучших питомцев педагогических курсов. И они, обращается Анна Ильинична к В. А. Калашникову, Н. Я. Лукьянову и А. С. Кабанову, помнят, конечно, «беседы и советы отца и постоянный интерес его к нашим занятиям. Позднее эти беседы и совещания проходили с учителями гимназии...»

«У нас никогда не было репетиторов, — продолжала она,— и отец рано приучил нас обходиться самостоятельно». В младших классах он следил за выполнением уроков, а позже разъяснял задания по физике и математике. Одним летом Илья Николаевич изучал с Александром греческий язык, который в его время не был еще введен в гимназии. Анне растолковывал «написанную варварским языком грамматику Говорова и имел терпение просматривать в планах или в готовом виде» все ее сочинения.

Но не только занятия в самом тесном смысле слова интересовали Илью Николаевича: он следил за внеклассным чте-

---

[1] «Симбирские губернские ведомости», 1894, 15 октября.

нием своих детей и указывал им лучшие произведения русской литературы, знакомил со всеми выдающимися писателями. «И все в нем: его речь, сама его личность, проникнутая верой в силу знания и добро в людях, — действовало, несомненно, развивающим и гуманизирующим образом и на детские души, и мы, — пишет Анна Ильинична, — рано научились признавать необходимость и важность знания».

В летние каникулы, когда Илья Николаевич тоже имел неделю-другую отдыха от службы, он еще больше бывал с детьми. Почти каждый год отец брал старших прокатиться по Волге, что было для них лучшим удовольствием и предметом далеких планов и разговоров. Во время этих путешествий, заканчивает свой рассказ Анна Ильинична, он бывал особенно заботлив, и в памяти от того времени остались «некоторые мелочи, полные такой тонкой предусмотрительности, на какую не всякая мать была бы способна».

Оговорив, что все сказанное «слишком кратко и слабо» очерчивает ту роль, которую сыграл «в нашем развитии и воспитании отец», Анна Ильинична пояснила, что в настоящей заметке хотела лишь исправить «утверждение г. Назарьева».

Только в послеоктябрьские годы у членов семьи Ульяновых и их современников появилась возможность откровеннее и подробнее рассказать о нем как о человеке и общественном деятеле. Особый интерес представляют те факты, которые показывают, как Илья Николаевич, «одушевленный лучшими идеями конца шестидесятых и начала семидесятых годов», воспитывал своих детей — будущих пламенных революционеров.

Наш отец, подчеркивала Анна Ильинична, был «большим демократом». И мы рано поняли, что «дело — это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле, — продолжала она,— о новых школах, возникающих в деревнях, о борьбе, которой это стоило, — и с верхами, власть имущими, помещиками, и с низами: темнотой и предрассудками массы — живо впитывалось детьми».

«Вечно занятый, горя на работе на благо своему любимому делу, — дополняла сестру Мария Ильинична, — отец и детям старался привить то сознание долга, которое было так сильно у него, выработать у них характер, волю, трудоспособность, развить

Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду» [1].

Подготавливая вместе с Марией Александровной своих детей для борьбы и труда, Илья Николаевич, счастливо сочетавший в себе лучшие черты «физика и лирика», знакомил их со свободолюбивой поэзией А. С. Пушкина, А. Н. Плещеева, К. Ф. Рылеева и особенно Н. А. Некрасова, с лучшими произведениями И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и других классиков. Такое серьезное раннее чтение, как неоднократно подчеркивала Анна Ильинична, расширяло кругозор и воспитывало литературный вкус.

Чтение было не только «источником удовольствия», а, говоря словами Александра Ильича, «самовоспитательной критической работой». Ульяновым импонировали в русской классике критика действительности, яркий показ людей и жизни, но они не восприняли ее пессимизма. Владимира Ильича, указывала в связи с этим Н. К. Крупская, от их пессимизма «рано предохранили критики-публицисты, разбиравшие наших беллетристов и приоткрывавшие завесу — поскольку это позволяли цензурные условия — над тем, куда пойдет общественное развитие. Герцен, Белинский, Добролюбов и особенно Чернышевский давали необходимую зарядку, давали определенное направление мысли, давали руководство к действию, хотя в самых общих чертах, полунамеками толкали на искание путей и сил, могущих изменить действительность» [2].

Служебное положение Ильи Николаевича вынуждало его, как выразился И. Н. Чеботарев, товарищ Александра Ульянова, «сдерживать проявление либеральных симпатий». И если со старшим сыном отец вел разговоры на политические темы, то другим детям, по мнению Анны Ильиничны, он избегал очень уж явно подчеркивать «общественные идеалы».

Однако вольно или невольно родные часто являлись свидетелями недовольства Ильи Николаевича то арестом «идеальной учительницы», то притеснениями сельскими «мироедами», крепостниками и духовенством народных учителей, то засильем «мертвых» языков в классических гимназиях, то на-

---

[1] М. Ульянова, с. 64.

[2] Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 3. М., 1959, с. 547.

саждением правительством церковноприходских школ в ущерб земским. И не только недовольства, но и мужественной борьбы отца.

Своеобразным протестом против изъятия многих произведений отечественной литературы из общественного пользования являются литературные заявки И. Н. Ульянова последних лет его жизни. Именно в это время он выписывает из Петербурга для домашней библиотеки полные собрания сочинений И. С. Тургенева, Д. И. Писарева, Л. Н. Толстого и другую литературу, ярко отражавшую общественные идеи. Н. К. Крупская неоднократно напоминала, что Н. А. Добролюбов покорил честное сердце Ильи Николаевича, и это определило его работу «как директора народных училищ Симбирской губернии и как воспитателя своего сына — Ленина — и других детей, которые все стали революционерами» [1].

Раскрывая суть добролюбовских методов, которыми воспитывал Ильича отец, она особо подчеркивала, что Илья Николаевич стремился выработать крепкую волю, «сознательное отношение к тому, чему и как учили его в школе», приучал зорко всматриваться в жизнь, сдерживать себя, подходить к себе и к своей деятельности «с точки зрения интересов дела», быть всегда и во всем искренним.

Дети Ульяновых унаследовали и другие важные черты нравственного облика отца: веру в силу знания, жизнерадостность, «способность целиком и безраздельно отдаваться своему делу, гореть на нем, крайне добросовестное отношение к своим обязанностям, а также большой демократизм», деликатность в отношениях с окружающими, готовность поделиться с ними своими познаниями, умение ограничиться самым необходимым минимумом в удовлетворении своих потребностей, умело чередовать умственный труд с физическим, разумно использовать часы досуга, любовь к красавице и труженице Волге, в целом к природе.

«Ильичу, — по лаконичному, но полному глубокого смысла выражению Н. К. Крупской, — было чему поучиться у отца» [2].

---

[1] Воспоминания родных о В. И. Ленине. М., 1955, с. 174.

[2] Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 2. М., 1958, с. 695.

Илье Николаевичу по должности инспектора (с 1874 года — директора) народных училищ губернии казенная квартира не полагалась. Поэтому первые девять лет жизни в Симбирске Ульяновы снимали частные квартиры. Причем их пришлось сменить шесть раз, пока в августе 1878 года не был куплен одноэтажный с антресолями деревянный дом на Московской (ныне Ленина) улице, в котором они и жили до 27 июня 1887 года.

О том, что семья известного педагога и просветителя так много и долго, говоря словами Анны Ильиничны, «кочевала по разным более или менее неудобным квартирам», ко времени победы Великого Октября почти никто не знал. Зато старожилам города хорошо запомнился в полном смысле слова «ульяновский дом» на Московской улице, в котором они жили до отъезда в Казань. И неудивительно, что, когда в первую годовщину социалистической революции возник вопрос об увековечении места рождения ее вождя, было решено установить мемориальную доску именно на этом доме. Об этом сообщала 18 ноября 1918 года «Петроградская правда».

Это было невольное заблуждение. Но фотография этого, теперь всемирно известного Дома-музея В. И. Ленина, с надписью «Дом, где родился Ленин», тем не менее публиковалась еще около шести лет в различных изданиях. Например, 29 января 1924 года она была помещена в симбирском «Пролетарском пути».

Заметила эту ошибку Анна Ильинична — старшая из детей, сохранившая в памяти представление о первых квартирах Ульяновых. В 1925 году она сделала примечание в одной из брошюр, что по приезде в Симбирск они жили на Стрелецкой улице «в доме Прибыловского: сначала во флигеле, во дворе, где родился Володя, потом в верхнем этаже дома, на улицу...» [1]. Через два года она более подробно сообщила о проживании у Прибыловских: во флигеле «10 апреля 1870 г. родился брат Владимир. Осенью того же 1870 г. семья наша перебралась в верхний этаж дома того же хозяина на улицу, где прожила до 1875 г.

Дом этот был тогда последним по Стрелецкой улице, упиравшейся в площадь с тюрьмой, которая выходила главным

---

[1] В. Алексеев и А. Швер. Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887). Под редакцией и с примечаниями А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., ГИЗ, 1925, с. 57.

фасадом на так называемый «Старый венец» — высокий берег Волги со сбегавшими вниз фруктовыми садами» [1].

В воспоминаниях Анны Ильиничны есть еще одна подробность, имеющая отношение к проживанию ее родных на Стрелецкой: в том же доме квартировала акушерка Анна Дмитриевна Ильина, принимавшая, начиная с Володи, всех детей Марии Александровны.

Руководствуясь этими сведениями, — главным образом тем, что дом был «тогда последним» на улице, — местные органы власти включили двухэтажный деревянный дом № 15 под охрану государства и поместили на нем в 1927 году мемориальную доску с текстом: «Здесь жила семья Ульяновых в 1870—1875 гг. Во флигеле, находившемся во дворе этого дома, 10(22) апреля 1870 года родился Владимир Ильич Ульянов-Ленин».

Это тоже не соответствовало исторической истине, но никто тогда не знал об этом. В момент установления памятной доски флигеля во дворе не было. Предполагалось, что он сгорел или снесен задолго до революции [2]. Итак, вторая ошибка... Однако в те годы еще были живы симбиряне, утверждавшие, что исторический флигель сохранился и находится в близлежащем слева (если смотреть с улицы) дворе. Вот что писала ульяновская газета «Пролетарский путь» 4 января 1927 года в заметке «Где родился Ленин»: «Гражданка Евдокия Егоровна Степанова, поступившая к Ульяновым, когда Владимиру Ильичу было четыре года, и проживавшая у них в течение четырех-пяти лет, заявляет, что Владимир Ильич родился в желтом флигеле, находящемся во дворе дома № 11 по Стрелецкой улице... Флигель этот цел и сейчас. Краска сползла, и здание запущенное. В дом № 15, где прибита мемориальная доска, Ульяновы переехали позднее. Переезд этот был при Степановой».

Вскоре научный сотрудник Дома-музея В. И. Ленина Анна Григорьевна Медведева записала воспоминания другого старожила — Е. Ф. Яковлевой. Евдокия Филипповна часто бывала в семье Ульяновых и отчетливо помнила день рождения их второго сына. «Акушерка Ильина, которая

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 38.

[2] См.: На родине Ленина. Путеводитель. Сост. Б. Н. Афанасьев. М., 1960, с. 17; Ульяновск — родина Ленина. Памятные места. Изд. 3-е. Под ред. М. Х. Валкина. Саратов, 1967, с. 9.

принимала Володю, жила через дом от Ульяновых, теперь этот дом значится под номером 15»,— рассказывала она.

В те годы находились и другие люди, которые говорили, что жили в доме инспектора народных училищ губернии, были друзьями его жены или детей и т. п. В подавляющем большинстве случаев Анна Ильинична и Дмитрий Ильич отвергали эти утверждения, как явно вымышленные. Критически относилась к таким «свидетелям» и А. Г. Медведева. И в то же время очень велико было желание точно установить место рождения Владимира Ильича. Поэтому тактично, но весьма настойчиво она в 1929—1931 годах несколько раз расспрашивала Анну Ильиничну о квартирах Ульяновых на Стрелецкой улице. Однако сестра Ильича не смогла привести новых данных. И это вполне понятно: через 60 лет трудно припомнить подробности о квартире, в которой они жили так недолго. Тем более, что самой ей в то время было всего пять-шесть лет. В одном Анна Ильинична была тверда: мемориальная доска на доме № 15 установлена правильно, а флигель во дворе уже не существует.

О проживании Александра Ульянова — своего бывшего одноклассника по Симбирской классической гимназии — в двухэтажном деревянном доме (№ 15), против которого, «несколько наискосок, стоял деревянный одноэтажный дом, занятый столярной мастерской Кулакова», засвидетельствовал в своем письме в Институт В. И. Ленина при ЦК ВКП(б) и И. П. Кашкаров [1].

Итак, ошибка утвердилась. Возможностей для документальных исследований в то время не было, ибо дореволюционные архивные фонды Симбирска прошли через «огонь и воду» чуть ли не в буквальном смысле: горели во время пожара, перевозились в 20—30-х годах в Куйбышев и обратно. Этим во многом объясняется и неудача Мариэтты Шагинян, прилагавшей в 1937—1938 годах немало усилий для выяснения, каким был дом, где родился Ильич. Только в послевоенные годы краеведы возобновили попытки уточнения памятных мест, связанных с именем В. И. Ленина в его родном городе.

В июле 1955 года директор Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина А. М. Уральцев обратился в

---

[1] Партийный архив Ульяновского обкома КПСС, ф. 57, оп. 1, д. 34, л. 20.

областной государственный архив с просьбой отыскать план дома «Прибыловского по улице Стрелецкой № 15, в котором жила семья Ульяновых с 1870 по 1875 год». Он надеялся установить место флигеля, в котором жила семья Ульяновых в 1869—1870 годах.

Архивисты просмотрели материалы тех дореволюционных учреждений, документы которых могли прямо или косвенно содержать сведения о домовладениях Симбирска (фонды Симбирской городской управы, Симбирского губернского правления, канцелярии губернатора, казенной и контрольной палат) с 1870 по 1875 год. Было установлено только следующее: «...дом по улице Стрелецкой, где в 1870—1875 годах жила семья Ульяновых, принадлежал вдове дьякона Александре Семеновне Прибыловской». Помимо каменного двухэтажного дома с 1874 года в этом домовладении значится еще и полукаменный флигель [1].

Отвечая на запрос, работники архива, как видим, руководствовались не нумерацией домов, а фамилией домовладельца, указанной А. М. Уральцевым. Поэтому справка была составлена не на двухэтажный деревянный дом (№ 15), на котором около трех десятилетий висит мемориальная доска, а на другой, каменный двухэтажный (№ 11), который в списке ленинских мест Ульяновска не значился и поэтому никого не заинтересовал.

Вскоре лектор Дома-музея В. И. Ленина Анастасия Николаевна Капранова с помощью архивистов выяснила, что дом № 15, в котором теперь помещалась областная детская библиотека, в 60—80-х годах XIX века являлся собственностью не Прибыловского, а Д. Ф. Жарковой. Капранова пришла к выводу: Анна Ильинична, очевидно, допустила в своих воспоминаниях оговорку, назвав владельцем строений не Жаркову, а Прибыловского. Догадка была правильной, но решили, что это обстоятельство не меняет существа вопроса: какая, в конце концов, разница, кому принадлежал последний дом по Стрелецкой?

Конечно, нас интересует флигель, в котором родился Владимир Ильич, а не домохозяева. Но их фамилии при-

---

[1] Фонды Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина. Папка № 1, л. 115. Как в запросе А. М. Уральцева, так и в ответе архивистов, как будет видно ниже, следовало указать не 1870—1875 годы, а другие даты.

ходится упоминать, поскольку в те далекие времена не существовала нумерация домов [1].

В 1957 году А. Н. Капранова обратилась к казанскому профессору-медику Н. Н. Яснитскому (его отец преподавал Александру и Владимиру Ульяновым историю и географию в Симбирской классической гимназии) с просьбой написать воспоминания о доме Жарковой того времени, когда он жил в нем с родными. «Был ли флигель во дворе, в какой части двора и когда он был снесен?» — спрашивала она.

Н. Н. Яснитский, посоветовавшись со своей сестрой, ответил: «С полной уверенностью и ответственностью за свои слова мы повторяем, что в 1891—96 годах никакого флигеля во дворе не было, и, судя по имевшимся тогда хозяйственным постройкам, он там не существовал и раньше». Профессор советовал выяснить по архивным документам историю одноэтажного деревянного в три окна флигеля, расположенного между домовладениями Жарковой и Прибыловских [2].

Это сообщение еще более усложняло дело. Ведь под сомнение ставился факт существования флигеля во дворе дома Жарковой. К тому же возникла необходимость изучения нового, уже третьего домовладения, принадлежавшего К. Н. Виноградову. Работа требовала времени и не одного, а нескольких научных сотрудников. Причем надежды на успех было мало. В то же время началась разработка проекта реконструкции Ленинской мемориальной зоны города. Коллектив Дома-музея В. И. Ленина оставил дальнейшие исследования.

Прошло семь лет. Ничего еще не зная о предыдущем поиске, я во время рассказа о Симбирске 70—80-х годов XIX века по Ульяновскому телевидению упомянул как общеизвестный факт, что В. И. Ленин родился во флигеле дома Прибыловского. На следующий день один из опытных краеведов упрекнул меня в допущенной ошибке. На недоуменный вопрос, почему же в новейшем путеводителе по городу не оговаривается, что дом № 15 принадлежал не Прибыловским, а Жарковой, ответ свелся к тому, что такое

---

[1] Упоминаемые в тексте №№ 11, 15 появились в советские годы. Причем нумерация этих домов неоднократно менялась.

[2] Фонды Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина. Папка № 28, л. 95.

примечание со временем появится в научном издании. Поблагодарив собеседника за важную новость, я пошел в областную детскую библиотеку, где сотрудники, хорошо знающие историю своего дома (№ 15), показали на действительное владение Прибыловских: оно находилось рядом, за забором.

Двор библиотеки еще несколько лет назад был очищен от всех изрядно обветшалых хозяйственных построек и выложен плиткой. Эта каменная чистота и раньше не очень-то радовала: железобетон, словно могильная плита, навсегда укрыл частицу дорогого для всех бытия. К тому же после этого специалисты прекратили поиски остатков фундамента исторического флигеля.

Но раньше утешением была мысль, что люди, ответственные за сохранность ленинских мест, наверняка сделали все для установления того, каким был отчий дом Ильича, прежде чем согласились на мощение двора. Теперь же, после выявления настоящей фамилии былой хозяйки здания, отмеченного мемориальной доской, обстановка, на мой взгляд, менялась: если стало возможно одно уточнение, то почему бы не попытаться найти и другие?

Так, в 1964 году начался поиск с целью установления точного местонахождения флигеля во дворе Жарковой и выявления документов, которые позволили бы представить, каким он был столетие назад.

Работу по изучению строений на Стрелецкой улице я начал по совету ветерана областного госархива Н. Н. Смирнова с просмотра «Окладных книг» и «Раскладочных ведомостей» симбирской городской думы. Здесь такие рукописные книги сохранились с 1864 года. Но, к сожалению, именно за первые четыре года до приезда Ульяновых в Симбирск эти основные учетные документы, по которым дума взимала налог с горожан за «недвижимое имение», велись писарями далеко не идеально. И только с помощью других источников все же удалось установить, что к 1867 году на Стрелецкой улице было всего семь домовладений. Если идти от центра города, то на левой стороне улицы располагались постройки священника Ф. Н. Эпиктетова, чиновницы М. М. Страховой, вдовы дьякона А. С. Прибыловской, чиновника К. Н. Виноградова и жены унтер-офицера Д. Ф. Жарковой. На правой стороне, ближней к волжскому косогору, дома принадлежали жене чиновника

А. М. Каврайской и владельцу иконостасной мастерской мещанину В. С. Кулакову.

Об августовском пожаре 1864 года, когда сгорела большая часть Симбирска, на улице напоминало многое: отгороженные заборами «пустопорожние места», обгоревшие остатки домов, «моложавый» вид только что отстроенных жилых и хозяйственных построек, саженцы возрождаемых садов.

Стрелецкая, на которой в XVII веке на самом деле проживали со своими семьями стрельцы, находилась невдалеке от Никольской церкви, губернаторского дома и классической гимназии, но к центру города не принадлежала. И в начале 70-х годов XIX столетия она продолжала оставаться немощеной. Узкие деревянные тротуары и восемь фонарей с десятилинейными керосиновыми лампами — вот и все свидетельства забот городской думы о благоустройстве улицы, заселенной в основном разночинцами.

Естественно, что при изучении архивных материалов главное внимание было сосредоточено на доме с мемориальной доской. Том за томом я просмотрел «Окладные книги» за 1864—1918 годы, а также маклерские журналы и страховые полисы. Эти и некоторые другие документы подтвердили правильность заявлений профессора Н. Н. Яснитского и позволили установить важную истину: флигель во дворе дома Д. Ф. Жарковой никогда не существовал! В этом-то и заключалось, говоря словами московского журналиста И. Ротина, «прямо-таки ошеломляющее» открытие [1]. Теперь очень остро встал вопрос: где же квартировали Ульяновы в 1869—1870 годах?

Что-то могло проясниться при изучении соседнего домовладения, принадлежавшего коллежскому секретарю Константину Николаевичу Виноградову. Это советовал сделать, как указывалось выше, и профессор Н. Н. Яснитский.

В архиве удалось найти чертежи небольшого деревянного флигеля с тремя окнами на переднем фасаде. Примерно такой же флигель с указанием, что в нем родился Володя Ульянов, нарисовал по памяти в 1963 году 95-летний С. А. Клюжев, работавший в свое время десятником симбирской городской думы [2]. О маленьком «в три окна

---

[1] «Советская культура», 1969, 8 июля.
[2] «Ульяновский комсомолец», 1965, 19 марта.

флигельке» в 1926 году писал и заведующий Ульяновским отделением Института истории партии В. Н. Алексеев[1], а также автор книг о молодом Ленине профессор Б. М. Волин[2]. Заслуживало внимания и то обстоятельство, что домохозяин К. Н. Виноградов почти не жил в Симбирске (он и умер 13 июня 1875 года в Казани) и наверняка сдавал свое жилище квартирантам.

Словом, имелось немало данных для предположения: именно во флигеле Виноградова и родился Володя Ульянов. Но почему же Анна Ильинична, не знавшая архивных документов, не видевшая Стрелецкой улицы много лет, все же назвала Прибыловских владельцами дома и флигеля?

Без получения ответа на этот вопрос проблему нельзя было считать решенной. Требовалось изучить постройки Прибыловской за все годы существования, и, конечно, со всей скрупулезностью, какая только возможна. Однако писарские записи в «Окладных книгах» об этой усадьбе тоже оказались неполными и противоречивыми. В 1867 году хозяйка платила квартирный налог только за «деревянный флигель с холодным строением»[3]. Через год ее владение пополнилось восстановленным каменным двухэтажным домом[4]. В последующие пять лет, в том числе и в год рождения Ленина, писарь регистрировал только эту постройку, не упоминая о флигеле. И только в 1874 году появляется запись: «каменный двухэтажный дом **с полукаменным флигелем** и строением»[5].

Я был уверен, что разнобой в описании домовладения Прибыловской является следствием либо небрежности, либо корыстолюбия писаря, а исторический флигель существовал и в 1869—1870 годах, когда о нем не упоминалось в «Окладных книгах». Но это надо было доказать. Так как документы симбирской городской думы не позволяли сделать этого, пришлось обратиться к другим архивным фондам. Из них выяснилось, что престарелая и неграмотная вдова дьякона симбирского Спасского женского монастыря П. А. Прибыловского потеряла во время пожара 18 августа 1864 года

---

[1] В. Н. Алексеев. На родине Ленина. Л.—М., ГИЗ, 1926, с. 1.

[2] Б. Волин. Ленин в Поволжье. М., Политиздат, 1956, с. 18.

[3] ГАУО, ф. 144, оп. 1, д. 126, л. 119.

[4] Там же, д. 191, л. 10.

[5] Там же, ф. 137, оп. 34, д. 2280, л. 30. (Выделено мной.— Ж. Т.)

все свое движимое и недвижимое имущество. Старший сын ее Николай находился «за болезнью» в отставке, а младший, Михаил, учился в местной духовной семинарии. Вскоре после приезда Ильи Николаевича Ульянова Михаил Прибыловский просит его о зачислении стипендиатом педагогических курсов.

Определенный интерес представляли документы о том, как домовладение А. С. Прибыловской переходило то к вдове поручика Е. И. Степуриной, то к поручику П. А. Валуеву, то к вдове купца Н. Е. Арацковой. Как выяснилось, из рук в руки переходили до 1917 года и дома владельцев Д. Ф. Жарковой, К. Н. Виноградова и других, живших в 1869—1870 годах на Стрелецкой улице.

Сведения о хозяевах имели практическое значение. Если, например, в фонде городской думы не нашлось дел с чертежами и планами строений Прибыловской, то эти документы оказались на имя Степуриной. Выяснение порядка смены владельцев усадеб на Стрелецкой помогло понять, почему после победы Великого Октября здесь сразу не нашлось старожила, который бы точно помнил, где именно жили Ульяновы в год рождения Владимира Ильича.

Но вернемся к ходу поиска. Добрый месяц ушел на чтение «Симбирских губернских ведомостей» за 60—70-е годы. Они выходили с разрешения вице-губернатора, то есть подвергались повседневной открытой цензуре, поэтому читать их было не очень-то интересно. Зато почти в каждом номере помещались пространные объявления о купле-продаже и сдаче в наем квартир.

В подшивке за 1867 год нашлись два объявления, которые стоило выписать. «В доме мещанки Федоровой (девичья фамилия Д. Ф. Жарковой.— **Ж. Т.**) на Стрелецкой улице продается рояль»,— информировала газета 18 февраля. А 2 сентября сообщалось, что «по случаю отъезда продается за весьма схожую цену гостиная и другая мебель, на Стрелецкой улице, в доме Федоровой». Эти строки говорили: осенью у нее освобождалась квартира. С жильем в ту пору в Симбирске было плохо, поэтому очень скоро нашлась квартирантка — акушерка Анна Дмитриевна Ильина.

В сотне экземпляров «Ведомостей» за 1868 год не оказалось чего-либо заслуживающего внимания. Зато в газетах последующих лет отыскались объявления, подтвердившие правильность предположения о не случайном упоминании

Анной Ильиничной фамилии Прибыловских. Так, в конце августа 1869 года губернская газета дважды известила: «Продается фортепьяно, разного рода мебель, тюфяк, стеклянная и фарфоровая посуда на Стрелецкой улице, дом Прибыловской, на дворе во флигеле».

Значит, за месяц до приезда Ульяновых из Нижнего Новгорода в Симбирск у вдовы дьякона флигель не только был, но и освобождался какой-то интеллигентной семьей!

Объявление это стало известно инспектору классической гимназии Владимиру Александровичу Ауновскому (его мать Наталья Ивановна 16 апреля 1870 года станет восприемницей Володи, а сам он — в ноябре следующего года — Оленьки Ульяновой), и он немедленно (ибо третьей публикации объявления, которая обязательно давалась, если клиент не находился, не было) договорился об аренде флигеля для своих старых и близких знакомых по Пензе и Нижнему Новгороду — Ульяновых.

«Продается зимний возок и волчья шуба. О цене можно узнать в квартире госпожи Дю-Трессель, дом Прибыловской, на Стрелецкой улице»... «Опытный инженер-механик желает занять место механика или директора фабрики. Адрес: на Стрелецкой улице, дом Прибыловского, спросить Е. Я. Леблан, в квартире преподавателя гимназии П. А. Дю-Трессель». Эти объявления появились в газете 3 и 28 февраля 1870 года.

Листаю дальше «Губернские ведомости». Судя по воспоминаниям Анны Ильиничны, осенью 1870 года ее родители переехали в верхний этаж дома А. С. Прибыловской, и, следовательно, в газете могло быть сообщение о сдаче этой квартиры. Так оно и оказалось: 1, 3 и 5 сентября за 1870 год было помещено объявление, что в «Квартире Павла Антоновича Дю-Трессель, Стрелецкая улица, дом Прибыловской, продается за отъездом разного рода мебель».

Уехал ли этот квартирант — учитель французского языка мужской гимназии? Из его личного дела в архиве узнаю, что именно в эти сентябрьские дни Дю-Трессель отбыл из Симбирска в Нижний Новгород. Вот тогда-то в его более просторную, чем во флигеле, квартиру на втором этаже каменного дома, выходившего передним фасадом на Стрелецкую улицу, и переехали Ульяновы.

Но для окончательного установления их местожительства в год рождения Владимира Ильича необходимо было

найти какой-нибудь документ с точным указанием домашнего адреса.

Задача оказалась трудной, так как в архиве не сохранилась картотека полицейского учета горожан, а домовые книги в те годы в Симбирске еще не велись. Не записывали адресов и церковнослужители при регистрации рождения детей, бракосочетания и смерти своих прихожан. Оставалось надеяться, что домашние адреса могут случайно оказаться в фондах тех учреждений, с которыми И. Н. Ульянов вел интенсивную переписку с первых дней работы в Симбирске: канцелярии губернатора, губернского правления, контрольной палаты, губернского и уездных земств, городских управ, волостных правлений, почтовых контор, училищных советов. Но, увы, их там не оказалось.

Ежегодно Илья Николаевич представлял краткие сведения о себе и подчиненных педагогах для «Адрес-календаря» лиц, состоящих на службе в Казанском учебном округе. Однако, как это выяснилось во время работы в Центральном государственном архиве Татарской АССР, домашние и служебные адреса в нем не указывались. Безрезультатными оказались розыски в Пензе и Горьком — городах, где Ульяновы жили раньше и имели близких знакомых: там не нашлось ни одного их письма.

Большие надежды были на Ленинград. В архивах города на Неве хранится самое богатое в стране собрание дореволюционных фондов: всех министерств и ведомств, столичных страховых компаний (дома Жарковой и Прибыловской застрахованы были именно в них), редакций журналов, которые выписывал Илья Николаевич, книжных магазинов и складов учебных пособий, куда он тоже часто обращался из Симбирска. Есть здесь документы из личных архивов некоторых симбирян, например В. Н. Назарьева, общавшегося с И. Н. Ульяновым с первого года его инспекторства.

Конечно, за неделю удалось познакомиться лишь с небольшой частицей того, что следовало бы просмотреть. Но и научные сотрудники Центрального государственного исторического архива СССР, принявшие участие в поиске, не обнаружили симбирских адресов Ульяновых. И все же доказательством того, что здесь могли быть какие-нибудь материалы о Стрелецкой улице, служит одна из «единиц хранения» фонда министерства внутренних дел, в которой

подшит акт о ремонте дома Д. Ф. Жарковой в 60-х годах XIX века.

Побывал я и в квартире Н. С. Тагрина — обладателя сотен тысяч открыток с видами почти всех городов дореволюционной России. Известный коллекционер имеет и симбирские виды, но усадьба А. С. Прибыловской запечатлена только на одной открытке, причем так, что флигель во дворе не просматривается.

В рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина находится обширная переписка выдающегося чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева. Среди писем нашлись и такие, в которых его ученики сообщали о своих встречах и беседах с И. Н. Ульяновым, причем в домашней обстановке, в самом начале 70-х годов. Но ни описания квартиры инспектора народных училищ Симбирской губернии, ни указаний на дом, где он проживает, там не оказалось.

И. Я. Яковлев сохранил не только письма Ильи Николаевича, но и некоторые конверты. К сожалению, обратный адрес на них был лишь такой: «Гор. Симбирск, инспектору народных училищ И. Ульянову». Служебное положение Ильи Николаевича согласно правилам почтового департамента допускало такое адресование. Конечно, он мог указывать свой домашний адрес, но не делал этого, возможно, потому, что намеревался вскоре сменить квартиру.

Параллельно велся розыск потомков близких знакомых и соседей Ульяновых: у них могли сохраниться письма, дневники родных, фотографии домов на Стрелецкой улице.

В Псковском краеведческом музее мне показали две книги с автографами В. А. Ауновского — того самого инспектора классической гимназии, который снял для Ульяновых флигель у Прибыловской. Очень интересной была встреча в подмосковном поселке Родники со старейшим художником Поволжья, большим мастером рисунка и акварели, Дмитрием Ивановичем Архангельским. Еще в 20-х годах первым в стране он сделал с натуры рисунки ленинских мест в Ульяновске. Во время беседы выяснилось, что Дмитрий Иванович состоит в родстве с Прибыловскими и в конце прошлого века гостил у них. Он слышал давно, что Владимир Ильич родился в доме, принадлежавшем Прибыловским.

Из Уфы откликнулся внук А. Ф. Белокрысенко — друга и соратника Ильи Николаевича, присутствовавшего 16 апре-

ля 1870 года вместе с матерью В. А. Ауновского в Никольской церкви при выписке метрического свидетельства о рождении второго сына Ульяновых.

Мой личный архив пополнился в Пензе фотопортретом П. А. Дю-Тресселя, изготовленным незадолго до того, как этот учитель стал квартирантом А. С. Прибыловской.

Пытался помочь поиску инженер-свердловчанин А. Ф. Покровский, дед которого долгие годы был лечащим врачом Ульяновых и тоже имел дом на Стрелецкой улице. Но нужных документов и у него не оказалось.

А время шло. Вопрос о первых симбирских квартирах Ульяновых нужно было решать незамедлительно, так как по плану генеральной реконструкции города флигель и дом А. С. Прибыловской, как якобы не представляющие исторической ценности, подлежали сносу. Для пересмотра этого плана требовались очень веские основания, и поэтому одной из главных задач исследования по-прежнему оставалось отыскание адресов Ульяновых. И, как это нередко бывает, помог случай.

Доцент Ульяновского педагогического института имени И. Н. Ульянова А. Л. Карамышев, с которым я поделился подробностями о ходе поиска, пообещал просмотреть свои выписки, сделанные несколько лет назад в Чебоксарах из личного фонда известного просветителя И. Я. Яковлева. Уже на следующий день он обнаружил у себя дома копию «Условия», то есть контракта, заключенного Ильей Николаевичем с крестьянином И. Ивановым на постройку последним здания для школы в одном из сел Симбирской губернии.

Этот документ, составленный договаривающимися сторонами 31 августа 1871 года, заверил подписью и печатью симбирский нотариус В. Суров. Он же в конце «Условия» записал и адрес И. Н. Ульянова: «На Стрелецкой, в доме Прибыловской». Раньше А. Л. Карамышев никому не сообщал об этом адресе, так как не подозревал, что он имеет прямое отношение к установлению местожительства Ульяновых: из воспоминаний Анны Ильиничны давно известно, что ее родные квартировали у Прибыловских...

Теперь эта неожиданная находка становилась одним из важнейших подтверждений правильности моих предположений относительно первых квартир Ульяновых. Вместе с тем она побудила еще раз вернуться к просмотру фонда дирекции народных училищ губернии: ведь Илья Никола-

евич строил десятки школ. Вскоре мне и старшему научному сотруднику Дома-музея В. И. Ленина Антонине Ивановне Томуль, подключившейся на несколько дней к поиску, удалось обнаружить в архиве еще два нужных «Условия». Как в первом из них, подписанном Ильей Николаевичем и крестьянином П. Глуховым 24 февраля 1873 года, так и во втором, заключенном с крестьянином П. Чернышевым 5 февраля 1874 года, — тоже на постройку школы, симбирский нотариус засвидетельствовал проживание «лично ему известного» И. Н. Ульянова «по Стрелецкой улице, в доме Жарковой».

Эти юридические документы неопровержимо доказывали, что Ульяновы проживали, по крайней мере до осени 1871 года, у Прибыловских. Одно из объявлений, появившихся в «Симбирских губернских ведомостях», позволяет предположить и более конкретную дату — до 20 сентября. Вот что сообщалось в газете 25 сентября 1871 года: «Защитник уголовных и гражданских дел надворный советник Николай Петрович Булатов долгом считает объявить, что он переехал на квартиру в дом г. Прибыловского, на Стрелецкой улице». Думается, что этот адвокат и занял квартиру Ульяновых, переехавших к Жарковой.

Стало ясно, почему Анне Ильиничне лучше запомнился дом последней хозяйки. Ведь Ульяновы квартировали у Жарковой около четырех лет, да и к 1875 году, моменту очередного переезда семьи — уже на Московскую улицу, в дом чиновника В. П. Костеркина (ныне улица Ленина, дом № 74) — девочке было уже 11 лет.

Итак, хотя адреса Ульяновых за 1869—1870 годы найти не удалось, обнаруженные «Условия» в совокупности с воспоминаниями Анны Ильиничны и старожилов-симбирян, газетными объявлениями с упоминаниями о флигеле и доме Прибыловской, а также отъезде Дю-Тресселя убедительно свидетельствуют, что дом, где родился Ленин,— найден!

Чем объясняется столь частая смена местожительства Ульяновыми в 1869—1871 годах? Прежде всего тем, что небольшая квартира верхнего этажа флигеля (нижний этаж Прибыловская приспособила для хозяйственных нужд) после рождения Володи и приезда из Пензенской губернии няни — Варвары Григорьевны Сарбатовой — стала тесной для возросшей семьи. Квартира на втором этаже каменного дома той же хозяйки была значительно удобнее и простор-

нее, чем во флигеле, но и здесь Ульяновы прожили только около года. Понять мотивы их нового переезда в 1871 году в какой-то мере помогли своими рассказами сестры Поликарповы: Валентина Ивановна, Анна Ивановна (по мужу Лисовская) и Елена Ивановна (по мужу Васина), проживавшие с 1912 года в верхнем этаже флигеля, некогда принадлежавшего Прибыловской. Я встретился с ними в этой же квартире в 1965 году.

Сознавая, какое значение приобретает каждая конкретная деталь, они, с помощью своей тетушки С. И. Комаровской, квартировавшей в бывшем основном доме Прибыловской с конца прошлого века, написали подробные воспоминания о том, как выглядели комнаты верхнего этажа исторического флигеля в годы их детства, какие хозяйственные постройки имелись во дворе. Поликарповы отметили на плане домовладения былое расположение конюшни, коровника, птичника, утятника, колодца, погребов, дровяников. После этих пояснений, принимая во внимание и то, что в каменном двухэтажном доме предприимчивой вдовы дьякона квартировали помимо Ульяновых еще и другие жильцы, стало ясно, насколько густо было заселено и застроено ее домовладение.

Более удобной была усадьба Дарьи Федоровны Жарковой, находившаяся в каком-нибудь десятке саженей. Там был просторный и чистый, очень удобный для детей двор. А в то время, когда дифтерит, скарлатина, оспа, корь и дизентерия уносили в могилу почти половину младенцев, это обстоятельство имело для родителей немаловажное значение. Тем более, что за два с половиной месяца до переезда в Симбирск Мария Александровна и Илья Николаевич тяжело перенесли смерть своей годовалой Оленьки.

Несомненно, если бы в доме Жарковой в сентябре 1869 года имелась свободная квартира, Ульяновы сняли бы ее сразу. Но здесь тогда жила еще сестра хозяйки с двумя детьми. Только осенью 1871 года она поселилась в другом месте. Тогда-то и состоялся переезд Ульяновых от Прибыловской на верхний этаж деревянного дома Жарковых, семья которых была небольшой: хозяйка, ее муж, отставной унтер-офицер, и девятилетний сын Александр. Кроме них на нижнем этаже жила одинокая акушерка Анна Дмитриевна Ильина, которая, возможно, и посоветовала с доверием относившейся к ней Марии Александровне занять более удобное жилье.

Сестры Поликарповы хорошо помнили перестройки, которые производились во флигеле Прибыловской. Подтвердились впоследствии их указания о том, что раньше не было на втором этаже кухни с русской печью, а отопление всех комнат квартиры — спальни, кабинета, гостиной и детской — производилось кафельными голландскими печами. Они воспроизвели на рисунке арку и колонны с позолотой в верхней части, которые имелись раньше между столовой и гостиной. А колонны эти, оказывается, были уничтожены совсем недавно — в 1961 году, во время последнего ремонта, когда историческая ценность обветшалого от времени и непогоды флигеля никому не была точно известна.

Так, к весне 1966 года были собраны необходимые документы и материалы для доказательства того, что флигель, где родился Володя Ульянов и прошли первые полгода его жизни, а также дом, в котором он жил до полуторалетнего возраста, сохранились до наших дней. Тогда же на страницах «Недели» я кратко рассказал о ходе и результатах своего поиска [1].

По-разному реагировали на это сообщение в Ульяновске. С. Л. Сытин — доцент Ульяновского педагогического института имени И. Н. Ульянова, услышав из уст студентов, что флигель, в котором родился Володя Ульянов, сохранился, с улыбкой произнес: «Это, ребята, из области фольклора...»

«Он еще не знал, — писал в связи с этим В. Запорожченко, — что в таких же смятенных чувствах пребывали тогда многие историки и краеведы. Их взбудоражили публикации исследователя Жореса Трофимова, который в преддверии 100-летия со дня рождения В. И. Ленина предпринял попытку уточнить: а где же все-таки родился Ильич?» [2]

Вникнув в суть проблемы, преподаватель и его подопечные приняли живейшее участие в сборе документов и материалов о старом Симбирске, в кропотливом изучении строений на Стрелецкой улице. И — не безуспешно. С. Л. Сытину, в частности, удалось при многократном увеличении фотопанорамы города 80-х годов прошлого века рассмотреть флигель А. С. Прибыловской. Некоторые детали здания, запечатленные на этом снимке, например сдвоенное окно по фасаду,

[1] Ж. Трофимов. Первая симбирская квартира. — «Неделя», 1966, 17—23 апреля, № 17, с. 2—3.

[2] «Молодой коммунист», 1977, № 4, с. 125.

позволили исследователю присоединиться к предположению, что флигель сохранился до наших дней почти в неизменном виде.

В декабре 1966 года результаты поиска получили официальное одобрение. Московские эксперты подтвердили, что флигель Прибыловской за 100 лет не перестраивался и сруб его ни разу не перебирался.

К апрельским дням 1970 года на месте бывшей Стрелецкой улицы выросла обширная площадь имени Столетия со дня рождения В. И. Ленина с беломраморным зданием Ленинского мемориала в центре. Наглядное представление о том, как выглядели улица, флигель и дом Прибыловской, а также дом Жарковой, экскурсантам дает диорама Симбирска начала 70-х годов, созданная заслуженным художником РСФСР Е. И. Дешалытом, расположенная сейчас в Ульяновском филиале Центрального музея В. И. Ленина.

После реставрации и специальной обработки деревянных конструкций и деталей, обеспечивающей их сохранность на века, флигель и дом Прибыловской установлены на своем прежнем месте и стали важнейшей частью Ленинского мемориала. Невдалеке от монументального здания-дворца находится и двухэтажный деревянный дом с антресолями, некогда принадлежавший Жарковой. Здесь функционирует Квартира-музей В. И. Ленина. Рядом с домом воздвигнут бронзовый памятник Марии Александровне с маленьким Володей.

В двухэтажном каменном доме Прибыловской, который находится, как и полукаменный флигель, во внутреннем дворике Ленинского мемориала, открыта выставка подарков музею В. И. Ленина, родному городу Ильича от трудящихся нашей страны и друзей из зарубежных государств.

Около входа в исторический флигель установлена мемориальная доска, которая гласит: «В этом доме 10(22) апреля 1870 года родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин)». Первым посетил священную колыбель вождя 16 апреля 1970 года Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев. В книге отзывов он записал: «Волнующие чувства переживаешь, находясь в доме, где забилось горячее сердце величайшего революционера современности».

...Пройдут века, но никогда не иссякнет людской поток к этому дорогому для всех нас месту.

«С каждым годом изучение исторической обстановки, в которой родился и рос Ленин, становится все трудней и трудней. Исчезают многие «вещественные свидетельства» — книги, материальные предметы, документы; уходят люди, свидетели живые, — их почти уже не осталось». Так характеризовала в 1964 году Мариэтта Шагинян сложности поиска тех «исторических бисеринок», когда она решила «воскресить исторически точно» день рождения Владимира Ильича [1].

Мариэтту Сергеевну интересовало все: какой это был день недели, какая была погода, чем был отмечен этот день в семье Ульяновых, какие события происходили тогда в Симбирске, России и за рубежом. Ответы на эти вопросы писательница искала и находила в архивах, музеях и библиотеках Ульяновска, Москвы и других городов, беседах и переписке с Н. Н. Ильиным (Нилли) — племянником акушерки Анны Дмитриевны Ильиной.

Из «Симбирских губернских ведомостей» она узнала, что 10(22) апреля 1870 года пришлось на пятницу. Погода была еще по-весеннему неустойчивой. 4 апреля в Симбирске шел сильный снег. 9 апреля воздух прогрелся днем до +9,3° по Реомюру, но 10-го термометр показывал только +5,2°, а к вечеру температура снизилась до +1,9°. Похолодание в этот день совпало с начавшейся ломкой льда на Волге.

Говоря о делах и заботах Ильи Николаевича, Мариэтта Шагинян подчеркнула, что он «был тоже сверх меры занят»: в день рождения второго сына читал корректуру своего отчета «О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1869 год». Этот труд за его подписью печатался в «Симбирских губернских ведомостях» 11, 21 и 25 апреля (а несколько позднее появился и во втором томе «Симбирского сборника»). Его, конечно, волновало, как воспримутся читателями заключительные призывные строки первого инспекторского «Отчета»: «Чтобы начальные народные училища приносили существенную пользу, много еще нужно сделать для улучшения их в материальном и в особенности в нравственном отношениях».

Какими же, помимо «Отчета», конкретными школьными делами был озабочен Илья Николаевич в апрельские дни 1870 года? Представление об этом можно получить и по некоторым другим дошедшим до нас документам.

---

[1] М. Шагинян. День рождения Ильича. — «Неделя», 1964, № 4, с. 4.

Изучая материалы о первых симбирских квартирах Ульяновых, я обратил внимание на два письма, отправленные Ильей Николаевичем своему непосредственному начальнику — попечителю Казанского учебного округа.

В карандашном наброске первого письма, написанном 9 или 10 апреля и хранящемся ныне в Ульяновском областном госархиве, говорилось: «В газете заявлено, что начальство военно-учебных заведений намерено воспользоваться предстоящею в нынешнем году в Петербурге всероссийской выставкой и принять в ней участие, выставив находящиеся в его распоряжении учебно-воспитательные пособия как для первоначального домашнего воспитания, так и для средних общеобразовательных заведений» [1].

По этой записи трудно догадаться о ее истинном предназначении: можно было предположить, что она сделана просто для сведения. Однако поиски в Центральном государственном архиве Татарской АССР привели к другому выводу. Там оказалось письмо И. Н. Ульянова к попечителю округа, в котором он почти дословно повторял цитированное выше газетное сообщение и... просил разрешения на поездку в столицу.

«Ввиду открытия образцовых училищ в Симбирской губернии,— писал он,— я желал бы наглядно ознакомиться с усовершенствованными учебными пособиями с целью применить их к начальным народным училищам, почему и обращаюсь к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбой о разрешении мне отпуска на 29 дней для поездки в Петербург на выставку и, если возможно, о пособии на путевые издержки».

Нельзя без волнения читать эти строки, написанные четким почти каллиграфическим почерком. Илья Николаевич ради учебных новинок для народных школ был готов, не считаясь с транспортными неудобствами и денежными издержками, оставить жену с новорожденным ребенком и помчаться в далекий Петербург. Но почему его особенно заинтересовал раздел выставки, организуемый военным министерством, а не министерством народного просвещения? Наверное, потому, что военный министр Д. Милютин в противоположность министру народного просвещения Д. Толстому, как писала М. Шагинян в романе-хронике «Первая Всероссийская», хотел

---

[1] Ж. Трофимов. В год рождения Ленина. — «Ульяновская правда», 1965, 21 марта.

бы всю свою армию, все русское крестьянство видеть читающим и думающим по-европейски.

Раздел выставки, принадлежавший военно-учебным заведениям, был действительно обширным и интересным. Даже из краткой официальной «Программы-выставки», опубликованной в 1869 году в «Симбирских губернских ведомостях», видно, что помимо учебных пособий здесь можно было познакомиться с моделями примерных школ, образцами школьной мебели, проектами отопления и вентиляции зданий, образцами занятий детей в свободное время («лепка по воску, рисование, резьба по дереву, занятия столярным, токарным и переплетным мастерством» и т. п.).

Илью Николаевича, стремившегося к образцовой постановке народного образования в Симбирской губернии, интересовали не только вещественные экспонаты выставки: он надеялся встретиться там с лучшими представителями школьного дела и в личных беседах обменяться с ними опытом в ликвидации неграмотности.

Дальнейшие архивные поиски позволили выяснить, что в одно время с И. Н. Ульяновым намерены были выехать в Москву и Петербург В. А. Ауновский и В. И. Захаров. Поездка этих близких друзей Ильи Николаевича состоялась, а его постигла неудача: попечитель округа 27 апреля 1870 года подписал удивительное по казенности тона письмо: «Г. инспектору народных училищ Симбирской губернии Ульянову. На письмо Ваше относительно увольнения Вас в отпуск в С. Петербург на 29 дней на мануфактурную выставку и о выдаче Вам пособия на путевые издержки имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что я затрудняюсь дать Вам просимый Вами отпуск и не могу выдать Вам пособия по неимению средств».

Так закончилась первая попытка Ильи Николаевича ознакомиться с достижениями прогрессивной педагогики. Возможно, эта переписка является историей не только несостоявшейся поездки на выставку, но и неосуществившейся встречи трех старых друзей, захотевших в непринужденной обстановке поговорить о наболевшем, о планах на будущее.

Илья Николаевич нашел возможность для ознакомления с материалами выставки 1870 года: в Карамзинскую библиотеку, членом комитета которой он состоял, впоследствии поступил «Указатель» выставки и другая литература, содержавшая о ней подробные сведения.

Многое рассказал, а кое-что и привез из Петербурга В. А. Ауновский, но все-таки стремление лично познакомиться с постановкой народного образования в других губерниях России, потребность непосредственного общения с лучшими педагогами страны владели им всегда.

Дважды — в 1872 и 1882 годах — Илья Николаевич Ульянов все-таки сумел побывать на всероссийских выставках, и эти поездки имели важное значение не только для него самого, но и для дела народного образования всей Симбирской губернии.

...Выше говорилось, что И. Н. Ульянов почти одновременно отправил попечителю еще одно письмо. На нем имеется дата отправления: 11(23) апреля 1870 года.

В начале письма Илья Николаевич дословно передает попечителю содержание жалобы, поступившей к нему от сызранской помещицы Л. Граббе на бюрократизм некоторых членов уездного училищного совета, препятствовавших ей в содержании на свой счет школы для крестьянских детей. «Школа шла хорошо, — писала в своей жалобе Л. Граббе, — в 5 месяцев почти неграмотные мальчики прошли с твердым знанием курс 2-го класса гимназии... но постоянные неприязненные личные отношения сызранского предводителя дворянства, а с ним вместе и членов училищного совета к мужу моему, которые проявлялись в разных интригах против него, наконец дошли и до меня. Я получила неделикатный выговор от училищного совета за то, что взяла учителя в свою школу на собственные мои деньги без разрешения совета».

«Мы с мужем,— продолжала Л. Граббе,— вынуждены были закрыть свою школу и обратиться с настоящей жалобой и просьбой разрешить вновь открыть народную школу на свой счет, но вне контроля сызранского училищного совета».

Илья Николаевич, знавший о том, что Л. Граббе была весьма образованной женщиной (она закончила в Москве институт с золотой медалью), и безусловно одобрявший ее инициативу в попытке дать крестьянским детям повышенное образование, препроводил письмо Граббе (собственноручно его переписав) к попечителю округа и сделал следующее заключение: «На основании 10 ст. Положения о начальных народных училищах для учреждения школ требуется разрешение уездного училищного совета. Но так как из письма г-жи Граббе видно: 1) что объем учебного курса в Топорнинском училище выше определенного ст. 3 Положения о начальных на-

родных училищах и 2) что она просит о разрешении ей открыть школу помимо училищного совета, то, не желая отказать ей в просьбе, имею честь представить о вышеизложенном Вашему превосходительству и просить Вас, нельзя ли г-же Граббе предложить открыть школу с курсом выше объема начальных народных училищ, подчинив ее ведению министерства народного просвещения».

Ходатайство Ильи Николаевича было удовлетворено, и Л. Граббе получила разрешение на открытие и содержание народного училища повышенного типа.

Любопытна дальнейшая судьба этой школы. Выяснилось, в частности, что через два года после вмешательства Ильи Николаевича сюда на службу поступили В. Н. Эдемова и И. П. Монстров. Эти молодые учителя создали вокруг себя кружок радикально настроенной разночинной молодежи. Нелегальную литературу они доставали у своих знакомых в Саратове, Самаре и Петербурге.

В 1874 году, в разгар «хождения в народ», Эдемова, Монстров и их товарищи тоже пытаются пропагандировать среди крестьян идеи «социализма». Однако довольно скоро власти их арестовали и предали суду.

В заключение остановимся еще на одном деле, которым Илье Николаевичу пришлось заниматься весной 1870 года.

...6 апреля Ардатовский уездный совет направил И. Н. Ульянову письменную просьбу выслушать и получить решение Симбирской палаты уголовного и гражданского суда о духовном завещании генерала-майора Дурова, и вообще «ходатайствовать по этому делу». Получив официальную доверенность, Илья Николаевич проинформировал суд о том, что он является представителем интересов уездного училищного совета и попросил пригласить его на слушание дела Дурова.

Важнейшие детали этого судебного процесса были широко известны многим. Знал о нем чуть ли не с первых дней своей службы в Симбирске и И. Н. Ульянов. Но теперь, являясь впервые в жизни юридическим поверенным, он вновь знакомится со всеми документами.

Суть дела в общих чертах такова. 20 января 1867 года в Ницце скончался генерал-майор Дмитрий Николаевич Дуров. Незадолго до этого он составил завещание, в котором изъявил желание пожертвовать школе села Покровского (место его родины) Ардатовского уезда Симбирской губернии 29 400 рублей серебром. По существовавшим российским за-

конам завещание, составленное за границей, могло войти в силу лишь после того, как оно будет рассмотрено соответствующим судом в России.

Симбирская палата гражданского и уголовного суда 19 июля того же года утвердила завещание Дурова, предоставив тем самым Ардатовскому уездному училищному совету право на использование наследства по назначению. Прошло два года. Коллежская советница В. Н. Баркова, сестра покойного, следуя советам петербургских стряпчих, уполномочила одного из них опротестовать законность последнего желания брата и заполучить завещанную им крупную сумму в свою пользу.

В поданном в Симбирскую палату прошении адвокат Барковой следующим образом аргументировал просьбу доверительницы: Дуров-де писал в завещании, что он жертвует капитал в пользу сельской школы потому, что у него нет наследников. На деле же В. Н. Баркова является его сестрой, «и поэтому завещание в самом основании своем оказывается ложным». Генерал отказал имущество «в пользу Покровской школы», но, с ехидством замечает наемный адвокат, таковой в природе не существует. «Завещатель, — выдвигается третий, и, на взгляд адвоката, один из главных доводов,— употребляет в завещании такие выражения и целые мысли», которые свидетельствуют о «ненормальных его умственных способностях в момент составления завещания».

Палата, получив это прошение, затребовала объяснения у ардатовского училищного совета. Но там нашлись люди, сумевшие понять вздорность крючкотворных ухищрений претендентов на капитал Покровской школы. «Дуров никогда не был женат, — писали они в объяснительной записке. — Родственников своих, как это видно из завещания, он уже вознаградил. Школы еще нет, но завещатель ясно выразил свою волю об ее устройстве... Нормальность умственных способностей Дурова, — отмечается далее в заключении ардатовцев,— подтверждена тремя свидетелями, из которых двое были генералами, а один полковником. Исходя из всего этого, иск Барковой не имеет законных оснований».

Таковы основные положения точек зрения сторон на завещание Д. Н. Дурова. Илью Николаевича не могли не заинтересовать основания, на которых по воле жертвователя капитала должна зиждиться будущая школа в селе Покровском. Сюда должны приниматься лица «обоего пола, всех

классов, наций (ибо в том народонаселении есть мордва, чуваши и татары) и, стало быть, всех религий». Здесь, по мысли генерала, необходимо подготовить «будущих граждан и гражданок неукоризненной честности и правдивых друзей истины». Дуров был убежден, что в народе имеется немало людей, обладающих талантами, но для того, чтобы из него вышли новые Пожарские, Минины и Ломоносовы, необходимы хорошее образование, значительная подготовка. Генерал льстил себя надеждой, что руководители будущей Покровской сельской школы, или, как он выразился, исполнители его завещания, поставят дело так, что ее питомцы продолжат учение в высшей школе. «Я горжусь славой моих будущих соотчичей, — писал генерал в заключение, — как они знаменитое гражданство оставят новому поколению».

Нетрудно заметить, что Дуров, вопреки мнению адвокатов его сестры, мыслил не только здраво, но и прогрессивно, что его отношение к народному образованию не могло не импонировать инспектору народных училищ Симбирской губернии. Может быть, лишь в силу этого И. Н. Ульянов и согласился на участие в сложном судебном процессе.

29 января 1870 года Симбирская палата уголовного и гражданского суда рассмотрела на своем заседании иск Барковой и признала его «не заслуживающим уважения». Баркова и ее поверенные, уличенные в заведомо превратном толковании завещания Дурова, или, как говорилось в судебном решении, в «неправильном вчинении иска», были оштрафованы на 1455 рублей 20 копеек.

Илья Николаевич присутствовал 27 апреля в зале суда при объявлении этого решения и получил письменную копию с него. Однако из-за неисполнения председателем суда некоторых формальностей завещанные генералом Дуровым деньги долго еще не удавалось получить. В связи с этим Илье Николаевичу пришлось несколько раз обращаться к губернатору, пока тот не настоял на доведении судом этого дела в пользу Покровской сельской школы.

...Народная школа. Ради ее подъема Ульяновы переехали в Симбирск, о ней думал и за нее боролся Илья Николаевич в апрельские дни 1870 года, в первые дни жизни своего сына Владимира [1].

---

[1] Ж. Трофимов. В том далеком апреле. — «Ульяновский комсомолец», 1968, 21 апреля.

●

Изучая историю революционного движения в Симбирской губернии 70—80-х годов, я обратил внимание на интенсивную деятельность революционно-демократического кружка, группировавшегося вокруг учителей народных школ В. Н. Эдемовой и И. П. Монстрова. Поддерживая тесные связи с революционным подпольем Самары, Саратова, Петербурга и других городов, они вели широкую пропаганду среди крестьян и местной интеллигенции.

Просмотрев все документы по этому делу в архивах Поволжья, я выехал в Москву, где в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР хранятся фонды III отделения и департамента полиции.

О В. Н. Эдемовой, ее муже И. П. Монстрове и других сызранских народниках в архиве оказалось несколько десятков «единиц хранения». Все без исключения документы в свое время были изъяты у их владельцев при обысках или арестах. Понятно, что жандармы в ходе следствия тщательно изучали каждую записку или письмо, попавшие им в руки. Данные, доказывающие антиправительственную деятельность обвиняемых, выписывались для прокурора и уже от него попадали в текст обвинительного заключения. Обзоры важнейших дознаний и судебные материалы по делу Эдемовой — Монстрова были известны ученым-историкам, занимавшимся историей пореформенной России. Частная же, особенно интимная переписка, хотя и просматривалась жандармами, но не находила отражения в судебном делопроизводстве. Не могли ее просмотреть, ввиду огромного количества подобных материалов, и советские историки, которые специально не занимались Симбирской губернией.

Для меня же история освободительного движения в губернии была темой специального исследования (кандидатской диссертации). Следовательно, необходимо было проследить все связи революционеров, действовавших в этом крае. Особый интерес к Эдемовой вызывался и другим важным обстоятельством: она была учительницей школы, которую Илья Николаевич в апрельские дни 1870 года взял под свое непосредственное наблюдение. В бумагах Эдемовой и письмах ее корреспондентов могли быть важные сведения о народном образовании и его руководителе — И. Н. Ульянове. Вот почему, не жалея времени, нередко с лупой в руках, я тщательно читал все письма, даже в тех случаях, когда заранее знал, что в данном деле не может быть ни одного, которое внесло бы

что-то новое в характеристику революционной деятельности учительницы.

С таким настроением была раскрыта и очередная папка с письмами некой В. Ф. Дроздовой к Эдемовой. Ознакомившись с несколькими посланиями Дроздовой, убедился, что они не представляют какого-либо интереса. Беглый просмотр остальных насторожил: они были написаны каким-то другим корреспондентом, скрывавшим свои имя и фамилию под инициалами «Л. В.».

Когда на одном из листочков мелькнуло слово «Кокушкино», а затем и «Илья Николаевич», стало ясно, что у меня в руках редкие документы, имеющие прямое отношение к Ульяновым.

Это предположение окончательно укрепилось после того, как в одном из писем, в середине текста, автор проставил свою полную фамилию: «Л. Веретенникова».

Все, кто знаком с литературой о молодом Ленине, знают, что Любовь Ивановна Веретенникова — это его двоюродная сестра.

Где и когда состоялось знакомство Л. Веретенниковой с В. Н. Эдемовой-Монстровой, я знал раньше. В конце 60-х годов они учились в Саратовской женской гимназии. Девочки настолько подружились, что после окончания гимназии вместе подготовились к сдаче экзаменов на звание сельских учительниц. Вместе получили желанные свидетельства в Казани.

Дружба, завязавшаяся в Саратове, не прерывалась и позже. Наверное, не случайно, став учительницей, Эдемова поехала работать в сельскую школу, подведомственную И. Н. Ульянову. Под его началом, между прочим, некоторое время работала учительницей и Любовь Ивановна Веретенникова. Наконец, пребывание Ильи Николаевича в Симбирске, очевидно, сыграло решающую роль в приезде сюда другого члена семьи сестры М. А. Ульяновой — Александра Ивановича Веретенникова, который одно время преподавал Владимиру Ильичу латинский и греческий языки.

О чем же говорят письма, пролежавшие в архиве почти столетие?

...Лето 1868 года. Небольшой хуторок Кокушкино. Сюда, как обычно, приехали на отдых к отставному врачу Александру Дмитриевичу Бланку его дочери со своими семьями.

«День свой, — пишет Л. Веретенникова Эдемовой, — мы все обычно начинаем купанием, и я повторяю эту церемонию

два или три раза в день. Когда позволяет погода, — сообщает она далее, — мы отправляемся довольно часто, т. е. Илья Николаевич, тетя Соня (сестра Марии Александровны.— **Ж. Т.**)... я, Анюта (А. И. Веретенникова. — **Ж. Т.**) да еще кто-нибудь из старших детей — в лес» [1].

Мария Александровна Ульянова, как это видно из письма, в это лето не всегда принимала участие в прогулках. Она была не совсем здоровой, «да потом у нее дочка родилась, маленькая, Ольга...» [2].

Письма Л. Веретенниковой расширяют наши сведения о кокушкинской библиотеке и литературных интересах родственников В. И. Ленина. Вот что, например, мы узнаем только из одного письма от 24 июля 1868 года. Л. Веретенникова во время отдыха прочла здесь, выражаясь ее словами, такие «интересные штуки», как «Войну и мир» Л. Толстого, «Идиот» Достоевского, «Пережитое и передуманное» Кельсиева, «Человек и природа на островах Великого океана» Гартвига и другие.

В своих письмах Любовь Ивановна с особой теплотой отзывается об Илье Николаевиче. Общительный, веселый, он был душой кокушкинского общества, пользовался всеобщим уважением и любовью. Он много ездил, повидал, и ему было что рассказать молодежи. В конце 60 — начале 70-х годов, несмотря на свой возраст и различные невзгоды, он по-прежнему оставался уверенным в торжестве добра и правды.

Именно в эти годы известный писатель-симбирянин В. Н. Назарьев писал редактору «Вестника Европы», что Ульянов — это «старый студент, сохранившийся таким, каким сидел на студенческой скамье, до настоящего времени, это одна из личностей, которых когда-то так мастерски изображал Тургенев, — это студент в лучшем смысле этого слова». С каким энтузиазмом в Кокушкине справили именины всеобщего любимца!

«Двадцатое июля, — пишет Л. Веретенникова, — я провела очень весело (я действительно была несколько навеселе), так как день именин Ильи Николаевича у нас в деревне довольно-то родственный день. Я очень много шутила и смеялась, может быть и оттого, что выпила два бокала шампанского, а может статься по поводу, например, такого рода сти-

---

[1] ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, д. 1599, л. 1.
[2] Там же.

хов, сочиненных тетей Соней. Так как по случаю тезоименитства Ильи Николаевича испечен был огромный крендель, то тетя говорит:

«В объятиях крендель он нес,
О радость!
Вдруг выхватил крендель тот пес,
О жалость!» [1]

Общение с Ильей Николаевичем и его беседы о сельской школе оказали большое воздействие на Любу Веретенникову. В марте 1870 года она пишет Эдемовой, что могла бы устроиться учительницей в городе, но решила учительствовать на селе. Там, поясняет она свой выбор, ты ближе живешь с крестьянскими детьми — своими учениками «и потому можешь не ограничивать твои отношения к ним только уроками, да и, наконец, ты можешь влиять даже на их семейную обстановку, в городе же это почти невозможно...»

Найденная переписка ценна еще и тем, что она добавляет несколько новых штрихов к биографии сестры Л. Веретенниковой Анны Ивановны, ставшей одной из первых в России женщиной-врачом, и отражает отношение их автора к вопросу об эмансипации женщин.

В начале 70-х годов Анна Веретенникова, овладевшая стенографией — одной из первых в Поволжье — была принята в Казанский окружной суд официальным стенографом. Отчеты о наиболее важных судебных процессах в записи Анны Ивановны публиковались на страницах казанских газет, и, конечно, в более полном виде подробности таких дел сообщались ею своим родственникам, в том числе и Ульяновым. О том, как смотрели близкие на деятельность Анны в суде, видно из следующих строчек письма Любови Ивановны к Эдемовой. Анна, пишет она, из стенографисток суда, «чего доброго, пожалуй, махнет в адвокаты, в прокуроры, а там глядишь и в председатели окружного суда. А ведь и впрямь, не дурно было бы, как бы наших женщин допускали на эти должности, да едва ли этого дождешься, наш прогресс таких скачков не делает, а предпочитает себе медленно спешить...»

Сама Л. Веретенникова тоже настойчиво стремилась к общественной деятельности. Готовя себя к учительству на селе, она в то же время работает телеграфисткой, много занимает-

[1] ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, д. 1599, л. 1 об.

ся самообразованием. В письмах к Эдемовой, уже работавшей учительницей в Симбирской губернии, Люба подробно расспрашивает ее о методах обучения, об отношении крестьян и их детей к школе и т. п.

Переписка Л. Веретенниковой с Эдемовой содержит и другие неизвестные сведения из жизни Ульяновых. Так, одно из писем повествует о смерти третьего ребенка Ульяновых — Ольги, родившейся в 1868 году. 18 июля 1869 года она сообщает Эдемовой: «...Нынешнее лето мне пришлось испытывать тяжелые впечатления. У Ильи Николаевича и тети Маши умерла на днях их меньшая дочь Оля... Болезнь и смерть Оли как будто с корнем истребили в Кокушкино веселость и наложили какую-то тяжесть на всех его обитателей. Я была свидетельницею последних страданий Оли и ревела как сумасшедшая, да и всем невыносимо жаль этого милого ребенка. Невозможно смотреть хладнокровно на то, как убивается тетя о потере своей крошки. Илья Николаевич мужчина, а так плакал» [1].

В письмах Л. Веретенниковой указан адрес дома (Александрова — в Собачьем переулке), где жила ее семья и, следовательно, останавливались Ульяновы в Казани. В одном из писем она сообщает Эдемовой о том, что приобрела две фотокарточки В. А. Ауновского — одного из ближайших друзей родителей В. И. Ленина (к сожалению, его портрет до сих пор не обнаружен).

...Историки-исследователи часто пользуются так называемой теорией «третьих лиц». Она в данном случае помогла нам узнать несколько новых штрихов из жизни Ульяновых в Поволжье.

«ДЕВУШКА ИЗ ЗНАКОМОЙ СЕМЬИ...»

Письма Л. И. Веретенниковой дали толчок другому поиску. Я не раз пытался уяснить причины удрученного состояния Марии Александровны в первые месяцы ее пребывания в Симбирске. Теперь же было ясно, что она все еще переживала смерть годовалой Оленьки. Были, правда, и другие обстоятельства, о которых рассказала в своих воспоминаниях Анна Ильинична.

---

[1] ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, д. 1599, л. 42.

«Чуждый, глухой, захолустный городок после оживленного Нижнего Новгорода, менее культурные жилищные и другие условия, а главное, полное одиночество — особенно при частых разъездах отца — очень тягостно ощущались матерью, и она рассказывала о том, что первые годы жизни в Симбирске сильно тосковала. Чуть не единственной знакомой ее тогда была акушерка Ильина, жившая в том же доме и принимавшая всех меньших. Помню, как радовалась мать приездам из деревни одной учительницы, молодой девушки из знакомой семьи»[1] (разрядка моя.— **Ж. Т.**).

М. Шагинян удалось собрать некоторые сведения об Анне Дмитриевне Ильиной и создать ее словесный портрет[2]. Архивные документы позволили мне уточнить такие данные из биографии А. Д. Ильиной, как место ее учебы (Казанский повивальный институт), даты ее жизни (1830—1895), состав ее симбирских родственников, являвшихся также знакомыми Ульяновых, дома, в которых она проживала в Симбирске в последующие годы.

Если поиски документов, в частности фотографии Ильиной, несмотря на известные трудности, обусловленные давностью лет, могут вестись более или менее целеустремленно, так как нам известны ее год рождения, профессия и домашний адрес, то найти какие-либо сведения о сельской учительнице, «девушке из знакомой семьи», приездам которой так радовалась мать Ленина, значительно сложнее.

Сельских учительниц в начале 70-х годов в Симбирской губернии было всего немногим более 20. Составить их список, используя архивные документы, за какой-нибудь период не представляло больших трудностей, но каждый год контингент учительниц все же изменялся, и это не могло не усложнить поиск. Но главное опять-таки было не в этом. Как же установить фамилию девушки, если она не названа ни в одном из опубликованных воспоминаний родных Ильича? Может быть, она имеется в неопубликованных вариантах воспоминаний, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма? Но просмотр картотеки лиц, упоминающихся в рукописях членов семьи Ульяновых, показал, что Анна Ильинична нигде не раскрывает фамилии знакомой Марии Александровны.

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 45—46.
[2] См.: «Неделя», 1964, № 4, с. 5.

Работая как-то над фондами Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина, я решил вновь просмотреть записи, которые вела научный сотрудник А. Г. Медведева в первые годы работы музея. Анна Григорьевна была очень пытливым человеком, интересовалась мельчайшими деталями жизни Ульяновых в Симбирске. Во время приезда родных Ильича в Ульяновск она задавала им многочисленные вопросы и со стенографической точностью записывала ответы в специальной тетради.

В ходе одной из таких бесед с Анной Ильиничной в 1929 году А. Г. Медведева затронула вопрос о знакомых, посещавших Ульяновых в домашней обстановке. Отвечая на него, Анна Ильинична в числе первых назвала следующих лиц: «Романовская — народная учительница. Кашкадамова — народная учительница». Далее она перечислила почти всех инспекторов народных училищ — помощников Ильи Николаевича, некоторых преподавателей гимназии [1].

Романовская... Почему Анна Ильинична назвала ее первой, раньше, чем даже Веру Васильевну Кашкадамову? Может быть, это и есть та учительница, приездам которой так радовалась Мария Александровна? Вновь в областном архиве просматриваются отчеты дирекции народных училищ. На этот раз нужны сведения только об одном человеке. В селе Безводовке Сенгилеевского уезда — указывалось в одном из документов — учительницей «состоит С. С. Романовская, получившая домашнее образование. Она имеет свидетельство на звание сельской учительницы, была раз на учительском съезде (в Симбирске в 1874 году. — Ж. Т.)». В отчете за 1875 год в числе учителей Симбирской губернии, обращающих «на себя внимание особенным усердием», была названа «учительница Софья Романовская».

Анализ документов за последующие годы показал, что Романовская более в Симбирской губернии не работала. Не удалось найти и других сведений, которые позволили бы считать, что именно она является одной из первых и близких знакомых Марии Александровны.

...Прошло несколько месяцев. Поиск материалов о семье Ульяновых и их окружении на этот раз происходил в Ленинграде. Здесь могли еще сохраниться фотографии инспекторов народных училищ, работавших под руководством И. Н. Уль-

[1] Фонды Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина, папка № 1, л. 85.

янова в Симбирской губернии, а также документы о его ближайших друзьях, педагогах-демократах В. А. Ауновском и В. И. Захарове.

В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина посчастливилось натолкнуться на 25 писем В. И. Захарова и его жены, написанных в конце XIX — начале XX века. Среди массы интереснейших сведений, содержащихся в этих письмах, неожиданно оказались и те, которые относились к Романовским. Так, в одном из них В. И. Захаров сообщал своему бывшему ученику, что Андрей Романовский, их общий знакомый, работает в Симбирске. Уточнить отчество любого чиновника, зная его должность, можно по «Календарям» и «Памятным книжкам», издававшимся в Симбирской губернии. Но, к сожалению, именно в интересовавшие нас годы такие справочники не выходили. Пришлось обратиться к архивам. В одном из дел нашлись краткие сведения о секретаре Курмышского съезда мировых судей Андрее Сергеевиче Романовском. Из них стало известно, что он был назначен на эту должность в 1871 году, сразу после окончания Московского университета. В 1873—1876 годах А. С. Романовский работал в судебных учреждениях города Симбирска. В личном деле Романовского не имелось данных о его родителях. Но инициалы: А. С. и С. С. (Романовские) — может быть, брат и сестра? Но, как ни заманчива была эта гипотеза, ее надо проверять.

Все дальнейшие поиски документов о Романовских в госархиве Ульяновской области оказались безуспешными. Не удалось найти материалов, подтверждающих предположение о родстве Андрея и Софьи Романовских. Но именно в это время родилась, а затем и укрепилась мысль, что истоки знакомства Ульяновых с Романовскими надо искать по другим архивам, содержащим документы о других периодах жизни. Поездка в Горький, где жили Ульяновы в 1863—1869 годах, показала, что в пореформенные годы Романовские там не проживали. Следовательно, надо искать материалы об этих знакомых по пензенскому и астраханскому архивам.

И вот, уже в читальном зале Пензенского областного государственного архива, выписываю дела дирекции училищ. В одном из них, датированном 1862 годом, оказались формулярные списки всех педагогов мужской гимназии и среди них — коллежского советника Сергея Ивановича Романовского.

Биографические сведения о нем были по-казенному краткими, но очень важными. Оказалось, что Сергей Иванович по окончании в 1838 году Главного педагогического института был назначен старшим учителем истории и статистики в Астраханскую гимназию, где работал до 1844 года. Если учесть, что с 1843 года в этой гимназии учился 12-летний Илья Ульянов, то, возможно, здесь и произошло, хотя и беглое, знакомство между ними.

Как известно, Илья Николаевич после окончания Казанского университета в течение восьми лет работал преподавателем физики и математики в Пензенском дворянском институте. В этом же институте, а затем в Пензенской гимназии работал учителем, а потом и инспектором С. И. Романовский. Несомненно, что И. Н. Ульянов встречался с Сергеем Ивановичем на годичных экзаменах, заседаниях педагогических советов, торжественных выпускных актах и других мероприятиях.

Но формулярный список Романовского позволяет утверждать, что Илья Николаевич встречался с ним и в домашней обстановке. Дело в том, что у Романовского помимо шести сыновей были две дочери. На 20-летней Ольге в 1862 году женился самый близкий друг Ильи Николаевича учитель словесности Владимир Иванович Захаров, с которым он до этого жил на одной квартире. Другой дочери Романовского — Софье — в это время было 15 лет. Но, видимо, эта девушка, несмотря на свою молодость, произвела такое приятное впечатление на приехавшую в конце 1861 года в Пензу к сестре Марию Александровну, что она тепло принимала ее в своей симбирской квартире и через десять лет.

Софья Сергеевна Романовская была, очевидно, незаурядной личностью, с передовыми для своего времени взглядами. Об этом свидетельствуют как сам факт ее работы в глухом селе, находившемся вдалеке от родных мест, так и высокие оценки ее педагогического мастерства, данные дирекцией народных училищ Симбирской губернии. Но самым важным подтверждением ее высоких нравственных качеств является дружеское расположение к ней родителей Ильича и симпатия, с какой вспоминала о ней Анна Ильинична через многие десятилетия.

Итак, расшифрована еще одна страничка из симбирского периода жизни Ульяновых. Мы имеем какое-то представление о сельской учительнице, которую с радостью встречала в сво-

ем доме Мария Александровна в те далекие годы, когда Володе было еще два-три года.

В квартире Ульяновых, возможно, не раз бывал и брат Софьи Романовской — Андрей, работавший в Симбирске, а затем в губернии до начала XX века. Романовские поддерживали тесные связи с передовыми людьми Поволжья, в частности с другом Ильи Николаевича политическим поднадзорным В. И. Захаровым, с инспектором Казанского учебного округа А. В. Тимофеевым, учившим И. Н. Ульянова еще в Астрахани, а затем работавшим с ним в Пензе и Нижнем Новгороде.

Потомки Романовских, Захаровых и Тимофеевых еще живут в Поволжье. Может быть, кто-нибудь из них имеет фотографии или какие-либо другие биографические материалы об этих знакомых Ульяновых?

ВОЛОДЯ «ТАК И ЛЕТЕЛ НА УРОК»

Мария Александровна и Илья Николаевич стояли за раннее обучение детей. «Меня мать начала, играя, учить с 5 лет,— вспоминала Анна Ильинична,— помню наклеенные на картон буквы, из которых я составляла слова; брат (Александр. — **Ж. Т.**) выучился подле меня самостоятельно, и отец рассказывал потом, как он — четырехлетний — раскладывал на полу газету и читал, лежа на ней» [1].

Когда подросла вторая пара детей, Мария Александровна, опять-таки очень непринужденно, занимается с ними. «Читать Володя, — по словам Анны Ильиничны, — выучился у матери лет пяти. И он, и сестра Оля очень полюбили чтение и охотно читали детские книги и журналы, которые в изобилии получал наш отец. Стали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивали наизусть стихи» [2].

Дошкольниками дети Ульяновых учились музыке, пению, иностранным языкам, началам арифметики и географии. Однако для поступления в первый класс классической гимназии требовалась сдача вступительных экзаменов по довольно

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 37.

[2] А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М., 1974, с. 5.

сложной и обширной программе, овладение которой происходило в приготовительном классе гимназии.

Такую подготовку прошел и Александр Ильич. Когда же наступил черед младшего брата, то он, познав на собственном опыте мучительность казарменных нравов гимназии для малышей, решительно заявил, что «не следует отдавать Володю в приготовительный класс, а надо подготовить его к первому» [1]. Родители прислушались к голосу старшего сына, и Володю готовили две зимы народные учителя.

Зимой 1877/78 года занятия вел Василий Андреевич Калашников. Через два месяца его сменил Иван Николаевич Николаев. Имена этих прекрасных педагогов своего времени навсегда вошли в историю народной школы, руководимой И. Н. Ульяновым. Сравнительно полно освещен их жизненный путь в литературе [2].

Иначе обстоит дело с учительницей, которая завершала подготовку Володи к поступлению в гимназию. В известных воспоминаниях Анны Ильиничны о детских и школьных годах брата указывается, что она работала в городском училище, самом близком от дома Ульяновых на Московской улице. «Учительница считалась очень хорошей преподавательницей. К ней Володя бегал на часок, редко на два в день или до уроков, с восьми до девяти часов, или в свободные для учительницы часы, обыкновенно от девяти до десяти, когда в школе происходили уроки закона божия, рукоделия или рисования. Чрезвычайно проворный с детства, он так и летел на урок» [3].

Каждая фраза в этом отрывке волнует, ибо зримо показывает огромную тягу к знаниям восьмилетнего мальчика. Он буквально ловит момент и без напоминаний «летит на урок» к завоевавшей его доверие учительнице.

А что она представляла собою как человек? Как выглядела? Какими были наиболее симпатичные черты ее характера? В какой школе она преподавала? В литературе о молодом Ленине нашлось лишь одно пояснение: этой учительницей была В. П. Прушакевич [4].

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 56.

[2] См. очерк М. Шагинян «О первом учителе детей Ульяновых».

[3] А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М., 1974, с. 9.

[4] А. Иванский. Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. М., Политиздат, 1964, с. 76.

Надежда на то, что в фонде дирекции народных училищ Симбирской губернии может оказаться ее личное дело, довольно быстро рухнула: в описях таковое не значилось. Пришлось обратиться к многочисленным донесениям, отчетам и обозрениям о народных училищах за последнюю треть XIX века. В одном из них оказались желанные строчки.

«Второй класс Симбирского женского двухклассного училища, — указывалось в отчете за 1882 год, — ведет учительница Вера Павловна Прушакевич, урожденная Ушакова, 26 лет, окончившая курс в Симбирской женской гимназии в 1874 году и работающая в этом училище с 15 сентября 1875 года». Рукой И. Н. Ульянова на полях листа сделана пометка: «Замужняя».

Теперь вести поиск стало несравненно легче. Из дел Мариинской женской гимназии, в которую, кстати, в год выпуска В. П. Ушаковой, поступила Аня Ульянова, выяснилось, что Вера Павловна все семь лет учебы шла отличницей и на выпускных экзаменах только она одна получила высшую оценку («12») по всем предметам, за что и была награждена золотой медалью.

Примечательны и такие детали: Ушакова в последних классах училась вместе с Верой Васильевной Кашкадамовой — будущим близким другом семьи Ульяновых. По окончании курса Ушакова первой заявила руководству гимназии о своем желании работать сельской учительницей.

Это назначение подписал И. Н. Ульянов. Он же пристально наблюдал за первыми самостоятельными шагами 19-летней девушки и уже в отчете за 1875 год отмечал: «Учительница Ушакова, несмотря на то что первый год состоит на службе, настолько ознакомилась с лучшими современными методами преподавания предметов начальной школы, что по справедливости может быть названа одною из лучших учительниц».

Очень благожелателен отзыв Ильи Николаевича о ее работе в 1878 году, когда Вера Павловна начала занятия с его сыном Володей: «Из учителей и учительниц, — писал он в очередном отчете, — обращает на себя внимание особым усердием и знанием дела в г. Симбирске Вера Прушакевич».

С помощью учительниц-пенсионерок В. П. Бородиной, М. И. Герасимовой и Е. С. Жмакиной удалось разыскать групповую фотографию, на которой были запечатлены В. П. Прушакевич, В. В. Кашкадамова и другие деятели народного образования Симбирска конца 90-х годов. Ветераны припомни-

ли немало интересного из жизни популярных в городе преподавательниц-«ульяновок», у которых им в свое время посчастливилось учиться.

В те августовские дни 1966 года, когда готовилась публикация о первых учителях Володи Ульянова[1], я познакомился с племянником Веры Павловны Прушакевич — Валентином Владимировичем Ивановским. Это был человек необычайной судьбы. В январе 1903 года за «пропаганду» исключен из восьмого класса Пензенской гимназии. Сидел за антиправительственную деятельность в тюрьмах Кишинева, Киева, Тулы, Сызрани.

Отсутствие свидетельства о «политической благонадежности» закрыло ему доступ в русский университет. Учился в Парижском (точнее, в Сорбонне, на химическом факультете), а позже и в Петербургском (на филологическом факультете) университетах. Окончил — с помощью знаменитого В. Р. Вильямса — агрономический факультет Московской Петровской сельскохозяйственной академии.

В разносторонности его познаний и интересов я убедился во время встреч с Валентином Владимировичем. Каждый номер «Юманите» он прочитывает полностью. Все краеведческие статьи и заметки хранит в специальных папках. Собирает почти одновременно материалы об А. И. Воейкове и архитектурных памятниках Суздаля. Пишет шутливые стихи и дотошно расспрашивает жену Надежду Федоровну об очередном дежурстве в детской комнате милиции.

Валентин Владимирович до нашего знакомства не знал, что его тетя готовила Володю Ульянова к поступлению в гимназию. Теперь же, мобилизовав свою память, он энергично принялся помогать в поиске. Написала воспоминания и его сестра — Вера Владимировна Солодова, учившаяся в 1899—1900 годах у В. П. Ушаковой-Прушакевич. Вот некоторые штрихи из того, что рассказали они о своей тете. Вера Павловна происходила из старинного дворянского рода, давшего России знаменитого флотоводца Ф. Ф. Ушакова. Однако ее отец был бедным дворянином. К тому же Вера Павловна рано осталась сиротой. Только с помощью родственников сумела окончить Симбирскую женскую гимназию.

Работая учительницей, она преподавала помимо общеобразовательных предметов немецкий и французский языки, музы-

---

[1] Ж. Трофимов. Первые учителя Володи Ульянова.— «Ульяновская правда», 1966, 14 августа.

ку и пение. Очень любила театр и руководила самодеятельностью в своей школе. В последние годы жизни лишилась правого глаза. Детей не имела. Брак с чиновником М. Л. Прушакевичем — любителем выпить и поволочиться за актрисами — был неудачен. Воспитанная в духе лучших идей «Современника» и «Отечественных записок», Вера Павловна до последнего дня своей жизни (скончалась она в ноябре 1902 года, на 46 году) сеяла вечное, доброе и разумное в женских народных школах Симбирска.

У сестры В. В. Ивановского сохранилось несколько фотокарточек Веры Павловны и среди них, к счастью, портрет 1878 года, то есть той поры, когда 22-летняя учительница готовила к экзаменам в первый класс гимназии самого одаренного из своих многочисленных питомцев.

Порадовали нас и сотрудники Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В ответ на запрос о В. П. Прушакевич они прислали фотокопию отрывка неопубликованного варианта известных воспоминаний А. И. Ульяновой «Детские и школьные годы Ильича». Особую ценность здесь представляли указания, что женское училище, где преподавала и жила Вера Павловна, «находилось совсем близко от нашего дома, на Панской улице». Володя, по словам Анны Ильиничны, «приходил ежедневно» заниматься «на квартиру учительницы». «Проворный и живой, — продолжает она, — Володя бежал обычно бегом на урок. Помню, как мать сказала в одно свежее осеннее утро:

— Убежал Володя в ситцевой рубашке! Хотела ему надеть что-нибудь сверху, да не успела обернуться, а его уже и нет: я к окну, чтобы позвать его, а он уже за угол заворачивает...» [1]

Панская улица теперь носит имя Энгельса. Начинается она в каких-нибудь сотне метров от Дома-музея В. И. Ленина. Я тоже «повернул» за угол, с тем чтобы определить, в каком именно из одноэтажных домов находилась почти 90 лет назад первая школа Володи Ульянова. В этом поиске помогли отчеты Ильи Николаевича. В них неоднократно указывалось, что первое женское приходское училище размещается в зданиях, принадлежащих симбирской городской управе.

---

[1] Ж. Трофимов. Добрые наставники. Новые документы о первых учителях Володи Ульянова. — «Ульяновская правда», 1966, 18 октября.

Документы подтвердили правильность этих указаний и позволили найти на местности оба дома, переоборудованных под жилье.

Небезынтересной оказалась история этого училища. В своем отчете за 1870 год Илья Николаевич отметил, что число учащихся в начальных народных школах по отношению к населению Симбирской губернии выражается как 1 : 111. Обращая внимание общественности на столь безотрадную картину, инспектор народных училищ губернии подчеркнул, что за этим средним показателем кроется еще более печальный факт: девочек обучается в школах «с лишком в 5 раз» меньше, чем мальчиков.

Полтора года понадобилось И. Н. Ульянову убеждать симбирскую городскую думу в необходимости открыть первое в городе женское одноклассное училище, «где за обучение грамоте и рукоделию не будет взиматься никакой платы» [1].

5 апреля 1871 года Илья Николаевич открыл это училище в зданиях, где раньше размещалась больница удельного ведомства. Правда, потребовалось и позже производить перепланировку и ремонт, пока в отчете за 1875 год не было отмечено, что «училище это помещается в собственном, деревянном одноэтажном доме... Классная комната хороша во всех отношениях: просторна, светла, суха, тепла и чиста. Часть комнаты отделена перегородкой для раздевания девиц. Учительница (В. П. Ушакова-Прушакевич. — *Ж. Т.*) и надзирательница помещаются во флигеле, квартиры их хороши. При училище есть двор с надворным строением».

Осенью 1879 года сбылось давнее желание И. Н. Ульянова о преобразовании училища из одноклассного в двухклассное (с пятилетним сроком обучения). Теперь девочки-выпускницы, происходившие в большинстве своем из бедных семей, могли, минуя младшие классы женской гимназии, поступать сразу в четвертый. Это избавляло их родителей от трехгодичной высокой платы за право учения в гимназии и ношения форменной одежды, покупка которой для многих была не по карману.

Преподавательницей младшего класса Илья Николаевич назначил приехавшую из Казани племянницу своей жены Екатерину Ивановну Веретенникову. Все предметы во втором классе были поручены В. П. Прушакевич.

---

[1] ГАУО, ф. 114, оп. 1, д. 208, л. 40.

Впоследствии выяснилось, что два года в этом училище занималась — и окончила его — Ольга Ульянова. Наконец, Мария Александровна некоторое время являлась, если не официальной, то фактической попечительницей этого женского училища.

Итак, с двумя старыми, невзрачными на вид деревянными одноэтажными домами, оказывается, многое было связано у половины состава семьи Ульяновых.

По генеральному плану реконструкции города к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина вся часть бывшей Панской улицы, прилегающая к Овражному переулку, подлежала сносу. Теперь же, учитывая историческую ценность зданий бывшего женского училища, их решено реставрировать и сохранить навечно.

5 апреля 1971 года — в сотую годовщину того дня, когда И. Н. Ульянов открыл здесь училище, на доме № 4 по улице Энгельса была установлена памятная доска. Через три года дома № 4 и 4а решением Совета Министров РСФСР были объявлены памятниками государственного значения.

Длительная, более чем вековая, эксплуатация зданий, неоднократные ремонты и внутренняя перепланировка привели к тому, что их первоначальный вид несколько изменился.

Однако, как это установлено инженером-строителем и архитектором Б. В. Аржанцевым, «основные деревянные строительные конструкции зданий хорошо сохранились и не заменялись с прошлого века, с момента открытия в них 1-го женского приходского училища».

Имеющийся в областном госархиве план и описания училища второй половины 80-х годов позволяют произвести его научно обоснованную реконструкцию. Проектировщики уже приступили к этой работе [1]. Краеведы скрупулезно, по крупицам собирают материалы для будущего интерьера учебной и жилых комнат.

В бывшем училищном доме, имевшем всего одну классную комнату, предполагается создание музея народных училищ Симбирской губернии — единственного музея по истории народного образования пореформенной России. Обстановка и оборудование народной школы тогда были недорогими: простые столы и скамьи, две классные доски, керосиновые лампы, географические карты, глобус, счеты, кубики

[1] «Вечерняя Москва», 1976, 26 июля.

с азбукой, грифельные доски, учебники, самодельные чучела птиц и животных, гербарии.

Трудно переоценить то воспитательное значение, которое окажет этот своеобразный памятник народного образования на подрастающее поколение. Он наглядно расскажет о том огромном прогрессе, который произошел в нашей стране за годы Советской власти. Наши дети учатся в школах-дворцах, а городская беднота Симбирска и дети директора народных училищ губернии начинали овладевать знаниями вот в такой, типичной для того времени народной школе. Сколько светлых чувств возникнет у экскурсантов, когда они побывают и в скромной квартире народной учительницы В. П. Ушаковой-Прушакевич, куда так и летел на урок восьми-девятилетний Володя Ульянов.

КТО ОНИ, ПОМОЩНИКИ ИЛЬИ НИКОЛАЕВИЧА?

Снимок, на котором Илья Николаевич Ульянов запечатлен в окружении скромно одетых интеллигентного вида людей, давно и широко известен по публикациям в печати. В аннотации обычно указывалось, что директор народных училищ находится среди своих ближайших помощников — районных инспекторов. Однако в начале 60-х годов некоторые исследователи высказали предположение, что на этой групповой фотографии имеются и преподаватели народных школ Симбирска [1].

С кем же все-таки сфотографировался Илья Николаевич? Когда и по какому случаю? Если с инспекторами, то с кем именно? Выяснение этих вопросов затруднялось тем, что состав инспекции народных училищ Симбирской губернии на протяжении 1874—1886 годов, то есть с момента появления у Ильи Николаевича первых помощников и до его кончины, неоднократно менялся. Вначале их было двое, с 1878 года — пятеро, а всего — десять человек.

Сравнение внешнего облика И. Н. Ульянова с известными его фотопортретами симбирской поры говорило за то, что групповая фотография была сделана в начале 80-х годов.

---

[1] См.: М. Маковеев. 200 лет они сеяли вечное.— «Красная звезда», 1961, 9 октября; М. Веселина. В поисках ленинских материалов.— «Учительская газета», 1963, 26 января.

Исключив из списка А. А. Александрова и В. Г. Зимницкого, уехавших из Симбирской губернии еще в середине 70-х годов, а также П. А. Смышляева, получившего сюда назначение только в 1885 году, я сузил, таким образом, круг интересующих лиц до семи человек.

Дальнейшее изучение архивных документов показало, что если датой снимка принять 1880 год, то безусловно оставались в списке В. М. Стржалковский, И. В. Ишерский, В. И. Фармаковский, А. А. Красев. Пятым инспектором мог быть С. Я. Предтеченский, если фотографирование происходило до его отъезда в августе месяце, или К. М. Аммосов, если это было позднее, так как именно он сменил Предтеченского.

Если Илья Николаевич фотографировался с инспекторами в 1881 году, то достоверными участниками группы оставались В. М. Стржалковский, И. В. Ишерский, К. М. Аммосов и А. А. Красев. Пятым, опять-таки в зависимости от месяца съемки, мог быть или В. И. Фармаковский, который уехал из Симбирска в начале декабря 1881 года, или И. А. Аристовский, занявший его должность, если снимок сделан позже.

Все попытки найти фотографии инспекторов в государственных архивах долгое время были безрезультатными. Летом 1966 года случай свел меня с учительницей-пенсионеркой Е. С. Жмакиной, 1889 года рождения. Когда ей была показана групповая фотография, она уверенно заявила, что крайний справа в первом ряду — это И. В. Ишерский, с которым она, как с преемником И. Н. Ульянова, встречалась не раз в начале 900-х годов. Однако, кроме Ишерского, она более никого не опознала. И это естественно, ибо все остальные помощники Ильи Николаевича покинули Симбирск в 80—90-х годах или скончались в это время.

Просматривая фонды Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина, я обнаружил на одном из групповых снимков подпись, которая раскрывала фамилию второго инспектора, сидящего слева от И. Н. Ульянова. Им оказался близкий его товарищ еще по учебе в Казанском университете В. М. Стржалковский. Самой трудной для расшифровки оказалась верхняя часть снимка. Госархивы Кирова, Оренбурга и Астрахани, где после Симбирска продолжали свою службу Красев, Фармаковский и Аммосов, в ответ на запросы прислали неутешительные ответы: фотографий в фондах не обнаружено.

Один из старейших краеведов Ульяновска А. И. Ковнер,

поехавший в Киров за сбором материалов об А. А. Красеве, познакомился там с врачом-пенсионеркой О. Н. Асаткиной, отец которой в начале века работал инспектором народных училищ Вятской губернии. Как и в Ульяновске, эксперимент с опознанием фотографии оказался удачным. Асаткина, не раз видевшая Красева в своем доме, заявила, что он — слева в верхнем ряду. Из оставшихся неопознанными двух инспекторов наибольший интерес представляла личность В. И. Фармаковского, ведь Ульяновы поддерживали с ним и его семьей дружеские отношения и после их отъезда из Симбирска. Известно, что Владимиру Игнатьевичу писал Илья Николаевич и что именно ему Мария Александровна сообщила в письме о последних днях жизни мужа. Наконец, Борису Фармаковскому, своему сверстнику и товарищу по гимназии, писал в Оренбург Володя Ульянов [1].

Решение уделить в поисках главное внимание Фармаковским основывалось также и на том, что здесь было больше всего надежды на успех, так как В. И. Фармаковский в начале 900-х годов занимал видный пост в министерстве народного просвещения. Документы могли сохраниться также у его сыновей Бориса и Мстислава — крупных советских ученых [2], а затем поступить в государственные архивы.

В Центральном государственном историческом архиве СССР (Ленинград) действительно оказался огромный личный фонд Фармаковских. В нем сохранились несколько писем И. Н. и М. А. Ульяновых, А. А. Красева, И. В. Ишерского, И. Я. Яковлева и других деятелей народного образования Симбирска 70—80-х годов к В. И. Фармаковскому. Но... нужных фотографий — ни одной.

Поиску помогла справка, поступившая от старшего библиографа библиотеки Академии наук СССР В. П. Ракитиной. В ответ на запрос о судьбе личных документов Фармаковских она сообщила адрес Татьяны Ивановны Фармаковской — жены Бориса Фармаковского! И вот в начале 1967 года Т. И. Фармаковская прислала по моей просьбе фотографию,

---

[1] Об этом свидетельствует, в частности, известное «Письмо тотемами».

[2] Б. В. Фармаковский (1870—1928) — специалист в области классической археологии. С 1921 года и до конца своей жизни являлся ученым секретарем Академии истории материальной культуры. М. В. Фармаковский — теоретик методов реставрации архитектурных памятников, известный советский историк и музеевед.

на которой в 1884 году была запечатлена семья ее мужа. В. И. Фармаковский оказался настолько похож на инспектора, стоящего позади Ильи Николаевича, что его без труда опознает любой человек. Воспользовавшись любезным приглашением Татьяны Ивановны, я вылетел из Ульяновска в Ленинград.

Татьяна Ивановна оказалась очень энергичной женщиной, выглядевшей значительно моложе своих 65 лет и удивительно приятной собеседницей. Член Союза архитекторов СССР, кандидат архитектуры, более двух десятилетий преподававшая в Академии художеств и Институте театра, музыки и кинематографии, она познакомила меня с уникальными документами своего архива. Здесь бережно хранятся десятки писем народной артистки СССР А. Неждановой, партитура оперы «Демон» с дарственной надписью А. Рубинштейна Борису Фармаковскому, многочисленные фотографии видных деятелей культуры.

Самым приятным сюрпризом оказались фотографии инспекторов народных училищ Симбирской губернии. На одной из них рукой Клавдии Арсеньевны, жены В. И. Фармаковского, сделана надпись о том, что это А. А. Красев (крайний слева на интересующем нас групповом снимке), на другой — что здесь запечатлен К. М. Аммосов.

Итак, поиск пришел к благоприятному концу. Теперь мы точно знаем, что И. Н. Ульянов сфотографировался с инспекторами народных училищ и под групповым снимком должна стоять такая подпись: сидят (слева направо) В. М. Стржалковский, И. Н. Ульянов, И. В. Ишерский; стоят (слева направо) А. А. Красев, В. И. Фармаковский, К. М. Аммосов.

Нетрудно теперь определить и дату снимка: это промежуток с июля 1880 до августа 1881 года. В это время под руководством директора народных училищ Симбирской губернии дважды проходили инспекторские съезды, или, как писал И. Н. Ульянов, «небольшие педагогические советы, состоявшие из лиц, ближайшим образом знакомых с народными школами и с направлением в них учебно-воспитательного дела». В конце работы последнего из них — в июле 1881 года — Илья Николаевич и сфотографировался на память со своими помощниками [1].

Нередко беседовал он с ними и в домашней обстановке.

---

[1] Об этом свидетельствует присутствие К. М. Аммосова.

Кроме В. И. Фармаковского, остальные четыре инспектора 15 января 1886 года несли на руках вместе с Владимиром Ульяновым гроб с телом его отца. По вопросам пенсии и получения различных документов Мария Александровна не раз обращалась к В. М. Стржалковскому и И. В. Ишерскому, управлявшим делами дирекции народных училищ губернии.

Интересно, хотя бы в общих чертах, познакомиться с каждым из этих инспекторов народных училищ Симбирской губернии.

Владимир Михайлович Стржалковский стал бывать в доме Ульяновых с августа 1874 года. С Ильей Николаевичем его связывала старая дружба, возникшая еще в студенческую пору. «Назначение Владимира Михайловича на должность инспектора, — писал один из современников, — состоялось после предварительного приглашения и ходатайства об этом только что определенного тогда директором И. Н. Ульянова». Последний нашел в лице В. М. Стржалковского, — продолжал мемуарист, — «истинного и полезнейшего себе помощника, на которого не только с полной уверенностью можно положиться во всяком деле, но и всегда встретить разумный, просвещенный, честный и умудренный долговременным жизненным опытом совет. Будучи горячо предан интересам народного образования, чуждый внешней, так сказать, напускной представительности, он трудился до самопожертвования, почти все учебное время проводя в школах, вне семьи и вникая решительно во всякую мелочь» [1].

Советовался Илья Николаевич со своим преданным соратником и в последний день жизни, 12 января 1886 года, когда они в домашнем кабинете работали над годичным отчетом о состоянии народного образования в Симбирской губернии. Трудились до обеда, а около 17 часов сердце директора народных училищ перестало биться.

Владимир Михайлович только два месяца продолжал дело своего руководителя и друга. При очередном объезде начальных училищ он заболел воспалением легких и вскоре скончался, тоже в возрасте 54 лет. Ульяновы и Стржалковские дружили семьями. Добрые отношения между ними сохранились и после кончины глав семейств.

---

[1] «Циркуляр по Казанскому учебному округу». Казань, 1886, № 3, с. 183—184.

Высокообразованным и передовым человеком своего времени был Владимир Игнатьевич Фармаковский. Работая в Вятке, сначала преподавателем истории и русской словесности, а затем мировым судьей, он активно участвовал в общественной жизни этого города. О принципиальности этого человека можно судить по отрывку из рапорта вятского губернатора министру внутренних дел: «Фармаковский отобрал у монахинь Вятского монастыря кружку для сбора пожертвований, разрешенную им местным епископом, оштрафовал игуменью монастыря и, кроме того, в камеру мирового судьи два раза вызывал вятского вице-губернатора, управлявшего в то время губернией, и заставил его, как свидетеля по делу, давать показания, стоя перед мировым судьей».

Обвинения властей в принадлежности к кружку, девиз которого «Все, что от правительства или от дворянства, осуждать», и последовавшие гонения вынудили Владимира Игнатьевича оставить должность судьи. Он с радостью согласился занять открывшуюся вакансию — место инспектора народных училищ Симбирской губернии. В одном из первых писем из Симбирска, датированном 17 апреля 1877 года, он сообщает жене, находившейся еще в Вятке, что видится «почти каждый день» с И. Н. Ульяновым, В. М. Стржалковским, И. Я. Яковлевым, которые «делают все, чтобы усладить мое одиночество. Вообще, — продолжал делиться своими впечатлениями В. И. Фармаковский, — товарищество как нельзя более соответствует моему вкусу. Нравы здесь проще и цивилизованнее, чем в Вятке». В другом письме к жене он заявил, что «директор Ульянов — милейшая личность» [1].

В свою очередь, Илья Николаевич высоко ценил В. И. Фармаковского как организатора школьного дела и автора интересных педагогических трудов («Школьная диэтика», «Управление детьми» и других). В конце 1881 года не без помощи И. Н. Ульянова Владимир Игнатьевич был назначен директором народных училищ Оренбургской губернии. С 1885 года он занимал такую же должность в Одессе. Там семья Фармаковских помогла Антонине Васильевне Неждановой получить музыкальное образование. Знаменитая актриса вспоминала впоследствии: «Самой близкой для меня была в высшей степени культурная, образованная семья директора народных училищ Владимира Игнатьевича Фармаковского...

[1] ЦГИА СССР, ф. 1073, оп. 1, д. 109, л. 42, 44.

4 Заказ 231

Эти прекрасные люди в моей жизни играли большую роль, прививая мне глубокие, серьезные взгляды на жизнь, на отношение к людям. Я им обязана многим. Вся жизнь Фармаковских была служением высоким идеям и народу» [1].

Полагаясь на мнение В. И. Фармаковского, И. Н. Ульянов пригласил из Вятки на должности инспекторов народных училищ Александра Алексеевича Красева и Константина Михайловича Аммосова. Выбор оказался удачным: эти инспекторы с успехом выполняли все указания директора народных училищ даже в трудные годы реакции 80-х годов. Так, А. А. Красев в 1885 году провел тщательное обследование в Карсунском уезде и убедительно показал преимущества земских школ перед другими, в частности перед церковноприходскими [2].

Прекрасным педагогом и обаятельным человеком оказался и К. М. Аммосов. Он тоже вырос до директора народных училищ губернии (Астраханской, где сейчас живет его внучка). Свое преклонение перед Ильей Николаевичем он выразил в некрологе «Илья Николаевич Ульянов», опубликованном в «Симбирских губернских ведомостях» 25 января 1886 года.

Скорбел о преждевременной кончине своего начальника и Иван Владимирович Ишерский, ставший в 1886 году директором народных училищ Симбирской губернии. В свое время Илья Николаевич защищал этого инспектора от нападок духовенства. Но в конце концов И. В. Ишерский капитулировал и превратился в послушного проводника правительственного курса усиления «религиозно-нравственного элемента» в народных школах Симбирской губернии [3].

...Во время работы над расшифровкой групповой фотографии я собирал материалы о всех инспекторах, работавших с И. Н. Ульяновым. Особое внимание привлек Василий Григорьевич Зимницкий — именно его Анна Ильинична отметила в своих воспоминаниях как одного из близких знакомых ее родных. В 1875 году по рекомендации И. Н. Ульянова этот талантливый педагог был назначен директором Вольской учительской семинарии. Здесь на протяжении нескольких де-

---

[1] А. В. Нежданова. Материалы и исследования. М., 1967, с. 32.

[2] См.: «Русская мысль», 1887, № 1, с. 49—72.

[3] См.: Ж. Трофимов. Приказ о скорой отставке. — «Наука и религия», 1976, № 4, с. 6—9.

сятилетий и протекала его педагогическая и общественная деятельность.

Как только в вольской газете «Цемент» было опубликовано мое обращение к краеведам, стали поступать письма и воспоминания об этом незаурядном человеке, авторе книг по педагогике. Стараниями вольских историков А. Г. Чулкова и А. И. Зубкова была найдена и фотография В. Г. Зимницкого.

ПОМОГАЯ СЛАВЯНСКИМ БРАТЬЯМ

На протяжении XVIII — XIX веков России пришлось вести против Османской империи десять войн. Особенно важной по своим последствиям для судеб многих стран имела война 1877—1878 годов, происходившая в условиях мощного подъема национально-освободительной борьбы южных славян и невиданного в России общественного движения в их поддержку.

А что знали о войне в далеком от Балкан Симбирске? В чем конкретно выразился вклад симбирян в освобождение Болгарии и приобретение полной независимости Румынией, Сербией и Черногорией? И, наконец, чем вызвано появление в «Формулярном о службе списке» (личном деле) директора народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянова записи: «На основании постановления Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах 9 октября 1879 г. получил Высочайше установленный 13 марта 1879 г. знак Красного Креста»? [1]

Копию с этого «Формуляра» представляли в 1883 году Александр и Анна при поступлении в Петербургский университет и на Бестужевские курсы. Внимательно вчитывались в этот документ в 1886—1887 годах Мария Александровна и Владимир — без представления заверенных с него копий нельзя было оформить пенсию за Илью Николаевича или поступить в число студентов Казанского университета. В семье хранился и сам знак, состоявший из «Красного Креста» в круглом ободе, изображающем ленту с надписью по сторонам «1877—1878» и с выступающими внизу концами, а над ним — серебряная императорская корона. В торжественных случаях

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 21, л. 10 об.

Илья Николаевич носил эту награду рядом с бронзовой медалью «В память войны 1853—1856 гг.» — на левой стороне груди.

К сожалению, в воспоминаниях членов семьи Ульяновых и их современников ничего не говорится об общественной деятельности Ильи Николаевича в годы русско-турецкой войны. И теперь, 100 лет спустя, только по архивным документам и периодической печати того времени можно хотя бы в общих чертах выяснить эту сторону в жизни выдающегося педагога-просветителя и представить, в какой мере Ульяновы, живя в Симбирске, могли знать о борьбе своих соотечественников за освобождение славян от пятивекового ига.

Определенное представление о том, как реагировали симбиряне на выступление летом 1876 года Сербии и Черногории против Турции, дает донесение, направленное в Петербург начальником губернского жандармского управления. «В августе месяце симбирское общество как-то с большим сочувствием отнеслось к делу славян Балканского полуострова, видя из газет, как льются денежные и разные пожертвования в пользу славян. В Симбирске тоже стали устраивать разные подписки, театральные представления и т. п. Симбирское купечество, сколько мне кажется, как-то теплее относится к бедственному положению угнетенных; в народе же слышится положительная ненависть к туркам за их варварства. Одни из отставных офицеров и многие из нижних чинов отправились в Сербию в качестве добровольцев, с полным воодушевлением быть полезными на войне. В настоящее время только и слышатся толки о войне, все ожидают с нетерпением газет и, смотря по известиям с театра войны, или радуются или печалятся.

В обществе часто говорят: почему до сего времени Россия не объявит войны Турции, ввиду жестокостей турок. Одним словом, такому воодушевлению и симпатии славянам, как в настоящее время во всех слоях общества, — надо удивляться» [1].

А вот что писал 29 августа жене В. Н. Назарьев, проживавший в 1875—1876 годах со своей семьей вместе с Ульяновыми в доме В. П. Костеркина на Московской улице (ныне Ленина, № 74). В этот день на симбирской пристани «собра-

[1] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х томах. Т. 1, М., 1961, с. 371.

лась толпа народа, провожающая волонтеров, тут были и дамы, и члены Общества Красного Креста, и хор музыкантов. В числе волонтеров было 9 старых солдат, бывавших в сражениях, и 3 мещанина, старшему из которых было 20 лет, поехавших в Сербию на свой счет».

В. Н. Назарьев, отправлявшийся на лечение в Москву на одном пароходе с симбирскими волонтерами, провел в их пользу сбор пожертвований. Пассажиры кают первого класса давали по два-три рубля, но как-то без особого воодушевления. «Спустился я во второй класс, — продолжал свой рассказ Назарьев. — Тут прием был радушнее, и в мою шляпу посыпались серебряные монеты; затем я пошел по палубе, где один на другом помещался простой народ. Тут меня охватило другое чувство и невольным образом дрогнуло сердце, когда мужики, крестясь и шепча молитву, полезли за своими грошами. Я набрал массу медных денег и едва двигался под их тяжестью» [1].

В Москве В. Н. Назарьев доставил волонтеров в Славянский комитет, «где председательствует известный патриот писатель Аксаков. Комитет изображал в этот день страшный водоворот, а сам Аксаков походил на капитана погибающего корабля. Все завалено массою посылок в Сербию, ежеминутный прилив дам с кружками для сбора в пользу сербов, бледных девиц, желающих поехать на войну в качестве сестер милосердия и, наконец, массы жен и матерей, с плачем и рыданиями требовавших новостей о своих мужьях и сыновьях, уехавших на войну». Заканчивая свое повествование, В. Н. Назарьев признался жене, что сам чуть было не отправился на Балканы вместе с симбирскими волонтерами. А по возвращении домой при встрече со знакомыми тут же начинал разговор о борьбе славян. Известный критик П. В. Анненков даже иронизировал по поводу этой, по его мнению, чересчур горячей увлеченности. Он писал, в частности редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу, о Назарьеве: «Как бы вы знали, что он говорит о призвании мирового судьи, о сельских школах, о мужике только и помышляющем об освобождении своего брата Серба и Болгара».

Но таких — искренних энтузиастов — в Симбирске было немало, и по их почину осенью 1876 года создается местное

---

[1] Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 353, оп. 1, д. 7, л. 3.

управление Общества попечения о раненых и больных воинах (переименованное затем в Общество Красного Креста). На первых порах его деятельность ограничивалась сбором пожертвований. Но она неизмеримо возросла с началом русско-турецкой войны 1877—1878 годов, переросшей в войну почти всех балканских народов против Османской империи.

«Симбирские губернские ведомости» опубликовали царский манифест о начале боевых действий 19 апреля. И сразу же в городе и губернии на нужды Красного Креста стали поступать пожертвования. Городская дума, земство и дворянство внесли по 10—40 тысяч рублей. Богатые симбирские купцы тоже щедро раскошелились. Гораздо скромнее были вклады мещанских и сельских обществ. Отдельные лица, главным образом интеллигенты и взрослые члены их семей, выражали свое сочувствие гуманным целям Общества вступлением в ряды его членов с уплатой ежегодных рублевых взносов. Простой люд вносил копейки из скудного бюджета либо по подписным листам, либо просто опускал их в специальные жестяные кружки, установленные в церквях и в наиболее оживленных местах.

Так уж получилось, что важные для Симбирска события, вызванные русско-турецкой войной, происходили на Московской и Покровской (ныне Льва Толстого) улицах, невдалеке от домов, где жили Ульяновы.

Здесь, например, в двухэтажном каменном здании губернской земской управы производился прием «заявлений и просьб о пособии лицам», оказавшимся в крайне тяжелом положении в связи с войной.

Близкий знакомый Ильи Николаевича — управляющий губернской контрольной палатой А. П. Горизонтов — по общественной должности члена «Попечительства для пособия нуждающимся семействам воинов по городу Симбирску» тоже принимал заявления и просьбы от семейств фронтовиков у себя в квартире на Московской улице (дом И. Ф. Шестерикова).

В дом при Немецкой церкви, расположенной на углу Московской улицы и Анненковского переулка, горожане несли для отправки в действующую армию белье, матрацные мешки, наволочки, корпию, бинты, мыло, табак, свечи, холст, иконки. Сбор денежных пожертвований и главным образом прием холста, белья, съестных и других припасов для госпитализированных воинов происходили в доме «степенной граж-

данки Л. Г. Жарковой», проживавшей тоже на Московской улице. На Московской находилась аптека Рунне, из которой члены наиболее нуждающихся семей, призреваемых благотворительными обществами, брали лекарства.

По этой улице шли в управление губернского воинского начальника (дом А. И. Чижовой) и канцелярию уездного воинского начальника (дом И. А. Анаксагорова) призванные на службу рекруты и ополченцы. Наконец, в доме купца Буско, против Богоявленской церкви, где ранее квартировали две роты 5-го Калужского пехотного полка, с 22 февраля по 17 сентября 1878 года была размещена большая часть из 402 военнопленных турок.

На Покровской улице, в доме близкого знакомого Ильи Николаевича Д. Д. Рузского, размещалась канцелярия 93-го резервного батальона, прибывшего в город после ухода в 1877 году на Балканы Калужского полка.

Большинство близких знакомых Ульяновых, как это видно из сообщений симбирских газет, принимали активное участие в кампании сбора средств, а также оказании помощи семьям мобилизованных «нижних чинов». Так, в списках лиц, внесших денежные и вещественные пожертвования, неоднократно встречаются фамилии члена комитета Карамзинской общественной библиотеки А. П. Горизонтова, акушерки А. Д. Ильиной, жены бывшего коллеги Ильи Николаевича по службе в учебных заведениях Пензы и Нижнего Новгорода В. И. Захарова, инспектора народных училищ В. М. Стржалковского и других. Некоторые из них брали на себя дополнительные обязанности. «Доктор И. С. Покровский, — писали «Симбирские губернские ведомости» 4 октября 1877 года, — изъявил согласие помогать медицинскими советами лицам, впавшим в крайность вследствие событий настоящей войны».

Вносил свою лепту и Илья Николаевич. В первые дни войны против Турции он и его помощники-инспекторы В. И. Фармаковский и В. М. Стржалковский пожертвовали «в пользу раненых и больных воинов и их семейств» по 10 рублей «единовременно» и обязались ежемесячно отчислять на эти цели по 5% от своего жалованья.

Из «Списков» жертвователей, регулярно публиковавшихся в «Циркулярах по Казанскому учебному округу», видно, что Илья Николаевич и его подчиненные вносили в фонд Общества Красного Креста относительно больше средств, чем многие лица, занимавшие такие же или даже более высокие

должности. Так, директор и преподаватели 3-й Казанской гимназии отчисляли 2%, а помощник попечителя Казанского учебного округа — 3% от своего жалованья [1].

Просмотр «Симбирских губернских ведомостей» позволил выявить и некоторые другие стороны деятельности И. Н. Ульянова в годы войны. Так, из отчета «Попечительства для пособия нуждающимся семействам воинов», опубликованного «Ведомостями» 20 сентября 1877 года, видно, что он тоже жертвовал. По должности директора народных училищ Илья Николаевич распространял в начальных школах «Вестник народной помощи» (переименованный в 1880 году в «Вестник Красного Креста»). На воскресных народных чтениях, проводившихся в 1877—1878 годах в Доме городского общества (ныне здание музыкального училища), через «волшебный фонарь» демонстрировались «туманные картины» о русско-турецкой войне. Под его руководством происходил сбор пожертвований среди учителей и учащихся. Бывали такие дни, когда «Симбирские губернские ведомости» приводили наименования сразу 24 школ одного из уездов, внесших в фонд Красного Креста деньги и подарки для солдат: шерстяные носки, нитки, носовые платки и т. п.

Одновременно со сбором средств в кассу Красного Креста повсеместно по губернии происходил сбор пожертвований в пользу «славян, разоренных турками». К 15 ноября 1877 года, по данным «Ведомостей», в фонд помощи борющимся славянам поступило около 11 000 рублей. Это не считая пожертвований медикаментами, книгами и учебными пособиями для славянских школ, а также посылок с «материалами и вещами для одежды», тюков с «церковными вещами и священническою одеждою для болгарских церквей».

Война оказалась более тяжелой, чем это предполагалось. Турецкие войска, оснащенные английским оружием и поддерживаемые своим флотом (после Крымской войны 1853—1856 годов Россия имела на Черном море и на Дунае значительно меньше военных судов), упорно удерживали Плевну и некоторые другие ключевые крепости.

В симбирских газетах регулярно печатались списки убитых и пропавших без вести воинов-земляков. Летом 1877 года в открытых на средства Красного Креста трех госпиталях

---

[1] Циркуляр по Казанскому учебному округу, 1877, № 7, с. 308.

(в деревянном доме Розова близ волжских пристаней, в двухэтажном каменном доме Жиркевича на Новом Венце и в верхнем этаже каменного дома Татариновой на Большой Саратовской улице) были размещены 160 раненых. Кроме того, Общество разместило 105 солдат в земской губернской больнице.

Резко ухудшилось положение народных масс. Тысячи солдат и ополченцев были призваны в армию и на флот. Появились новые налоги, выросли цены на продукты первой необходимости. Как на беду, следовали один за другим неурожаи. Вот как характеризовало сложившуюся обстановку симбирское уездное земское собрание 27 сентября 1877 года: «В Симбирском уезде считается 751 семейство чинов запаса, призванных на действительную службу, в каковых семействах 2221 лицо обоего пола... из числа означенных семейств, судя по прошлому и нынешнему неурожайным годам, очень мало найдется таких, которые имели бы свои собственные средства к жизни».

Ардатовский уездный исправник в рапорте от 8 июля 1877 года на имя симбирского губернатора приводил более печальные факты: крестьяне некоторых селений Жаренской и Неклюдовской волостей «хлеб едят пополам с мякиной», целые семьи уходят просить милостыню и все же «нередко остаются голодными до трех суток».

Расследование показало, что крестьяне бедствуют «не столько от неудовлетворительного урожая хлебов, сколько от безвременного по обстоятельствам и строгого взыскания повинностей» [1].

Хроническое недоедание сопровождалось ростом эпидемических заболеваний, снижением рождаемости и увеличением смертности. Если, например, в 1875 году прирост населения Симбирской губернии равнялся 25 253 человекам (при общей численности в 1 274 033 человека), то в 1878 году — только 4460. Причем в самом Симбирске родилось 1573, а умерло 2894 человека. «Такое падение роста населения, — отмечал местный публицист, — нельзя не приписать влиянию турецкой войны...» [2].

В то время, когда усердствующие урядники отбирали у

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 161, л. 1, 16.

[2] Календарь Симбирской губернии на 1880 год. Симбирск, 1880, с. 59.

крестьян последнее и заставляли их за бесценок продавать скот и пожитки, среди симбирских интендантов и купцов нашлись дельцы, наживавшие состояния на военных поставках. Начальнику губернского жандармского управления хватило работы, когда 16 апреля 1879 года поступило из Петербурга секретное предписание о содействии «высочайше учрежденной комиссии для расследования действий Полевого интендантства и Товарищества по продовольствию Действующей Армии» [1].

И. Н. Ульянов хорошо знал о тех последствиях, которые породила война: ухудшилось и без того бедственное положение трудящихся, пострадало и народное образование (в частности, уменьшилось на 5 число школ в губернии и снизилось «приращение численности учащихся»). Вот как он характеризовал эти неблагоприятные явления в 1878 году: «Первым из этих обстоятельств был неудовлетворительный урожай хлебов в прошедшем 1876 году и в отчетном 1877 г., отозвавшемся уменьшением материальных средств как обществ, так и частных лиц, содержащих училища. И еще более важным обстоятельством явились военные события, которые отвлекали не только материальные средства, но отчасти и деятелей народного образования в иную сторону» [2].

Нетрудно представить радость Ильи Николаевича и его родных, когда 31 декабря 1877 года они развернули свежий номер губернских «Ведомостей». Освещая ход военных действий за последние дни, газета сообщала, что русские гренадеры «после восьмидневной гигантской борьбы с природой перешли через Балканы и спустились в Софийскую долину». Преодолевая сопротивление турок, 23 декабря «наши войска вступили в Софию при всеобщем ликовании народа». Несколько ранее газета сообщала о взятии крепости Плевна.

Больших успехов добилась Задунайская армия. После упорных боев была взята в плен «вся Шипкинская армия. Всего сдалось в плен сорок один батальон, десять батарей и один полк кавалерии».

По случаю этой блистательной победы русских солдат и болгарских ополченцев в кафедральном соборе Симбирска было совершено молебствие, на котором, как сообщалось

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 36, л. 15.

[2] И. Н. Ульянов. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1877 гражданский год. Симбирск, 1879, с. 35.

в газете 3 января 1878 года, «присутствовали представители всех ведомств и множество молящихся. Город в течение двух дней был украшен флагами».

Радостно и торжественно отмечали симбиряне 19 января подписание в Адрианополе с представителями Османской империи оснований мира и условий о перемирии и, наконец, заключение 3 марта предварительного мира в Сан-Стефано.

Однако усиление позиций России на Балканах и образование там крупного славянского государства Болгарии вызвало резкое недовольство буржуазии Австро-Венгрии и Англии, которые потребовали при поддержке Бисмарка пересмотра Сан-Стефанского договора. Возникла опасность новой, еще более серьезной войны.

В этой взрывоопасной обстановке русское правительство обратилось к общественности с призывом о помощи, в частности в создании Добровольного флота, крайне необходимого для перевозки войск по Черному морю. В конце апреля в Симбирске был создан «Губернский комитет по сбору пожертвований на сооружение морских судов Добровольного флота». А в мае в его состав был введен и директор народных училищ И. Н. Ульянов.

Решением комитета всем его членам, изъявившим на то согласие, были выданы «книжки и кружки для сбора пожертвований».

Илья Николаевич, как это видно из сообщений «Симбирских губернских ведомостей» от 17 июня 1878 года, пожертвовал 10 рублей. Но этим он не ограничился. 15 июля эта же газета проинформировала читателей, что И. Н. Ульянов сдал в комитет лично им собранные «по книжке» 36 рублей 47 копеек.

Сумма как будто небольшая, но «из кружки, находящейся у его преосвященства Феоктиста, епископа Симбирского и Сызранского», было высыпано 6 рублей 70 копеек. А крестьяне пригородных симбирских селений Мостовой слободы и Сельди сдали соответственно 11 рублей 20 копеек и 6 рублей.

Из «Списка пожертвований на устройство добровольного крейсерского флота», напечатанного в сентябрьской книжке «Циркуляра по Казанскому учебному округу» за 1878 год, видно, что директор народных училищ Симбирской губернии и его помощники В. М. Стржалковский и В. И. Фармаковский, как и во время русско-турецкой войны, продолжали ежемесячно отчислять по 5% от своего жалованья.

Вскоре стало известно, что на пожертвования, собранные общественностью для Добровольного флота, уже приобретены пароходы «Россия», «Москва», «Петербург», «Нижний Новгород». Эти корабли под русским флагом еще много лет будут плавать по Черному морю, а затем и в водах Тихого океана.

Заметным явлением в жизни Симбирска стало возвращение с театра боевых действий 5-го Калужского пехотного полка. К 19 июля — дню прибытия пароходом первого эшелона полка — город соорудил две триумфальных арки из дерева с надписью «Героям Ловчи и Плевны».

Как первый, так и второй эшелоны встречало почти все население Симбирска. Был здесь, наверное, и Илья Николаевич со своими детьми. К сожалению, снимки, которые по договоренности с городской управой делались с разных сторон из четырех фотоаппаратов, пока еще не найдены.

Что-то из рассказов фронтовиков, конечно, дошло и до Ульяновых. Еще вероятнее, что они слышали о совместной борьбе русских и южных славян из уст своего лечащего врача А. А. Кадьяна, участвовавшего в боевых действиях против турок. Многое о войне с Турцией, о Балканах, по словам Н. К. Крупской, Володя читал в детских журналах и книгах, которые получал Илья Николаевич [1].

Несомненно, что Ульяновы радовались тому, что славянские народы благодаря помощи русских гренадеров сбросили наконец чужеземное иго и получили возможность для национального развития. Надо полагать, что родные гордились вкладом Ильи Николаевича в укрепление дружбы своего народа со славянскими братьями, участием в помощи семьям солдат, в возрождении флота на юге страны.

Вместе с тем — и тоже благодаря отцу — они прекрасно представляли, что основные тяготы во время войны выпали на долю трудового народа. Характерны в этом отношении впечатления, которые вынесли Александр и Анна Ульяновы от посещения осенью 1883 года выставки картин В. В. Верещагина из эпохи войны с Турцией 1877—1878 годов. Знаменитую картину «На Шипке все спокойно», воспевающую легендарную эпопею в истории русского и болгарского народов, брат и сестра Ульяновы восприняли в то же время и как картину протеста «против войн и их виновников...» [2].

---

[1] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, с. 31.
[2] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 92—93.

...Вот что видится за короткой записью в личном деле отца великого Ленина современному исследователю. Конечно, вклад Ильи Николаевича в освободительную войну на Балканах был более разносторонним, чем то, что удалось узнать из печати и документов прошлого века. Одно можно утверждать с уверенностью, что почетную награду Российского общества Красного Креста он получил не столько за денежные взносы, сколько, в соответствии с «Положением» о знаке, за «содействие поступлениям пожертвований».

ДОМАШНЯЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Во дворе Ульяновых на бывшей Московской улице бережно сохраняется одноэтажный флигель. Именно в нем летом 1882 года вследствие ремонта дома «сгрудились», говоря словами Анны Ильиничны, все родные. А в кухоньке при флигеле Александр создал свою лабораторию.

Сейчас, когда коллектив Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина работает над воссозданием этой лаборатории, уместно вспомнить и историю ее возникновения.

...В классических гимназиях — а Симбирская принадлежала к их числу — естественные науки изучались кратко и поверхностно. Достаточно сказать, что в старших классах на них отводилось в пять-шесть раз меньше учебного времени, чем на латынь и греческий. Ботаника, зоология, анатомия и химия вообще не значились в списках самостоятельных предметов.

Против такой программы школьного обучения И. Н. Ульянов открыто протестовал еще в 1865 году, когда был старшим учителем Нижегородской гимназии. Но и после того, как под нажимом реакции «классики» взяли верх, он продолжал отстаивать необходимость углубленного изучения точных наук.

Илья Николаевич был опытным преподавателем не только физики и математики, но и естественной истории. Курс последнего предмета включал в себя тогда краткие сведения по анатомии, зоологии, ботанике и минералогии. Ему необходимо было рассказывать о составе атмосферы (кислороде, водороде, азоте, углекислом газе и их соединениях), о фосфоре, сере, хлоре, металлах, кислотах, щелочах, химическом действии электрического тока. И не только знакомить с теоретиче-

скими основами химии, но и ставить сложные и интересные опыты.

Привязанность к естествознанию Илья Николаевич, вполне понятно, стремился привить своим детям. Известно, что, получив из Казани или Петербурга новые учебные пособия, приборы и коллекции, он прежде всего знакомил с новыми приобретениями в домашнем кабинете родных. Не раз водил он сыновей на осмотр физических и естественных кабинетов учебных заведений Симбирска. И если считалось обыденным явлением, что учитель 1-го приходского мужского училища И. Н. Николаев (который одно время готовил Володю Ульянова к поступлению в гимназию) позволял каждому мальчику понаблюдать в микроскоп за каплей воды, то наверняка дети директора народных училищ губернии уже в раннем возрасте пользовались такой возможностью.

Первым в семье глубоко увлекся естественными науками Александр Ильич. Еще шестиклассником, то есть в 1880/81 учебном году, он, по свидетельству Анны Ильиничны, начал налаживать маленькую лабораторию в своей комнате: «...выпаивал разного рода стеклянные трубочки на спиртовой лампе, собирал разные банки, пузырьки, огарки, которые служили ему для гальванопластики» [1].

На те небольшие деньги, которые он зарабатывал частными уроками, Александр Ильич и приобрел реторты и колбочки в магазине Юргенса и местных аптеках. Кое-чем пополнил он свою лабораторию из вещей и книг покойного учителя классической гимназии М. И. Чугунова. А когда были исчерпаны все возможности Симбирска, юноша стал выписывать простейшие химические приборы из Казани.

Цельность и жар, вспоминала Анна Ильинична, с которыми брат занимался химией — своим «любимым предметом», увлекли его гимназических товарищей. «Некоторые, например самый близкий его приятель Валентин Умов и Страхов, начали также заниматься естественными науками и делились своими наблюдениями. Занимался с Сашей химией также младший его на один класс товарищ Михаил Щербаков, живший одну зиму у нас пансионером» [2].

В комнате Александра Ильича, особенно при посещениях соучеников, было тесно. Нетрудно представить его радость,

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 74.
[2] Там же, с. 80.

когда он получил в свое распоряжение кухоньку флигеля. «И здесь вместо занятий урывками среди гимназических уроков, — рассказывала Анна Ильинична, — он начал уже систематически проходить химию по Менделееву. Теперь он не боялся портить воздух окружающим. Сам же он спал и жил в своей лаборатории. Таков был его отдых после усиленной зимней работы.

Родители беспокоились о его здоровье и всячески старались сами и поручали нам вытаскивать его на прогулки, на игру в крокет. Но это было не так-то легко» [1].

Подчеркивая серьезный, по-настоящему научный характер занятий брата естественными науками, Анна Ильинична указывала, что это увлечение «нашло себе подкрепление во взглядах Писарева», под обаянием которого Александр Ильич находился с 15 лет. Он, в частности, разделял характеристику, данную любимым критиком-демократом тургеневскому Базарову из «Отцов и детей» [2], а следовательно, и мысль о том, что «естествознание составляет в настоящее время самую животрепещущую потребность общества» [3].

В естествознании Александр Ульянов нашел свое призвание и после окончания гимназии выбрал Петербургский университет потому, что там «естественный факультет был поставлен наилучшим образом и блистал такими светилами, как профессора Бекетов, Бутлеров, Вагнер и другие.

Отец, — вспоминала в связи с этим Анна Ильинична, — очень серьезно и бережно относившийся ко всем стремлениям брата, гордившийся им, не возражал, хотя обоим им с матерью было грустно отпускать так далеко его, такого еще юного, хотя они предпочли бы, если бы он выбрал более близкую Казань, где и родственники были». Илья Николаевич верил, что старший сын может стать профессором [4].

Анна Ильинична обладала незаурядным литературным талантом и хорошей памятью, но, к сожалению, рассказать более полно о занятиях брата в Симбирске любимой наукой она не смогла.

На протяжении ряда лет я пытался выяснить какие-нибудь новые подробности о домашней лаборатории Александра Ульянова. Искал, в частности, личные архивы тех его соуче-

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 76.
[2] Там же, с. 72—74.
[3] «Русское слово», 1864, № 2, с. 42.
[4] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 80—81.

ников по гимназии, которые упоминаются в мемуарах Анны Ильиничны.

Особый интерес представляла личность Валентина Умова. Ведь Александр Ильич поддерживал с ним дружеские отношения и в студенческие годы. Известно также, что учившийся в Москве В. Умов приезжал в Петербург, где в последний раз — 1 марта 1887 года — был задержан полицией в квартире Александра Ильича вместе с Анной Ильиничной. Розыски показали, что впоследствии В. Умов служил чиновником в Риге, где и умер в начале 900-х годов. Никаких бумаг после него не осталось.

В 1925 году Анна Ильинична встретилась с Михаилом Федоровичем Щербаковым и попросила его написать воспоминания об Александре Ильиче. Профессор-естественник обещал, но местонахождение его записок до сих пор неизвестно. Мне лишь удалось найти в Симферополе, где он скончался в 1948 году, у его вдовы, фотопортрет в гимназической форме, то есть той поры, когда М. Ф. Щербаков квартировал в доме Ульяновых [1].

Когда, казалось, оборвались все нити для дальнейшего поиска, я неожиданно обнаружил в архивном фонде дирекции народных училищ Симбирской губернии документ, который существенно пополнил сведения о научных занятиях Александра Ульянова в Симбирске. Он представляет собой черновик заявки на химическое оборудование, адресованной в петербургский магазин оптики и механики «В. Вестберга ныне Э. Ротауге». Текст ее написан собственноручно каллиграфическим почерком Александра Ильича.

Среди 21 наименования заказываемых «вещей» значились: две печи из огнеупорной глины с металлическими обручами, столько же круглых тиглей из нового фарфора, набор гессенских тиглей, гнездо пробочных сверл, коксовые пластинки к элементам Бунзена, пористый горшок для элементов, ретортодержатель Гей-Люссака, выпарительные чашки, различных форм и размеров воронки, колбы, реторты, две дюжины пробирных трубок, химический стакан, проволочные треугольники и другое оборудование.

В начале заявки, написанной Александром Ильичем 22 января 1882 года и подписанной в тот же день Ильей Николае-

---

[1] Ж. Трофимов. Товарищ Александра Ульянова.— «Курортная газета» (Ялта), 1972, 12 ноября.

вичем, выражалась просьба срочно выслать все, упомянутое в ней. Это пожелание, явно выражавшее личное нетерпение клиента, повторено в конце: «Прошу прислать требуемые вещи как можно скорее по адресу: «В Симбирск. Директору народных училищ И. Ульянову. Московская улица, собственный дом» [1].

Однако магазин довольно долго выполнял эту заявку и только 12 апреля выслал посылку. В архивном деле сохранился счет из Петербурга, в заголовке которого указано, что имущество высылается «Для Симбирской дирекции народных училищ». Такое адресование дало основание некоторым исследователям считать, что оборудование предназначалось какому-нибудь училищу. Однако вряд ли это правомерно. Прежде всего потому, что ни в одном начальном училище физика не преподавалась. Небольшой курс этого предмета велся в Симбирском трехклассном (шестигодичном) городском училище. Но все книги и учебные пособия для него выписывались по постановлению своего педагогического совета. Из протоколов совета видно, что в 1882 году химическое оборудование им не запрашивалось.

Правда, Илья Николаевич иногда выписывал на свой адрес пособия или коллекции, но в таком случае переписку вел делопроизводитель канцелярии и заказ оформлялся на имя дирекции училищ. В заявке же Александра Ильича ясно выражена просьба выслать приборы **лично** Илье Николаевичу.

Очень важно то, что когда посылка прибыла из Петербурга, именно Александр Ильич, а не кто-то другой, проверил ее содержимое. Против каждого предмета он сделал пометку («крестик») о его наличии, а в конце счета записал: «Одна реторта с пробкой (цена 30 коп.) не выслана; всего следует 24 рубля» [2]. Он же при оформлении заказа произвел расчет затрат, оплачиваемых магазину за «укупорку» и транспортировку имущества.

Эти — прямые и косвенные — факты являются вполне достаточным основанием считать, что поименованные в заявке и счете приборы и оборудование Александр Ильич покупал за свой счет и для себя.

5 мая он принес долгожданную посылку домой. Радость, конечно, была большая. Наверняка вместе с Александром за-

---

[1] ГАУО, ф. 99, оп. 1, д. 784, л. 24.
[2] Там же, л. 6 об.

интересованно и с гордостью за него, рассматривали содержимое посылки все родные, а ребята, особенно любознательный Владимир, задавали бесконечные «А это что такое?», как только очередной предмет освобождался от упаковки.

Предназначение воронок, колб, пробирок и другой химической посуды объяснимо сравнительно легко. Некоторые же приборы и инструменты требуют пояснения, тем более что Александр Ульянов именовал их в заявке точно так, как они значились в печатном прейскуранте Вестберга. Хотя уже тогда другие фирмы и многие ученые применяли иную терминологию. Так, Александр Ильич просил выслать «гнездо пробочных сверл» (в 6 штук, ценою в 1 руб. 50 коп.), а Д. И. Менделеев в «Основах химии» называет этот инструмент проще и понятнее: «пробочный бурав».

Другой пример. Александр Ульянов заказывал «чашку из кованого железа», которая фигурирует в счете магазина как «песчаная баня». Она представляла собой железную чашку с песком и при опытах служила для нагревания в ней стеклянных колб с каким-нибудь раствором.

Судя по тому, что он заказывал несколько различного типа тиглей и две печи, можно предположить о его намерении плавить металлы. Для проведения подобных опытов необходимо было иметь «паяльную трубку с мехом» или «плавильный стол». Видимо, каким-то из этих устройств — самодельным или покупным — Александр Ильич пользовался в своей лаборатории.

Наверное, был у него и электрический элемент Бунзена, в котором требовалось заменить пришедшие в негодность коксовую пластинку и пористый глиняный цилиндр («горшок»). С помощью элемента Бунзена юный химик производил опыты по гальванопластике (электролизу), в ходе которых возможно было получение из электролита металлов в чистом виде, покрытие одних металлов другими (золочение, серебрение и т. п.).

Недавно мне довелось беседовать с Н. Н. Самосатским — автором десятка известных трудов по производству полиэтилена. Николай Николаевич, родной дед которого в 1883 году сфотографировался вместе с А. И. Ульяновым и другими одноклассниками в честь окончания Симбирской классической гимназии, высказал ряд интересных соображений о возможном объеме экспериментов Александра Ильича.

При воссоздании домашней лаборатории Александра Уль-

янова необходимо учитывать и консультации знатоков биологии, минералогии. Ведь летом 1882 года Александр Ильич, по свидетельству Анны Ильиничны, увлекался наряду с химией и «другими естественными науками». Ей, в частности, запомнилось, что он тогда целыми днями «пропадал на речке в маленькой душегубке (лодочке. — **Ж. Т.**) в поисках за разными образчиками животного царства» [1].

При проведении биологических опытов Александр Ильич несомненно пользовался лупой и хотя бы простейшим микроскопом (не исключено, что даже самодельным), инструментами для препарирования лягушек, червей (скальпелем, бритвой, пинцетом и т. п.), гальваническим элементом. Руководствовался он при этом, скорее всего, «Естественной историей» А. П. Горизонтова (близкого знакомого Ильи Николаевича еще по Пензе, а в то время занимавшего пост управляющего Симбирской контрольной палатой), «Руководством практической зоологией» А. П. Богданова и «Курсом ботаники» А. Н. Бекетова [2].

Усиленные занятия Александра естественными науками не могли, конечно, не привлечь внимания Владимира, жившего в смежной комнате. Он, по-видимому, тоже принимал посильное участие в исследованиях, проводимых старшим братом. Об этом говорится в воспоминаниях соученика А. И. Ульянова по гимназии В. А. Стрелкова [3] и, что еще важнее, в мемуарах Анны Ильиничны. Она неоднократно подчеркивала, что Владимир заимствовал у Александра «серьезное отношение к делу, **присутствовал при производстве его естественно-научных опытов,** тянулся за книгами, которые читал Саша, спрашивал его советов» [4].

...Занятия в домашней лаборатории окончательно укрепили желание Александра Ильича стать естествоиспытателем. Владимир Ильич изберет в науке, как и в общественной деятельности, иной путь. Но огромный интерес к развитию естественных наук сохранится у него на всю жизнь. Об этом убедительно свидетельствуют его гениальные работы «Материа-

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 76.

[2] Эти книги, по свидетельству А. И. Ульяновой, имелись в библиотеке Александра Ильича.

[3] Фонды Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина, папка № 18, л. 18.

[4] А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М.— Л., 1974, с. 23. (Выделено мной. — **Ж. Т.**).

лизм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради». Несомненно, что истоки этого интереса берут свое начало в отчем доме на Московской улице в лаборатории старшего брата.

«НЕКИЙ ИЛЬИН...»

Известно, что Илья Николаевич в немногие часы своего досуга с увлечением играл в шахматы. Любовь к этой игре он стремился привить и своим сыновьям. «Для каждого из них,— вспоминает А. И. Ульянова,— была радость, когда отец звал его к себе в кабинет и расставлял шахматы. Шахматы эти, которые отец берег и которыми все восхищались в детстве, были выточены им самим на токарном станке еще в Нижнем Новгороде...» [1].

Усилия отца довольно скоро дали свои плоды. Александр Ильич, по свидетельству современников, разыгрывал и выигрывал партии по памяти, без шахматной доски, одновременно до трех-четырех партий с разными лицами.

Владимир Ильич, научившийся играть в шахматы в восьми или девятилетнем возрасте, к 15 годам стал обыгрывать отца. «Помню, — писал в связи с этим Дмитрий Ильич, — как Илья Николаевич (зимой 1885—1886 года), войдя в столовую, сказал: «Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе нужно познакомиться с NN и с ним играть (помнится, некий Ильин, считавшийся лучшим игроком в Симбирске...)» [2].

Что это был за человек, с которым, по мнению Ильи Николаевича, настала пора Владимиру испробовать свои силы в сражениях за шахматной доской? И, наконец, — не является ли он братом «старшей повивальной бабки» Симбирска Анны Дмитриевны Ильиной? Вот тот минимум вопросов, на которые хотелось найти ответы в ходе поиска.

Естественно, что из всех симбирян Ильиных первостепенному изучению подлежали «Дмитриевичи». При просмотре «Памятных книжек», «Календарей» и других справочных из-

---

[1] А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М., 1974, с. 12.

[2] Д. И. Ульянов. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М., Политиздат, 1974, с. 54 (в дальнейшем — Д. И. Ульянов. Очерки разных лет).

данпй выяснилось, что в Симбирской губернии в 80-х годах служило четверо Ильиных с отчествами на «Д»: двое из них имели полностью одинаковые инициалы — «А. Д.», другие — «П. Д.» и «Н. Д.».

Изучение архивных дел показало, что первый А. Д. был не «Дмитриевичем», а «Дардальоновичем». Второй А. Д. проживал в уезде. Значит, может быть, кто-то из оставшихся двух Ильиных?

П. Д. Ильин... Фонд Симбирской классической гимназии, где он работал письмоводителем и бухгалтером, сохранился очень хорошо. Вскоре удалось найти даже не одно, а два личных дела Петра Дмитриевича, которые позволили проследить основные вехи его жизненного пути.

Родился он в 1845 году в семье мелкого чиновника. Образование получил в Гатчинском сиротском институте. По окончании его работал писцом, письмоводителем, бухгалтером в Могилеве, Быхове, Симбирске, Сызрани и Цильне. В делах имелись некоторые данные о семейном положении и его личных качествах. Жену звали Феклой Ивановной. Детей у них не было. В одной бумаге значилось, что делопроизводство в гимназии он вел не всегда аккуратно, так как страдал забывчивостью... Но был ли он хорошим шахматистом? В документах об этом ни слова. И еще: являлся ли он братом акушерки А. Д. Ильиной?

Просматриваю «Симбирские губернские ведомости». В неофициальном разделе здесь иногда помещались сообщения о концертах, театральных представлениях, скачках и других событиях культурной и спортивной жизни Симбирска. Могло здесь оказаться что-нибудь и о шахматной жизни провинциального города. Но, увы, шахматы не пользовались вниманием газеты. Оставалось надеяться на выручку старожилов, которые могли слышать о П. Д. Ильине из уст людей, знавших его.

Таким человеком оказался 77-летний краевед Сергей Павлович Храмцов. Он по памяти, причем безошибочно, мог дать справку о времени постройки всех примечательных зданий Симбирска, рассказать о наиболее выдающихся горожанах, раскрыть их родственные связи, круг знакомств, процитировать отрывки из стихотворений местных авторов.

Сергей Павлович прекрасно знал дореволюционный Симбирск и современный Ульяновск. Кроме того, ему хорошо знакома шахматная жизнь родного города, так как он в тече-

ние многих лет был его чемпионом и руководителем шахматной секции Дворца пионеров.

— Знаю ли я что-нибудь об Ильине?! — воскликнул он после моего вопроса. — Да как же я, — Храмцов улыбнулся,— могу ничего не знать о чемпионе Симбирска? Это было бы с моей стороны даже неуважительно к городу, в котором я прожил столько лет. Вы любите документы, и я могу показать такой, который вас, возможно, заинтересует.

Я терпеливо смотрел, как Сергей Павлович перебирает бумаги в своем письменном столе. Он достал какой-то справочник, быстро его перелистал и со свойственной ему жизнерадостностью воскликнул: «Ну-с, вот что говорится на сто сороковой странице о предмете вашего любопытства: «П. О. Ильин. Некоторые данные к анализу шахматной игры русского любителя. Симбирск, 1875 год».

— Это очень интересно. А у вас есть сама книжка Ильина?

— В том-то и дело,— ответил Сергей Павлович со вздохом, — ее нет ни у меня, ни во Дворце книги. Знаю только, два экземпляра есть у одного шахматиста-любителя, живущего в Сибири. Я писал ему, но он не согласился уступить хотя бы один.

— А как вы думаете,— обратился я снова к Храмцову,— не допущена ли опечатка в справочнике? Может, отчество не «О», а «Д»?

— Скорее всего, так, но все же нужно проверить отчество Ильина на его книжке.

В конце разговора я поинтересовался мнением собеседника о том, кто мог быть шахматным наставником П. Д. Ильина, ведь трудно предположить, что автор книги — самоучка.

— А где он учился? — в свою очередь спросил Сергей Павлович.

— В Гатчинском сиротском институте, который окончил в 1865 году...

Едва я произнес эту фразу, как Храмцов, сняв очки, сердито воскликнул:

— Ну, молодой человек, — это уже стыдно. Вам, историку и шахматисту, не знать, что лучший шахматист России XIX века Михаил Иванович Чигорин тоже учился в этом же самом институте. Да что говорить, почитайте лучше вот эту книгу, а я пока поищу еще одну.

Оказывается, М. И. Чигорин шести лет остался сиротой и был помещен теткой в Гатчинский сиротский институт, где

пробыл до 1868 года, пока не был исключен вместе с другими воспитанниками, причастными к имевшим там место «беспорядкам». «С шахматами, — читал я дальше, — Чигорина познакомил воспитатель института А. А. Шуман. По свидетельству воспитанников, шахматная игра была в институте очень популярна» [1].

Если учесть, что Чигорин оставался в одном классе на повторный курс, прикидывал я, то не исключено, что П. Д. Ильин был его соучеником, а любовь к шахматам привил им один наставник. Словно угадав мои мысли, Сергей Павлович сказал:

— Несомненно, что П. Д. Ильин знал Чигорина и не раз был его партнером по игре. А так как Михаил Иванович уже в семидесятых годах был известным шахматистом, то Ульяновы могли слышать рассказы о нем из уст его однокашника... Ну-с, теперь можете познакомиться с мнением специалиста о труде Ильина.

«Работа русского любителя, — писал знаток истории шахмат, — свелась к тому, что некоторые азбучные и притом частью условные правила игры были переведены на язык высшей математики» [2].

Через несколько дней после разговора с С. П. Храмцовым я был уже в Государственной публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве. В алфавитном и предметном каталогах книжка Ильина оказалась неучтенной. В Генеральном каталоге библиограф не нашла Ильина как автора. Просмотрел шахматный отдел. Вот там-то и оказалась карточка на симбирское издание Ильина. Уже через два часа я держал в руках нужную брошюру. На тыльной стороне обложки перед фамилией Ильина стояли желанные инициалы «П. Д.»!

Коротенькое, в полторы странички, предисловие содержало совершенно неожиданный факт. П. Д. Ильин заявлял, что он, как издатель, предлагает на усмотрение любителей шахматной игры труд автора, который решил опубликовать свой личный взгляд «на умозрительную» сторону шахматной игры, «основанной на очереди хода».

П. Д. Ильин — «как издатель»... Значит: он по каким-то причинам не хотел афишировать свое авторство, или, если он

[1] М. С. Коган. Очерк об истории шахмат в СССР. М.—Л., 1938, с. 173.

[2] М. С. Коган. История шахматной игры в России. Л., б/г издания, с. 104.

в действительности не автор, им могли быть его ближайшие партнеры — брат Н. Д. Ильин и И. Н. Ульянов.

Для последнего утверждения, которое на первый взгляд кажется слишком смелым, все же были некоторые основания. Дело в том, что к этому времени мне были известны воспоминания Н. Н. Ильина (литературный псевдоним — Нилли), хранящиеся в фондах Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина. В них, в частности, имеются следующие, очень важные для поиска строчки:

«...Илья Николаевич (Ульянов. — **Ж. Т.**) часто ходил к моему отцу, и они подолгу играли в шахматы. Илья Николаевич с моим дядей Петром Дмитриевичем Ильиным составили в 1887 году книгу по шахматной игре (разрядка моя. — **Ж. Т.**)» [1].

В последней фразе мемуарист допустил грубую ошибку при указании даты создания книги, так как И. Н. Ульянов скончался 12(24) января 1886 года. Но его можно простить, ибо он говорит об общении отца с И. Н. Ульяновым со слов своей тетки А. Д. Ильиной, которые он за давностью лет мог передать с искажением. Видимо, вообще Ильин плохо запоминал даты. Он, например, утверждал, что А. Д. Ильина умерла в 1900 году, тогда как документ свидетельствует о ее кончине в 1895 году.

Несомненно другое: Н. Д. Ильин, как и его брат, был страстным любителем и знатоком теории шахматной игры. Если полистать «Шахматный листок» середины 70-х годов, издававшийся М. И. Чигориным, и «Всемирную иллюстрацию», то на их страницах можно встретить фамилию симбирского шахматиста Н. Д. Ильина, которого редакция отмечала в числе немногих, присылавших правильные решения задач и этюдов.

Однако, если бы Н. Н. Ильин был даже абсолютно точен в изложении событий далекого прошлого, одних его указаний недостаточно для того, чтобы считать И. Н. Ульянова соавтором книжки о шахматах. Нужны еще какие-нибудь, причем строго документальные источники, подтверждающие авторство. Кратчайший путь к одному из них подсказывал следующий текст на обложке книжки, изданной П. Д. Ильиным: «Дозволено цензурою. Москва, 2 августа 1875 года».

В делах Московского цензурного комитета могло сохра-

---

[1] Фонды Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина. Папка № 18, л. 29.

ниться прошение симбирского любителя шахматной игры, в котором бы ясно указывалось, кем именно был написан этот труд.

Работники Московского городского государственного архива отыскали журналы заседаний цензурного комитета. В них сохранился протокол от 2 августа 1875 года, но о книжке П. Д. Ильина там ничего не говорилось. Неучтенной она оказалась и в списке печатных изданий за этот год.

На этом поиск пришлось прекратить. В будущем возможны новые находки, но уже сейчас можно утверждать, что «некий Ильин» — это скорее всего Петр Дмитриевич. Его брат, Николай Дмитриевич, тоже был знаком Ульяновым, как сильный шахматист.

...Появление этого очерка в журнале «Шахматы в СССР» (1967, № 11) вызвало оживленную дискуссию. Историк шахмат И. Линдер, основываясь на том, что Н. Д. Ильин был более известен в России, чем его брат, заявил в своих статьях, что именно с ним играл Илья Николаевич в Симбирске [1].

Н. Михайлов, наоборот, считает, что шахматным партнером Ульяновых был П. Д. Ильин [2].

Доцент Московского государственного института культуры Н. Сахаров, исходя из того, что имя Н. Д. Ильина в 70-х годах довольно часто встречалось в популярном еженедельнике «Всемирная иллюстрация» и чигоринском «Шахматном листке», пришел к выводу, «что в годы детства и юности В. И. Ленина наибольшую известность приобрел Н. Д. Ильин», и, следовательно, он, а не П. Д. Ильин был партнером Ильи Николаевича.

Встречался ли Владимир Ульянов с «неким Ильиным»? И. Линдер утвердительно отвечает на этот вопрос. Н. Сахаров скептически относится к такой возможности, призывая иметь в виду, что «разговор о «некоем Ильине» происходил **в середине зимы** 1885/86 года, а уже 12(24) января 1886 года Илья Николаевич скончался» [3].

Последнее возражение основывается на невнимательном отношении к источнику. Д. И. Ульянов писал в своих воспо-

---

[1] И. Линдер. Поиск продолжается. — «64», 1969, № 16(46), с. 10. Он же. Добрый спутник. — «Шахматы в СССР», 1969, № 9, с. 3.

[2] Н. Михайлов. Играл ли он с Лениным? — «Шахматы», 1973, № 8.

[3] «Шахматы», 1974, № 2, с. 20. (Выделено мной. — Ж. Т.).

минаниях, что разговор происходил «зимой 1885—1886 года», а Н. Сахаров вносит ничем не обоснованное уточнение: «в середине зимы». Зима в Симбирске начинается в ноябре, и, следовательно, Илья Николаевич имел время организовать встречу сына с Ильиным.

Следует также иметь в виду, что Ульяновы в 1872—1875 годах квартировали в одном доме с акушеркой А. Д. Ильиной. Дмитрий Ильич родился в 1874 году и поэтому мог об этом не знать. Но его родители, как и старшие братья и сестры, неоднократно видели П. Д. и Н. Д. Ильиных в доме, где сами жили.

Более того, Александр и Владимир Ульяновы хорошо знали П. Д. Ильина как письмоводителя своей гимназии, у которого получали различные документы, в том числе и аттестаты зрелости. Н. Д. Ильин им тоже, наверное, был известен: с 1879 года он служил делопроизводителем управляющего удельной конторой А. Ф. Белокрысенко — друга и главного шахматного партнера Ильи Николаевича [1].

Таким образом, есть основания полагать, что Илья Николаевич играл с обоими братьями Ильиными, причем с Петром Дмитриевичем (более близким по возрасту) чаще. Не исключено, что вместе с ним он участвовал (как утверждает Нилли) в переводе «на язык высшей математики» некоторых азбучных правил шахматной игры или, что вероятнее, выступал в качестве консультанта, будучи кандидатом математических наук, так как братья Ильины высшего образования не имели.

Александр Ильич на несколько лет раньше Владимира стал «побивать» отца в шахматы, и естественно, что Илья Николаевич сначала свел старшего сына с лучшими игроками Симбирска. Кто из братьев Ильиных был сильнее в игре — сказать трудно, — далеко не всегда более сведущий в теории (в данном случае Николай Дмитриевич) побеждает за шахматной доской опытного бойца (Петр Дмитриевич был старшим по возрасту и начал играть одновременно с М. И. Чигориным). Поэтому вероятнее всего, что Владимир Ульянов, как и его отец, и старший брат, встречался за шахматами с обоими Ильиными.

Как бы то ни было, но мы теперь точно знаем, что Илья

---

[1] См.: Ж. Трофимов. Партнер И. Н. Ульянова. — «Шахматы в СССР», 1968, № 5, с. 3.

Николаевич играл с незаурядными шахматистами. И если он считал возможным советовать Владимиру играть с любым из братьев Ильиных, то сын его несомненно был не по возрасту сильным игроком.

КНИГА В СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ

Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы понимали, как много значит хорошая книга для всестороннего развития человека. И они стремились с ранних лет воспитывать у своих детей потребность в систематизированном и вдумчивом чтении. А читать в этой семье было что. Анна Ильинична как-то на заседании реставрационной комиссии Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина заметила, что «в доме не хватило бы места, если собрать все книги, прочитанные нами» [1].

Старшие дети, как эстафету, передавали младшим братьям и сестрам выписанные или купленные отцом журналы «Детское чтение», «Родник», «Детский отдых», а также любимые произведения русских и зарубежных поэтов и писателей.

Овладение этим богатством было в те времена делом далеко не простым. Достаточно сказать, что гимназический курс российской словесности завершался Н. В. Гоголем. Следовательно, выпускники 80-х годов, в том числе Анна, Александр, Владимир и Ольга Ульяновы, не слышали от преподавателей ни одного доброго слова об И. С. Тургеневе, Н. А. Некрасове, Л. Н. Толстом, М. Е. Салтыкове-Щедрине, не говоря уже о Н. Г. Чернышевском, Н. А. Добролюбове и других революционных демократах.

Другим серьезным изъяном обучения было то, что «дозволенные» начальством писатели изучались таким образом, чтобы воспитанникам остались неведомыми антикрепостнические и свободолюбивые стороны их творчества. Всякого рода дискуссии по поводу прочитанного на уроках не допускались. Образчиком того, как рьяно выполнял подобного рода предписания министерства просвещения директор симбирской

---

[1] А. Карамышев, А. Томуль. Воспитание в семье Ульяновых. Саратов, 1960, с. 65.

классической гимназии Ф. М. Керенский — он же преподаватель российской словесности, он же и начальник Мариинской женской гимназии — можно судить по выдержке из его отчета за 1886 год: «При изучении образцовых произведений так называемой критической оценки... совсем не допускалось» [1].

Зато в гимназии имели место случаи, подобные тому, с каким столкнулся инспектор Казанского учебного округа в 1887 году при ревизии мужской гимназии. Даже в присутствии проверяющего, преподаватель П. С. Тихановский, изучая с восьмиклассниками биографию А. С. Пушкина, больше читал по книге, чем рассказывал. «Такую методу преподавания (без всяких объяснений), — отметил окружной инспектор, — едва ли можно признать правильной, так как ученики и сами, вне класса, могли бы прочитать избранную учителем биографическую статью о Пушкине».

Илья Николаевич отчетливо сознавал всю пагубность школы зубрежки, муштры и схоластики. Поэтому он постоянно помогал своим детям не только по математике и естественным наукам, но и по гуманитарным предметам. «Всех русских классиков, — вспоминала Анна Ильинична, — мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус. Нам стали казаться неинтересными разные романы, которыми зачитывались наши одноклассники» [2].

Илья Николаевич, со студенческой скамьи увлекавшийся демократической поэзией и публицистикой, пробудил интерес у своих детей и к ним. «Книги Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Некрасова, произведения поэтов «Искры» — та литература, те стихи, которые с детства слышал Ильич от отца, старшей сестры и старшего брата... Эта литература имела громадное влияние на Ленина с очень ранних лет», — писала Н. К. Крупская [3].

Все дети Ульяновых, учась в младших классах, держали свои книги, подаренные родными или полученные в награду за учебу, на самодельных деревянных настенных полках. Позднее, в юношеские годы, каждый из них получал свой книжный шкаф. Когда наступил черед Владимира, он акку-

---

[1] Ж. Трофимов. Гимназист Владимир Ульянов, с. 55.
[2] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 73.
[3] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, с. 83.

ратно расставил в нем свою библиотеку и составил в тетрадке ее каталог [1].

Точный состав этой, как и всей в целом, семейной библиотеки Ульяновых, неизвестен. В конце 20-х годов А. Г. Медведева — первый научный сотрудник Дома-музея В. И. Ленина — составила список литературы и периодических изданий, пользовавшихся популярностью у передовой интеллигенции Симбирска 60—80-х годов. Анна Ильинична внимательно просмотрела его и оставила 763 книги, 27 газет и журналов. Но было бы ошибкой считать, как это делают некоторые исследователи, что этот список и является каталогом домашней библиотеки Ульяновых [2]. Ниже будет показано, что только за последние два-три года установлен целый ряд книг, несомненно имевшихся у Владимира Ильича и его родных, но не вошедших в список А. Г. Медведевой.

Следует иметь в виду и то, что из-за крайней дороговизны книг, как и всей печатной продукции, Илья Николаевич на свое скромное жалованье не имел возможности подписываться на десятки журналов и газет, приобретать все собрания сочинений классиков или новинки литературы. Понятно, что в доме директора народных училищ губернии не могла создаваться и коллекция запрещенных и подпольных изданий. Поэтому понадобившуюся литературу — она исчислялась тысячами томов — Ульяновым приходилось брать или доставать на временное пользование из различных источников.

На протяжении всех 18 лет жизни в Симбирске они имели абонементы в Карамзинской общественной библиотеке, находившейся в левом крыле нижнего этажа Дома дворянского собрания — ныне Дворца книги имени В. И. Ленина. Илья Николаевич почти девять лет состоял членом комитета этой, одной из лучших провинциальных библиотек России. Он поддерживал ее денежными членскими взносами, участвовал в комплектовании ее фондов, обсуждении годичных отчетов, чествовании юбилеев Н. М. Карамзина. Естественно, что Ульяновы одними из первых в городе узнавали о поступлении новинок в библиотеку и поэтому имели возможность довольно быстро познакомиться с ними.

---

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. В семье Ульяновых. — «Семья и школа», 1946, № 10—11, с. 10.

[2] Ленин и Симбирск. Саратов, 1968, с. 28; И. А. Печерникова. Величие души. М., Политиздат, 1970, с. 35—36; Н. А. Михайлов. Ленин и мир книги. М., 1970, с. 8.

При библиотеке работал небольшой читальный зал, где братья Ульяновы просматривали свежие номера столичных и поволжских периодических изданий. «В Симбирске читают главным образом не «отцы», — писал приезжий журналист,— а «дети», и в среде последних — больше всего читают воспитанники классической гимназии».

И это — вопреки воле директора гимназии, отлично понимавшего, что имеющаяся здесь литература «обличительного направления» может свести на нет его усилия воспитать «истинно верноподданных юношей». «К сожалению, — сетовал Ф. М. Керенский в донесении попечителю Казанского учебного округа, — вполне строгий контроль над ученическим чтением невозможен потому, что многие ученики берут книги не из гимназической только библиотеки, но также из общественной Карамзинской чрез посредство родственников или других лиц» [1].

Тяга молодежи в симбирскую «публичку» была естественной. Ведь в ученической библиотеке классической гимназии в 1885 году насчитывалось только 581 название в 886 томах. Далеко не каждый из 440 учащихся мог получить здесь даже ту книгу, которую рекомендовали преподаватели. Литературные новинки, затрагивавшие злободневные общественные вопросы, сюда вообще не поступали.

В 1884—1885 годах на основании циркуляра министра внутренних дел в Карамзинской библиотеке были изъяты из общественного пользования «Капитал» Маркса, сочинения русских революционных демократов. В число «вредных» произведений попали даже «Основы химии» Д. И. Менделеева и «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова [2].

Однако эта полицейская мера, как свидетельствовал один из современников, «только подлила масла в огонь: контрабандой почти все принялись за книги и перечитывали даже то, до чего, при отсутствии репрессий, и не докумекнулись бы дотронуться. Опальные авторы возросли в наших глазах, и самое запрещение было истолковано как солидная рекомендация» [3].

Передовая симбирская молодежь доставала произведения

---

[1] Ж. Трофимов. Гимназист Владимир Ульянов, с. 92.

[2] И. Н. Ульянов в 1885 году вышел из состава комитета Карамзинской библиотеки.

[3] «Симбирские епархиальные ведомости», 1914, неофиц. отд., с. 632.

Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, книжки «Современника» и «Отечественных записок» в личных библиотеках своих знакомых. Кое-что удавалось выписать у столичных книготорговцев или приобрести у букинистов.

Такой, в общих чертах, была обстановка, в которой Ульяновы знакомились в Симбирске с классикой, особенно русской. Но всех нас глубоко интересуют и частности. Что и когда именно они читали? Где или у кого находили желанные книги? Какие факты или суждения, почерпнутые из «учебников жизни», особенно отложились в памяти и способствовали раннему становлению нравственных и гражданских идеалов, научного мировоззрения и революционных взглядов молодого Ленина?

ВОСПИТЫВАЛИСЬ НА НЕКРАСОВЕ

В письме к одному из своих друзей Н. А. Добролюбов советовал: «Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить «Песню Еремушке» Некрасова... Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости» [1].

Певец «гнева и печали» покорил и сердце студента физико-математического факультета Казанского университета Ильи Ульянова. «Любимым поэтом Ильи Николаевича, — вспоминала Анна Ильинична, — был Некрасов. Он переписывал в юности из журналов некоторые стихотворения его...» [2]

С заветной тетрадкой стихов молодой кандидат математических наук прибыл на перекладных 1 июня 1855 года в первый город своего учительского служения — Пензу. Из воспоминаний профессора Н. С. Таганцева, входившего, как и И. Н. Ульянов в один из литературных кружков, организованных словесником В. И. Захаровым, известно, что там вошло в обычай чтение вслух новых стихов Некрасова. Из письма Любови Таганцевой к уехавшему на учебу в Петербург брату от 8 декабря 1861 года мы узнаем новые штрихи из жизни кружковцев. «Недавно читали «Коробейники» Некрасова. Какая отличная вещь! Вот уж чистонародный, без всяких натяжек язык и сравнения».

---

[1] Материалы для биографии Добролюбова. М., 1890, т. 1, с. 534.
[2] А. И. Ульянова. В. И. Ульянов (Ленин). М., 1934, с. 13.

Илье Николаевичу особенно близки были гражданские мотивы в творчестве любимого поэта, такие созвучные собственным общественным идеалам. Не без влияния «Школьника» Н. А. Некрасова, в котором, по мнению цензора, доказывалось, что «великие и гениальные люди преимущественно могут выходить только из простого народа», И. Н. Ульянов в 1860—1862 годах безвозмездно обучал по воскресеньям грамоте и арифметике детей пензенских ремесленников, позднее, уже в Нижнем Новгороде, — слушателей землемерно-таксаторских курсов («классов») теории и практике землемерия. Несомненно, наконец, что принятое им летом 1869 года решение оставить учительство в гимназиях и занять только что введенную должность инспектора народных училищ Симбирской губернии, было ответом на некрасовский призыв к своим единомышленникам сеять «разумное, доброе, вечное» среди детей вчерашних рабов.

Естественно, что на посту руководителя народного образования И. Н. Ульянов стремился пополнять школьные библиотеки произведениями Н. А. Некрасова. Возможности эти ограничивались специальными министерскими циркулярами, однако разрешавшими приобретать для общественных книгохранилищ «Крестьянских детей», «Коробейников», «Генерала Топтыгина», «Мороз, Красный нос» и некоторые другие. «Маленького мужичка», «Обработку поля», «Несжатую полосу» ученики народных школ заучивали по настойчиво внедрявшемуся И. Н. Ульяновым «Родному слову» К. Д. Ушинского.

Примерно с этих же стихотворений начиналось знакомство с творчеством Н. А. Некрасова и собственных сыновей и дочерей директора народных училищ. По «Родному слову» К. Д. Ушинского, в частности, готовился к поступлению в первый класс Симбирской классической гимназии Владимир. Из книги Н. В. Гербеля «Русские поэты в биографиях и образцах» им хорошо был известен помещенный здесь биографический очерк об «известнейшем», по мнению составителя, «из современных русских поэтов», а также 13 его произведений: программные — «Муза», «Когда из мрака заблужденья», «Родина», обличительные — «Несжатая полоса», «Забытая деревня», «Кому на Руси жить хорошо» (отрывки «Поп» и «Помещик»), юмористические — «Видение на Неве» и другие.

Наконец наступал день, когда отец доставал из своего книжного шкафа «Стихотворения» Н. А. Некрасова издания 1863 года. На корешке этого томика, ныне хранящегося в

Ульяновском Доме-музее В. И. Ленина, отчетливо видно типографское тиснение инициалов владельца: «И. У.», то есть «Илья Ульянов». «Сейчас трудно сказать, где приобретена эта книга, так как именно в год ее выхода в свет Илья Николаевич перевелся по службе из Пензенского дворянского института в Нижегородскую гимназию. Но несомненно другое: этот некрасовский томик читался и перечитывался всеми членами семьи Ульяновых в Симбирске и позднее, когда они проживали в других городах. Об этой популярности говорят многочисленные подчеркивания текста простым и синим карандашами, а также вставки-записи, восстановившие изъятые цензурой строчки, «точки» и «птички» в оглавлении книги» [1].

Что именно их интересовало, можно судить по такому эпизоду из воспоминаний Анны Ильиничны: «Помню, что одиннадцатилетним мальчиком, в третьем классе гимназии, Саша обратил мое внимание в этой книжке на «Песню Еремушке» и «Размышления у парадного подъезда». «Мне их папа показал, — сказал он, — и мне они очень понравились». И, не охотник до декламации вообще, Саша эти любимые свои стихотворения читал с большой силой выражения» [2].

Это было в 1877 году. О том, какой популярностью среди передовой общественности Симбирска пользовался в это время Н. А. Некрасов, свидетельствует взволнованное письмо писателя Гавриила Никитича Потанина, сотрудничавшего в «Современнике», которое он отправил 1 марта редактору петербургского журнала «Дело» Г. Е. Благосветлову. Передавая через студента Ф. А. Белокрысенко — сына близкого знакомого Ульяновых — рукопись своей повести «Новый суд», Г. Н. Потанин выдвинул в качестве непременного условия ее публикации обязательное извещение читателей, что повесть посвящается Н. А. Некрасову.

«Есть люди, — писал Потанин,— которые знают и ценят Некрасова, как человека замечательного на Руси, как поэта, влияние которого на всех нас было громадно и неотразимо, и, наконец, как певца народной скорби, о которой и до сих

---

[1] П. Бейсов. Томик из библиотеки Ульяновых. — «Ульяновская правда», 1963, 8 января; Б. Н. Жаданов. О воспитании детей в семье Ульяновых. Ученые записки Ульяновского гос. пед. института им. И. Н. Ульянова, т. 10, вып. 3. Ульяновск, 1957, с. 14—15.

[2] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 64—65.

пор еще поет сердце русских людей, да едва ли забудет скоро эту некрасовскую народную скорбь».

«Нет дня, чтобы при встрече со мной, — продолжал писатель-симбирянин, — едва знакомые люди не спрашивали друг друга: «А что Некрасов? Говорят, болен. Жаль его!» Вот общие отголоски в нашем уголке».

Только что вышедшие в свет некрасовские «Последние песни» глубоко волновали Г. Н. Потанина. Но он считал беспочвенными встречающиеся там нотки пессимизма: «...Напрасно думает Некрасов, — что около него «пусто и печально» и вовсе нет друзей. Друзья его — Россия вся!» [1].

С глубокой скорбью встретили друзья поэта весть о его кончине. Вот как, например, откликнулась Анна Александровна Веретенникова — родная сестра М. А. Ульяновой:

Скорбь непробудная, скорбь
безысходная,
Скоро ль вам будет конец?
Знаешь ли, русская масса
народная, —
Умер твой дивный певец?
Умер!.. Повсюду молчанье
могильное...
Где нам, соколик, то знать...
Хлеба с áерресточкой вдоволь
хватило бы,
Где уж нам книжки читать!

На следующий год, отдавая дань глубокого уважения «дивному певцу», Илья Николаевич приобрел для домашней библиотеки четырехтомное посмертное издание «Стихотворений» Н. А. Некрасова, изданное сестрой поэта. Припоминая много лет спустя, каким успехом пользовалось в семье собрание сочинений 1879 года, Анна Ильинична писала: «...мы читали и перечитывали его. Особенно увлекались мы тогда «Дедушкой» и «Русскими женщинами»...» [2].

И не только читали и декламировали, но нередко и напевали. Рассказывая, например, о ребяческих играх, Анна Ильинична, как о чем-то обычном, упоминает, что во время катания с Сашей на качелях во дворе своего дома, они распевали «что-нибудь из Некрасова» [3].

[1] А. Макеев. Друзья его — Россия вся. — «Родина Ильича» (Ульяновск), 1976, 15 апреля.
[2] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 70.
[3] Там же, с. 60.

По примеру отца, старшей сестры и брата произведениями «талантливого печальника народного горя», как называли Н. А. Некрасова в демократической среде, зачитывался в школьные годы и Владимир. Его тоже, конечно, интересовали жизнь и общественная деятельность поэта. В печати об этом почти ничего не сообщалось. Зато дома и среди знакомых на эту тему говорили нередко.

О своем общении с Н. А. Некрасовым наверняка рассказывал Илье Николаевичу его помощник по устройству народных школ Валериан Никанорович Назарьев. В свое время, будучи офицером, он послал редактору «Современника» свою первую повесть «Бакенбарды», критически рисовавшую порядки в армии. «Некрасов не только ободрил меня, — с благодарностью вспоминал В. Н. Назарьев, — но и пригласил в Петербург. Осенью 1858 года я уже был в Петербурге и... очутился в редакции «Современника», то есть в обществе Некрасова, Панаева, Добролюбова и др.» [1].

Можно полагать, что немало интересного о практической деятельности Н. А. Некрасова по просвещению крестьянских детей Ульяновы слышали от учителя симбирского городского трехклассного училища Михаила Ивановича Зыкова. В этом единственном на всю губернию учебном заведении с шестилетним сроком обучения Илья Николаевич бывал часто. Для работы здесь особенно тщательно подбирал педагогов. Поэтому вполне вероятно, что директор народных училищ изучил личное дело М. И. Зыкова еще в то время, когда тот учился в Казанском учительском институте. В свою очередь, 27-летний Михаил Иванович решился покинуть родную Ярославщину и отправиться в незнакомый Симбирск потому, что наслышался много лестного об И. Н. Ульянове.

Как бы то ни было, а в сентябре 1881 года М. И. Зыков представился директору народных училищ Симбирской губернии в связи со своим назначением в трехклассное городское училище. Илья Николаевич выделил ему квартиру в самом здании училища. Неоднократно и сам заходил сюда. С волнением рассматривал фотопортрет Н. А. Некрасова, томик стихотворений с автографом поэта.

Михаилу Ивановичу было что рассказать о своем знаменитом земляке. Отец его был приходским священником в селе Абакумцеве, что всего лишь в трех верстах от имения Не-

[1] ЦГАЛИ, ф. 353, оп. 1, д. 2, л. 106.

красовых в Грешневе. Во время одного из приездов на родину Н. А. Некрасов решил создать начальную школу для детей крестьян. И. Г. Зыков горячо поддержал это начинание и с первых дней существования школы, то есть с 1859 года, преподавал и заведовал ею. По завершении гимназического образования священнику стала помогать дочь Александра. А в 1875 году ее сменил брат Михаил — бывший выпускник абакумцевской школы.

Н. А. Некрасов до последних дней своей жизни постоянно интересовался делами своей школы, помогал деньгами, снабжал ее учебной и художественной литературой, в том числе собственными сочинениями, книжками «Современника» и «Отечественных записок». Неоднократно защищал школу от нападок местных реакционеров. В каждый приезд посещал уроки, а иногда и сам вел занятия с ребятами. После кончины поэта звание попечительницы приняла на себя его сестра А. А. Буткевич [1].

Илья Николаевич свыше четырех лет помогал М. И. Зыкову в овладении педагогическим мастерством: посещал его занятия и производил тщательный их разбор, содействовал приобретению новейших наглядных пособий и учебников по естественным наукам, по-отечески заботился об улучшении условий его личного быта.

Дело, которое начал Н. А. Некрасов и продолжил И. Н. Ульянов, дало свои плоды: Михаил Иванович стал одним из лучших народных учителей. Дружеские отношения с ним поддерживали передовые педагоги, в том числе и Анна Ильинична, преподававшая до 1883 года в начальной школе Симбирска. Положительную характеристику М. И. Зыкову даст в советское время М. И. Ульянова [2].

Имя М. И. Зыкова навечно вписано в летопись жизни семьи Ульяновых в Симбирске еще и потому, что именно он 15 января 1886 года в присутствии родных и многолюдной толпы почитателей, пришедших проститься с Ильей Николаевичем, произнес последнее слово «перед опущением гроба в могилу» [3].

...Почти наизусть, по свидетельству Н. К. Крупской, знал

---

[1] О. В. Ломан. Н. А. Некрасов и народное просвещение. Ярославль, 1957, с. 58.

[2] Последний урок в школе М. И. Зыков даст в Симбирске 2 марта 1923 года — за три дня до своей смерти.

[3] «Симбирские губернские ведомости», 1886, 25 января.

Некрасова В. И. Ленин. Это видно и по многочисленным цитатам и образцам из поэзии любимого поэта, встречающимся в его произведениях.

«...ЧИТАЛИ И ПЕРЕЧИТЫВАЛИ»

Осенью 1873 года известный русский поэт, переводчик и библиограф Николай Васильевич Гербель отпечатал в Петербурге на свои средства «Хрестоматию для всех. Русские поэты в биографиях и образцах». Опытный составитель, как это видно из его «Предисловия», задался целью собрать в одном сборнике «все лучшее из числа стихотворных произведений всех более или менее известных русских поэтов — то есть все то, чем справедливо гордится русская литература по части поэзии» [1].

С этой нелегкой и благородной задачей Н. В. Гербель — близкий знакомый публицистов-чернышевцев М. Л. Михайлова и Н. В. Шелгунова, а также И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова, человек, причастный к тайному революционному обществу 60-х годов «Земля и воля», — справился успешно. Преодолевая цензурные рогатки, он действительно включил в «Хрестоматию», рассчитанную па «войско, чиновный люд, торговое купечество», многие из тех произведений, которые навсегда остались в русской литературе. Особую ценность сборнику придали биографические очерки о 123 поэтах, написанные самим Н. В. Гербелем по новейшим печатным источникам и собранным им материалам.

Как только в Симбирске стало известно о выходе в свет новинки, комитет Карамзинской библиотеки выписал ее для своих фондов. Одними из первых читателей «Хрестоматии» были Ульяновы.

Об этом говорится в воспоминаниях Анны Ильиничны. Рассказывая о своей совместной с Сашей подготовке к поступлению в гимназию, она, в частности, писала: «Отец получал всю новую детскую литературу, которая переживала тогда пору некоторого расцвета, журналы «Детское чтение»,

[1] Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах. Сост. Н. В. Гербель. Спб, 1873, с. VII (в дальнейшем — Хрестоматия).

«Семья и школа» и др. Брали нам также книги в Карамзинской библиотеке, имевшиеся детские и разные школьные хрестоматии. Так, помню сборник Гербеля «Русские поэты», который мы читали и перечитывали, из которого заучивали наизусть отрывки. У нас было в обычае готовить отцу и матери какие-нибудь сюрпризы к именинам и праздникам... В раннем же детстве мы могли самостоятельно выучить только стихи, да разве еще переписать их покрасивее и вложить в конверты» [1].

Через 50 с лишним лет, конечно, трудно было припомнить все, что они заучивали и переписывали из этой книги. Но в памяти Анны Ильиничны запечатлелось, как Саша, которому было «не больше 8 лет», заучил по своему выбору «Ивана Сусанина» К. Ф. Рылеева и «с большой силой выражения» декламировал отрывок, где народный герой в ответ на угрозы захватчиков смело заявляет:

«— Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!»

Анне Ильиничне запомнилось также, с каким увлечением они читали из сборника Н. В. Гербеля «Дурочку» поэта-петрашевца А. Н. Майкова. Юные Ульяновы переживали трагическую судьбу героини этой баллады — Дуни, доброй и мечтательной девочки из помещичьей семьи, старавшейся хоть чем-нибудь помочь слабым, обездоленным, гонимым.

В Ульяновском Доме-музее В. И. Ленина хранится еще одно свидетельство использования Ульяновыми «Хрестоматии» Н. В. Гербеля. В голубом конвертике с надписью: «Моему милому папе» находится переписанное в детстве Анной Ильиничной «Воспоминание» К. И. Коренева о родном для поэта Симбирске 40-х годов XIX века:

Я не забыл тебя, далекий,
Но сердцу близкий городок,
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок;
Твои пастушеские нравы,
Стада баранов и коров,
Весной — чрез лужи переправы,
Зимой — бугры твоих снегов;
Главу блестящую собора,

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 41—42.

Уютных домиков ряды,
А там, по склону косогора,
Твои фруктовые сады;
Твой тарантас шестиаршинный,
Костюм мордвы, чуваш, татар,
И чисто русский быт старинный
Твоих приветливых бояр.

Неизвестно, к сожалению, что именно привлекало в гербелевском сборнике 1873 года следующую пару детей Ульяновых — Владимира и Ольгу. Но можно полагать, что они по примеру старших сестры и брата тоже «читали и перечитывали» его в раннем детстве. И даже после того, как Ольга Ильинична 5 июля 1886 года принесла домой вместе с похвальным листом очередную гимназическую награду — «Русские поэты в биографиях и образцах» Н. В. Гербеля издания 1880 года.

Дело в том, что второе издание под давлением цензуры было «исправленным и дополненным». «На этот раз, — констатировал в печати «верноподданный» критик, — выбор образцов был сделан удачнее; относительно некоторых поэтов Гербель поступил как человек с независимым мнением, руководимый собственным поэтическим чутьем. Количество биографий также увеличено до 129».

Ульяновы, наверное, заметили, что «исправления» в сборнике коснулись уважаемых авторов. Здесь теперь отсутствовали «Петр Великий в Острогожске» и «Иван Сусанин» К. Ф. Рылеева, «Воспоминания» К. И. Коренева. Число произведений А. Н. Плещеева и Н. С. Никитина тоже сократилось на два, А. И. Одоевского — на одно. В разделе «Юмористические стихотворения» исчезли эпиграммы А. С. Пушкина, «Видение на Неве» Н. А. Некрасова. Острообличительные «Старая песня», «Общий знакомый» и «Счастливец» В. С. Курочкина были заменены другими стихотворениями. Такая же участь постигла «образцы» Д. Д. Минаева: вместо «В могилу рано» и «Последняя ирония» появились «Смех» и «Призрак».

К отрадным «дополнениям» можно было отнести увеличение отрывков из произведений И. С. Тургенева, Н. А. Добролюбова, а также появление биографий Н. В. Гоголя, Д. И. Фонвизина и Н. С. Курочкина, избранных их творений. Для нас книга Н. В. Гербеля ценна и в том отношении, что по ней можно представить те сведения по истории освободительного движения в России, которые могли почерпнуть Ульяновы из этого легального источника. Со слов Анны Ильиничны извест-

но, что в их семье «интерес к декабристам был большой»[1]. Поэтому понятно, что биографические очерки Гербеля о К. Ф. Рылееве, А. И. Одоевском и А. И. Тургеневе читались ими с особым вниманием. И хотя составитель не имел возможности подробно и искренне рассказывать о восстании 14 декабря 1825 года и характере участия в нем художников слова, чьи шедевры вошли в сокровищницу русской культуры, он восхищался их высоким нравственным обликом.

«Рылеев не был первоклассным поэтом, — писал Н. В. Гербель, — он был только поэтом-гражданином... Единственною мыслью, руководившею его пером, постоянной его идеей — было желание пробудить в сердцах своих соотечественников чувство любви к родине»[2]. Комментируя «К временщику» — «крайне смелую сатиру Рылеева против всемогущего тогда графа Аракчеева» — составитель пояснил читателям, что поэт не пострадал за нее только потому, что Аракчеев «признал за лучшее не узнавать себя в резко начерченном портрете, хотя стих «Селения лишил их прежней прелести» ясно указывал на него»[3]. Желанием подчеркнуть стойкость К. Ф. Рылеева, продолжавшего и в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости считать, что он «душою чист и сердцем прав», является примечание Н. В. Гербеля к его посланиям декабристу А. И. Одоевскому, что эти предсмертные строки поэта-революционера наколоты иголкой на кленовых листьях.

В биографии же А. И. Одоевского составитель писал, что это был «поистине святой человек, которого вся жизнь была посвящена служению добру и истине». «Одоевский был, — продолжал Гербель, — без сомненья, самый замечательный человек из декабристов, бывших в то время (в 1837 году, после пребывания в Сибири.— Ж. Т.) на Кавказе. Лермонтов списал его с натуры. Да, этот

...блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую

не забудет никто из знавших его. В этих глазах выражались спокойствие духа, скорбь, не о своих страданиях, а о страданиях человека...»

Повествуя о поэте-симбирянине Андрее Ивановиче Турге-

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 70.
[2] Хрестоматия, с. 282.
[3] Там же, с. 285.

нево, Н. В. Гербель тепло писал о его братьях. Александра Ивановича, человека близкого к декабристам, он называет «одним из благороднейших и полезнейших деятелей царствования Александра I», а Николая Ивановича — одного из руководителей Северного общества декабристов — «горячим ратоборцем освобождения крестьян в России...» [1].

Нетрудно заметить, что о декабрьских событиях 1825 года в «Хрестоматии» говорилось даже в тех случаях, когда, казалось, этого можно бы и не делать. Например, Н. В. Гербель счел нужным передать разговор между Николаем I и А. С. Пушкиным, происшедший после михайловской ссылки «величайшего из русских поэтов». Император обратился к нему с коварным вопросом: «Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14 декабря?» — «Неизбежно, государь! — отвечал прямодушный поэт: — Все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них» [2].

Ульяновы, как и другие передовые читатели, не могли не заметить, что немало выдающихся деятелей русской культуры, пришедших на смену декабристам, тоже враждебно относилось к самодержавному деспотизму. Александр Иванович Полежаев, чей поэтический талант, особенно за «необыкновенную силу чувств», высоко ценил В. Г. Белинский, за «звонкие стихи», в которых, по словам Гербеля, «задевал многое», был «арестован в июле 1826 года, отвезен в лагерь, расположенный под Москвой, и сдан в солдаты» [3].

Михаил Юрьевич Лермонтов за знаменитое «На смерть поэта», направленное «против высшего общества, державшего сторону противников Пушкина», был сослан на Кавказ, где тоже безвременно погиб [4].

Н. В. Гербель высоко ценил творчество Николая Платоновича Огарева. Особенно выделял он стихотворение, посвященное декабристу А. И. Одоевскому. Однако друг и соратник А. И. Герцена, подвергавшийся репрессиям со стороны царизма, вынужден был покинуть отечество и навсегда стать политическим эмигрантом. В биографии Александра Николаевича Плещеева, стихотворение которого «По духу братья мы

---

[1] Хрестоматия, с. 193.
[2] Там же, с. 302.
[3] Там же, с. 379.
[4] Там же, с. 465.

с тобой» так любил И. Н. Ульянов, Гербель впервые упоминает о политическом деле М. В. Буташевича-Петрашевского. За «прикосновенность» к нему, поясняет составитель, решением военного суда «Плещеев был приговорен вместе с 23 другими лицами к расстрелянию», но потом помилован и назначен «рядовым в оренбургские линейные батальоны с лишением всех прав состояния».

О борьбе демократов против реакции в период революционной ситуации 1859—1861 годов в «Хрестоматии» ничего не говорится. Даже в очерке о Н. А. Добролюбове составитель, повинуясь цензурному запрету, не упомянул имени Н. Г. Чернышевского. Покушение Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 года названо, но только как причина закрытия «Современника». Словом, весьма существенные недомолвки в освещении общественно-политической деятельности поэтов-демократов 60—70-х годов имелись во всех биографических очерках Н. В. Гербеля.

Это не столько его вина, сколько беда. Но читатель был благодарен ему и за то, что он сумел все-таки рассказать на страницах своей книги о Н. А. Некрасове, Д. Д. Минаеве, В. С. Курочкине, других современных поэтах «обличительного направления», смело боровшихся как против крепостничества, так и против пороков буржуазного общества.

ПИСАРЕВА ДОСТАВАЛИ У СЫНА ДЕКАБРИСТА

Многогранная общественно-педагогическая деятельность Ильи Николаевича Ульянова по ликвидации неграмотности народных масс Симбирской губернии вызывала восхищение многих современников. Она, как писал в 1894 году в «Вестнике Европы» В. Н. Назарьев, обусловила то, что окружение Ильи Николаевича составилось «из лучших людей того времени, увлеченных искренним желанием добра и блага темному люду».

Видное место среди друзей семьи Ульяновых занимал врач Иван Сидорович Покровский. Он был горячим сторонником народной школы и безвозмездно лечил учащихся. Но этот медик-демократ достоин памяти и уважения не только поэтому. Родные Владимира Ильича, рассказывая о симбирском периоде своей жизни, упомянули лишь один источник полу-

чения запрещенных изданий, а именно, — личную библиотеку Ивана Сидоровича.

«Писарева Александр Ильич доставал у доктора Покровского, — вспоминала Анна Ильинична, — брал один том за другим и прочел все сочинения». Брали мы Писарева, — пишет она в другом месте, — «у знакомого врача, имевшего полное собрание его сочинений. Это было первое из запрещенных сочинений, прочитанное нами» [1].

Увлекался Писаревым в гимназические годы и Владимир Ильич. И если старшие брат и сестра брали произведения критика-демократа у хорошего знакомого, то, очевидно, что и он пользовался этим же источником.

А что это был за человек? О чем мог говорить он при встречах с детьми уважаемого директора народных училищ? Ответов на эти вопросы мемуарная и исследовательская литература не дает, и только документы, хранящиеся в Государственном архиве Ульяновской области, позволили мне выяснить основные вехи биографии И. С. Покровского.

Родился он 25 февраля 1839 года. Окончив медицинский факультет Казанского университета, молодой лекарь несколько лет работал в армейских частях и уездных земских больницах, пока в конце 1869 года не получил места ординатора Симбирской губернской больницы.

Здесь, в новом городе, Покровский сразу же вступает в тесный кружок демократической интеллигенции. Он пишет эпиграммы, памфлеты и обличительные статьи, в которых бичует неблаговидные деяния «отцов города». Общественная деятельность врача-демократа вызывала неудовольствие властей. Он подолгу оставался без службы и лишь в 1879 году получил место младшего врача военной гимназии.

Учитель А. С. Кабанов, подпись которого имеется на аттестате Владимира Ульянова, навсегда запомнил заповеди этого «поборника красоты и нравственности»: «не воруй, не блуди, не пьянствуй, не мошенничай, не лги, не ленись и делай по мере сил — вот при отсутствии этих пороков будешь человеком первого сорта».

По словам старожила Ульяновска С. П. Храмцова, хорошо знавшего «народного врача» (так звали многие Ивана Сидоровича), его стихотворные эпиграммы и памфлеты, в ко-

---

[1] А. И. Ульянова, с. 72.

торых высмеивались местные купцы и чиновники, постоянно ходили в рукописных списках.

Свидетельством демократизма И. С. Покровского являются его дружеские отношения с политическими ссыльными, особенно с доктором А. А. Кадьяном, также бывавшим у Ульяновых в качестве врача. Так, весной 1887 года симбирские жандармы, сообщая в Петербург о деятельных сношениях А. А. Кадьяна с революционным подпольем не преминули сообщить о Покровском, который «сошелся с Кадьяном, зная его направление, и решился предложить ему в своем доме устроить лечебницу, где могут быть сходки и совещания лиц неблагонамеренных».

Заслуженному врачу РСФСР и энергичному ульяновскому краеведу П. П. Евдокимову удалось установить, что И. С. Покровский умер в Симбирске 6 мая 1922 года, совершенно слепым. Он же сумел найти у пенсионерки М. Н. Макаровой любительскую фотокарточку доктора, но, к сожалению, настолько неудачную по изготовлению, что ее невозможно воспроизвести на страницах печати.

Публикуя очерк о лечащем враче Ульяновых в журналах «Волга» (с П. П. Евдокимовым) [1] и «Наука и жизнь», мы не только воздавали должное его памяти, но и надеялись на то, что в поиски материалов об И. С. Покровском включатся другие исследователи, а возможно, откликнутся и его родственники.

Результаты превзошли все ожидания. В начале 1970 года из Свердловска пришло письмо от Алексея Федоровича Покровского, внука врача. Рассказав все, что знал о своем деде, он посоветовал обратить внимание на то, что матерью Ивана Сидоровича была крепостная крестьянка, а отцом — Александр Дмитриевич Улыбышев.

Улыбышев... В исследованиях музыковедов, литературоведов, историков, философов и социологов часто встречается имя этого энциклопедически образованного человека, который был видным представителем не только русской, но и европейской культуры первой половины XIX века.

Специалисты считают, что А. С. Пушкин, в дни молодости близко знавший будущего автора трехтомной биографии Мо-

---

[1] П. Евдокимов, Ж. Трофимов. Лечащий врач Ульяновых. — «Волга», 1967, № 4, с. 118—120; Ж. Трофимов. Здесь каждый камень Ленина помнит...— «Наука и жизнь», 1969, № 6, с. 10—14.

царта, от А. Д. Улыбышева почерпнул материалы, использованные впоследствии при работе над трагедией «Моцарт и Сальери» [1].

Литературовед Н. Н. Гусев, рассказывая о встрече Л. Н. Толстого с Улыбышевым, высказывает убеждение, что образ известного историка искусства послужил прототипом одного из персонажей рассказа Льва Николаевича «Погибший» [2].

Едва ли не первым в России А. Д. Улыбышев публично дал высокую оценку творчеству Михаила Ивановича Глинки. Он же, еще в Нижнем Новгороде, заметил выдающееся дарование М. А. Балакирева, взял на себя все заботы о его материальном обеспечении, серьезно помог в профессиональной подготовке, а затем сам повез будущего руководителя «могучей кучки» к Глинке [3].

Живя некоторое время в Нижнем Новгороде в доме Добролюбовых, Александр Дмитриевич охотно беседовал с будущим революционным демократом и снабжал его светской литературой [4].

Тарас Шевченко, в 1857—1858 годах встречавшийся в Нижнем с А. Д. Улыбышевым, был на его похоронах и в письме к знаменитому актеру М. С. Щепкину сожалел, что в городе не нашлось никого, кто бы написал некролог о «славном старике».

По мнению историков, А. Д. Улыбышев, один из авторитетнейших участников литературно-театрального общества «Зеленая лампа», созданного на правах побочной управы декабристского Союза благоденствия, наиболее четко сформулировал в своих произведениях («Письма к другу в Германию» и «Сон») идеи, сплотившие членов знаменитого кружка. Любовь к своему народу, вера в светлое будущее России, освобожденной от оков деспотизма, — вот что вдохновляло «лампистов», а среди них и Пушкина [5].

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 2024, оп. 1, д. 46, л. 3.

[2] Толстой. 1850—1860. Материалы и статьи. Л., 1927, с. 53—54.

[3] Г. Федорова. М. А. Балакирев. М.—Л., 1951, с. 72.

[4] Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1961, с. 7.

[5] Декабристы и их время. М.—Л., 1951, с. 124; В. С. Виргинский. В. Ф. Одоевский как социолог и утопист. — «Вопросы истории», 1970, № 2, с. 200.

Еще немало событий в истории русской культуры тесно связано с именем А. Д. Улыбышева и его родных. Так, брат Александра Дмитриевича профессор В. Д. Улыбышев состоял членом «комитета по устройству Исаакиевского собора». Елизавета Дмитриевна Улыбышева издала в Москве на французском языке несколько томиков своих стихов. Другая сестра, Екатерина, была корреспонденткой П. Я. Чаадаева, и именно ей адресованы его «Философические письма».

Имя дочери А. Д. Улыбышева — Натальи — увековечила М. Шагинян на тех страницах ее романа-хроники «Семья Ульяновых», где рассказывается о беседах с Натальей Ильи Николаевича и Марии Александровны Ульяновых. Писательница впервые в советской литературе приводит и легенду о происхождении фамилии Улыбышевых. Как гласит их семейное предание, храбрец-воин защитил грудью в одном из сражений князя Дмитрия Донского, и тот в благодарность отдал за него свою единственную дочь Улыбу.

Найти документальное подтверждение этой легенде — задача, несомненно, очень интересная для исследователя. Но меня более всего занимало установление родства И. С. Покровского с А. Д. Улыбышевым. Как и в литературе об А. Д. Улыбышеве, так и в его личной переписке с М. А. Балакиревым таких данных обнаружить не удалось. Оставался еще один путь: изучение переписки «третьих лиц», то есть знакомых или биографов Улыбышева и Балакирева.

Просматривая опись архивного фонда одного из музыковедов, я обнаружил, что здесь значатся письма врача Ивана Сидоровича (Александровича) Покровского-Улыбышева, а также присланные им две свои фотографии.

С нетерпением стал ждать заказа. С облегчением вздохнул лишь тогда, когда в руках оказался отлично сохранившийся портрет с знакомой фирменной этикеткой: «Фото Б. Р. Бик. Симбирск» [1].

На чтение 15 посланий И. С. Покровского, написанных неразборчивым почерком (они датированы 1915—1917 годами, когда доктор видел одним глазом, да и то очень плохо) ушло два дня. Но эта работа была благодарной: выявились новые важные подробности из жизни А. Д. Улыбышева, М. А. Балакирева, Ивана Сидоровича и его близких. Остановимся на

[1] В мастерской Б. Р. Бика несколько раз фотографировались Владимир Ульянов и его родные.

некоторых фактах, о которых доктор мог рассказывать Ульяновым в Симбирске.

...Действительно, он был сыном А. Д. Улыбышева и крепостной крестьянки, безвременно скончавшейся. Отчество и фамилию, как и его брат Федор Павлович Знаменский, получил от крестного отца.

Родственники жены Улыбышева (в частности, ее зять К. И. Садоков, бывший одно время начальником И. Н. Ульянова по службе в Нижегородской гимназии) вынудили его перед смертью составить такое завещание, по которому «незаконнорожденные» дети почти ничего в наследство не получили. Поэтому Ивану Сидоровичу и его брату пришлось ютиться на скотном дворе, питаться в людской, а в университетские годы жить на те три-пять рублей, которые им удавалось заработать в месяц репетиторством.

В годы революционной ситуации (1859—1861) братья принимали участие в студенческом движении, они стали горячими сторонниками демократического лагеря, возглавляемого Чернышевским и Добролюбовым. Оба гордились тем, что отец первым в Нижегородской губернии, еще до официальной отмены крепостного права, отпустил своих крестьян на волю.

Приезжая из Казани на каникулы домой в Нижний Новгород, они все свободное время отдавали обучению грамоте крестьянских детей. М. А. Балакирев, знавший об этом, в письме к В. В. Стасову от 15 июня 1861 года подчеркивал, что народную школу сыновья Улыбышева вели, движимые исключительно «чувством гуманности и прогресса» [1].

В юности И. С. Покровский стал неверующим, и из-за этого на долгие годы произошел его разрыв с М. А. Балакиревым. Атеистом он был и в глубокой старости, когда в 1916 году писал, что наука и религия были для него всегда «разными, несовместимыми мирами». Характерный эпизод произошел с ним в 80-х годах. Симбирский архиерей требовал, чтобы визит Ивана Сидоровича, как врача, продолжался не менее двух часов. В летнюю пору богатырского телосложения доктор разувался и сидел босиком, а архиерей, сидевший напротив, зябнул «в трех чулках и валяных сапогах». Как-то, во время завязавшейся в такой «непринужденной»

---

[1] М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка, т. 1. М., 1970, с. 152.

обстановке беседе, Покровский неожиданно продекламировал из «Фауста»:

> Лишь тот свободен и жизни
> властелин,
> Кто дни свои в борьбе
> проводит трудной...

Изумленный владыка, по словам Ивана Сидоровича, сумел промолвить только стереотипную фразу: «Как бог поможет...»

До старости И. С. Покровский, выражаясь его словами, сохранил «душевную свежесть» и, за исключением зрения, крепкое здоровье. Объясняя секрет своего долголетия, подчеркивал, что силы поддерживал «железной гигиеной». «Демократ до мозга костей», старик доктор быстро понял всю несправедливость первой мировой войны и был, судя по его письмам, «глубоко счастлив», что дожил до падения самодержавия.

Высокую нравственность И. С. Покровского характеризует и следующая история. М. А. Балакирев, навсегда сохранивший любовь и уважение к А. Д. Улыбышеву, в одном из писем к Ивану Сидоровичу высказал беспокойство по поводу того, что в ближайшем будущем фамилия Улыбышевых может исчезнуть, так как сын Александра Дмитриевича не оставил потомства. Считая, что этого нельзя допустить, Балакирев просил Покровского возбудить ходатайство перед правительством о разрешении носить фамилию отца. «Тот день,— писал прославленный композитор доктору,— в который я получу известие, что вам разрешено называться Улыбышевыми, будет счастливейшим днем моей жизни» [1].

Пытаясь рассеять сомнения И. С. Покровского в целесообразности и возможности осуществления этого проекта, Балакирев в письме от 5 октября 1906 года писал, в частности, следующее: «Еще раз повторяю, что в этом прошении (на имя царя.— **Ж. Т.**) вы могли бы упомянуть обо мне как о человеке, готовом **под присягой** показать, что вы с братом дети Александра Дмитриевича Улыбышева, моего благодетеля, который привез меня в Петербург в декабре 1855 года. Я мог бы под присягой засвидетельствовать и о его чувствах к вам, своим сыновьям, узаконить коих по

---

[1] Неизданные письма М. А. Балакирева к д-ру И. С. Покровскому. — «Русская музыкальная газета», 1917, № 40, с. 700.

тогдашним юридическим причинам для него не было возможности».

Почти полтора года понадобилось Балакиреву на то, чтобы уговорить И. С. Покровского и Ф. П. Знаменского согласиться с его просьбой. Только из уважения к Балакиреву (которому, кстати, удалось разыскать завещание А. Д. Улыбышева, где упоминались и «незаконнорожденные» дети), братья, говоря словами Ивана Сидоровича, согласились принять участие «в этом маскараде» и подписали прошение.

Правительственная комиссия, однако, отклонила просьбу. Тогда Балакирев добился аудиенции у царя и тот распорядился: «Быть по сему». Желая доставить удовольствие Балакиреву, И. С. Покровский в 1909 году изготовил в симбирской типографии визитные карточки, на которых было отпечатано: Иван Александрович Покровский-Улыбышев. Однако вскоре Милий Алексеевич Балакирев скончался, а сыновья Улыбышева, как и ныне здравствующие их потомки, по-прежнему носят фамилии Покровских и Знаменских. А жаль!..

Трудной и сложной была жизнь лечащего врача семьи Ульяновых. Ему было что рассказать своим юным друзьям — детям Ильи Николаевича, когда они приходили к нему за очередным томом запрещенного Писарева.

В письмах к М. А. Балакиреву И. С. Покровский нередко упоминал о своем брате Ф. П. Знаменском и его жене Александре Александровне. Вначале Знаменские интересовали меня лишь как одна из линий продолжения рода А. Д. Улыбышева. Но, когда выяснилось, что они долгие годы прожили в Симбирске и уезде, совершенно иначе зазвучали некоторые строки из отчетов Ильи Николаевича, воспоминаний Анны Ильиничны и их современников.

Ф. П. Знаменский (в справочниках он значился как «Федор Александрович») был блестящим математиком, видным земским деятелем. И. Н. Ульянов ценил его также за энергичную поддержку народного образования и в своих обзорах не раз отмечал как одного из лучших попечителей народных школ.

Но, пожалуй, большего внимания заслуживает А. А. Знаменская. Уроженка давно обрусевшей французской семьи, она, несмотря на личную обеспеченность, была убежденной народницей. Как и муж, она помогала ликвидации неграмотности народных масс, а овладев с помощью

И. С. Покровского специальностью врача, лечила бесплатно крестьян окрестных селений. На протяжении многих лет, постоянно бывая в доме Ульяновых, А. А. Знаменская питала глубочайшее уважение к Илье Николаевичу, дружила с членами его семьи.

В горькие дни января 1886 года Анна Ильинична, потрясенная внезапной кончиной отца и обеспокоенная сильно пошатнувшимся материальным положением родных, хотела на время прервать учебу на петербургских Бестужевских курсах и остаться в Симбирске. Но близкие знакомые, разделявшие горе семьи, советовали ей все же возвратиться в Петербург, и среди них — А. А. Знаменская. По словам Анны Ильиничны, Александра Александровна предложила «и деньги для окончания курса»[1]. Чтобы оценить все благородство этого поступка, следует учитывать и еще одно обстоятельство. Симбирское «общество», считавшее столичные курсы рассадником нигилизма, весьма неодобрительно относилось к девушкам из семей, осмелившихся пренебречь этим мнением и все же воспользоваться единственной, в условиях России, возможностью дать дочерям высшее образование. Понятно, что моральная и материальная поддержка А. А. Знаменской в такой обстановке не имела ничего общего с благотворительностью и обусловливалась во многом идейными мотивами.

Примечателен и другой факт. В середине 80-х годов в Симбирске образовался нелегальный кружок, в который наряду с интеллигентами вошло несколько старшеклассников-гимназистов. Кузнец-революционер П. А. Фадеев утверждает в своих воспоминаниях, что на одном из собраний кружка присутствовал и Владимир Ульянов. Фадеев не помнит, кто именно ввел его туда, но предполагает, что это сделала А. А. Знаменская, «хорошо знакомая с семьей Ульяновых».

Небезынтересна ее дальнейшая жизнь. В 1891—1892 годах А. А. Знаменская участвовала в борьбе с голодом, охватившим Поволжье. В январе 1893 года, преодолев многочисленные препоны, она вместе с учительницей В. В. Кашкадамовой организовала в Симбирске первую в России провинциальную бесплатную народную библиотеку-читальню имени И. А. Гончарова. В годы первой русской рево-

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 116.

люции А. А. Знаменская издавала и редактировала в Казани левую газету.

Тюремное заключение, ссылка, эмиграция и постоянные преследования по возвращении в Россию не сломили решимости матери шестерых детей бороться за освобождение народа. К сожалению, А. А. Знаменская в период гражданской войны была сторонницей плехановского «Единства».

Свой жизненный путь 70-летняя женщина закончила в Симбирске, работая в одном из советских учреждений. Газета «Заря», орган Симбирского комитета РКП(б) и губисполкома, почтила ее память 3 марта 1922 года следующим извещением: «Смерть основательницы Гончаровской библиотеки. В 2 часа ночи на 28 февраля скончалась от сыпного тифа основательница Гончаровской библиотеки Знаменская. Похороны состоялись на Покровском кладбище».

...Просматривая литературные заявки Ильи Николаевича, я обнаружил в областном госархиве счет известного книготорговца И. И. Глазунова на имя директора народных училищ Симбирской губернии. В этом денежном требовании, поступившем к И. Н. Ульянову 12 августа 1881 года, всего два наименования: «Сочинен. Писарева, т. 6, 1 экз., ц. 1 р.» и «Органическая химия» Алексеева, 1 экз., ц. 1 р. 75 к.» [1].

Выходит, что Ульяновы имели произведения полюбившегося критика-демократа и в своей домашней библиотеке. Но если это так, то почему они пользовались книжным собранием врача?

Однозначный ответ на этот вопрос теперь дать невозможно. Можно только предполагать, что Илья Николаевич — по личной инициативе или по просьбе детей — решил постоянно иметь сочинения Писарева у себя дома. Не исключено, что Ульяновы брали у И. С. Покровского томики сочинений Писарева первого издания (1866—1869 годов), так как оно было полнее, чем второе. Это тем более вероятно, что в последнем издании цензура изъяла четвертую часть сочинений из-за революционной направленности статей «Генрих Гейне» и «Мыслящий пролетариат» (о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»). А произведения Гейне, как указывалось выше, Анна Ильинична полюбила именно под влиянием Писарева. Следовательно, как бы то ни было, Ульяновы, в том числе и Владимир Ильич, пользовались в своей домашней

---

[1] ГАУО, ф. 99, оп. 1, д. 917, л. 35.

библиотеке вторым изданием сочинений Д. И. Писарева.

По моей просьбе Ульяновский Дворец книги имени В. И. Ленина выписал по межбиблиотечному абонементу из Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина «Сочинения» Писарева издания 1872 года. Шестая часть, то есть та, которую Илья Николаевич получил по почте в 1881 году, имеет особое название: «Статьи по естествознанию». Сюда вошли: «Процесс жизни (по Фохту)», «Физиологические эскизы Молешотта», «Физиологические картины Бюхнера» и «Прогресс в мире животных и растений». Последняя из этих статей является, как известно, талантливым изложением основных положений учения Чарльза Дарвина о происхождении видов.

В суждениях Д. И. Писарева о русской литературе, в частности о творчестве Пушкина, есть ошибочные мысли. Идеалистичны его представления о том, что перемены в жизни людей определяются в конечном счете развитием знания. Ему свойственна переоценка взглядов вульгарных материалистов. И все-таки заслуги Писарева в пропаганде естествознания очень велики. Благотворное влияние его работ испытали на себе К. А. Тимирязев, И. П. Павлов и другие великие ученые России. Владимир Ильич ценил заслуги Д. И. Писарева в развитии русского революционного движения. И это мнение начало складываться еще в годы юности, когда он, благодаря отцу, получил возможность в любое время достать из книжного шкафа сочинения критика-демократа.

ПОДАРОК СТАРШЕЙ СЕСТРЕ

На книжной полке в комнате Александра Ильича один том экспонируется в развернутом виде — так, чтобы посетители ульяновского Дома-музея В. И. Ленина сами могли прочесть фамилию автора и название произведения: «**История умственного развития Европы** Джона Вильяма Дрэпера, профессора химии и физиологии в Нью-Йоркском университете». Далее на титульном листе указывается, что перевод первого тома, вышедшего в Петербурге в 1874 году, осуществлен с английского под редакцией А. Н. Пыпина.

Кроме типографского текста здесь же имеются две надписи черными чернилами «С. М. Чугунов» и «75 г. фвр. 27»,

а также хорошо сохранившийся оттиск небольшой овальной печати на красном сургуче. Скорее, это даже не печать, а экслибрис — знак, указывающий на владельца книги,— «СМЧ» (то есть С. М. Чугунов), символическое изображение его интересов — судовой якорь, над которым по-немецки («Mehr liest») начертан девиз: «Больше читай». Точно такие же чернильные записи и сургучный отпечаток сохранились и во втором томе, где, кроме того, (на форзаце) той же рукой проставлена и общая (с пересылкой) цена монографии Д. В. Дрэпера: «4 р. + 60 к.»

Кто такой Чугунов и при каких обстоятельствах его двухтомник попал к Александру Ульянову? Почему «История умственного развития Европы» выделена на книжной полке? Ответы на эти вопросы содержатся в воспоминаниях Анны Ильиничны об Александре Ильиче. Отрицательно характеризуя большинство преподавателей Симбирской классической гимназии, у которых учился брат, она более или менее с сочувствием остановилась на одном из них.

«Лучшим, по крайней мере, очень чистым как личность был старик С. М. Чугунов, с которого, как говорят, Гончаров списал Козлова в «Обрыве». Идеалист, совершенно ушедший от жизни в науку, обложенный книгами, он преподавал латинский язык с первого и историю с третьего класса. Ученики широко пользовались его рассеянностью, добротой, глухотой и всячески проводили его. Брат рассказывал, например, что на вопрос по латинской грамматике, в каком падеже слово, они наловчились выкрикивать лишь конец: «и — ительный». А недоверявший своему слуху педагог подтверждал: «Да, да, творительный» или «винительный» [1].

3 февраля 1880 года статский советник Чугунов, находясь уже в отставке, скоропостижно скончался. Вдова его Клавдия Сергеевна стала искать покупателей на скудное «движимое имущество», оставшееся в наследство. Вот при таких обстоятельствах летом этого же года в квартире своего бывшего учителя появился четырнадцатилетний Александр Ульянов. На деньги, заработанные частными уроками, он приобрел для своей домашней лаборатории несколько приборов, а также «**не мало книг** из распродававшейся дешево библиотеки Чугунова. Так, — вспоминала Анна Ильинична,—

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 53.

там он купил и подарил мне ко дню рождения или именин Дрэпера «Умственное развитие Европы» [1].

Итак, Чугунов — личность, в определенном смысле, историческая. Поэтому естественно стремление исследователя собрать о нем по возможности больше сведений. Изучение архивных дел показало, что гимназическим учителем Александра Ульянова и прототипом гончаровского Козлова в «Обрыве» был не «С. М. Чугунов», а Михаил Иванович Чугунов. Действительным владельцем лабораторного оборудования и двухтомника Д. В. Дрэпера, приобретенных Александром Ильичем, был его сын.

Сергей Чугунов был незаурядным юношей. В гимназические годы он занимался не столько изучением обязательных схоластических предметов, сколько углубленным и целеустремленным самообразованием. «История умственного развития Европы», полученная им по почте 27 февраля 1875 года, — конкретный пример того, что его интересовало в восьмом классе. Но есть и другой, еще более интересный факт. 7 октября того же года, когда Сергей Михайлович был уже студентом-медиком Казанского университета, жандармы изъяли у него при обыске несколько запрещенных народнических брошюр, а также такие книги, как «Современный материализм в Германии» и первый том «Капитала» К. Маркса на русском языке!

С. М. Чугунов не был революционером в современном понимании этого слова, хотя и писал:

Душа рвется в мир труда,
Чтобы насладиться борьбой за рабочих людей,
Истомленных трудом,
За несчастных детей,
Изнуренных кнутом...

Больше он мечтал о просветительстве и считал, что «положение может улучшиться, если каждый в своей сфере — медика, ученого и проч. будет действовать честно и тем самым, своим трудом, облегчит участь народа» [2].

За хранение запрещенных изданий и активное участие в симбирском подполье Сергей Чугунов побывал, хотя и недолго, в казанской тюрьме, затем на пять лет попал в списки политических поднадзорных.

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 74. (Выделено мной. — Ж. Т.).

[2] ЦГАОР, ф. 109, 1874—1880, д. 144, ч. 93, л. 84.

В 1880 году он все-таки окончил университет и на лето приехал к матери в Симбирск. Наверное, молодой лекарь сам и производил распродажу своего лабораторного имущества и библиотеки.

Анна Ильинична подчеркивала, что Александр Ильич приобрел у Чугуновых «не мало книг», но, кроме монографии Дрэпера, не назвала других произведений. И все-таки есть основания полагать, что «История цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, которую она, вслед за братом прочла этим летом, была тоже куплена из того же собрания. О некоторых других книгах можно предполагать на основании воспоминаний С. М. Чугунова и его земляков-единомышленников, прямо или косвенно подтверждавших, что наиболее повлияло на их умственное развитие. Сам Сергей Михайлович называет писателей и наиболее значительные произведения в таком порядке: «Война и мир» Л. Н. Толстого, А. В. Кольцов, В. Г. Белинский, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, «Отцы и дети» И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» А. П. Щапова, «Исторические письма» П. Л. Лаврова, Н. А. Некрасов, «О рабочих ассоциациях» М. Л. Михайлова.

Перечислять далее нет надобности. Думается, что для краеведов и библиофилов Ульяновска, Казани и Куйбышева важнее другое: каждая книга по естествознанию, физике, химии, физиологии, истории и социологии, а также томики русских классиков, на которых имеются экслибрисы С. М. Чугунова 70-х годов XIX века, заслуживают того, чтобы их перелистали, так как в них могут оказаться пометки Ульяновых.

Различного рода подчеркивания карандашом в тексте и на полях, уточнения смыслового перевода слов и восклицательные знаки встречаются и на многих страницах «Истории умственного развития Европы» Д. Дрэпера, находящейся на книжной полке Александра Ульянова. Есть там и несколько засохших колосков степного злака, серебристых листочков дикой маслины, лепестков какого-то цветка, похожего на лесную герань, вложенных при перерывах в чтении или в качестве закладок. Заметны и следы от других засохших растений.

Кто сделал пометки в книге, чьей рукой вкладывались между страницами эти летние закладки? Сергей Чугунов

как указывалось выше, приобрел труд Д. Дрэпера 27 февраля 1875 года и прочел его в течение зимы или ранней весной — до начала испытаний на аттестат зрелости и подготовки к поступлению в Казанский университет. Но если даже он читал и позже, то при продаже книги постарался бы убрать посторонние предметы, либо это сделал покупатель. Вряд ли Александр Ильич оставил бы в книге, которую дарил сестре, чужие закладки. Скорее всего, что и частицы «растительного царства» вкладывал между страницами кто-нибудь из Ульяновых, уединившись где-то на лоне природы и размышляя над «Историей умственного развития Европы».

Это фундаментальное исследование Д. В. Дрэпер писал отнюдь не для детей. В гимназии также не могли рекомендовать произведение, автор которого, будучи деистом, отвергал «божественное откровение, боговдохновленность священных книг и церковные авторитеты» [1].

Остается предполагать, что фамилию автора «Истории умственного развития Европы» Александр Ильич встретил либо в тех трудах по физике и химии, которые рекомендовал ему отец, либо запомнил по повести И. С. Тургенева «Дым», где один из героев называет Дрэпера первым в ряду крупнейших исследователей XIX века [2].

Перелистаем «Историю...» и попытаемся представить, какие места в книге американского профессора могли заинтересовать Ульяновых. Уже сама формулировка основной идеи труда, изложенная на первой странице первого тома, выглядела интригующе: «Одни утверждали, что человеческие дела вполне определяются свободными действиями, другие, что нами на каждом шагу руководит Провидение, третьи, что все события предназначены Судьбой. Нам следует определить, насколько верно каждое из этих мнений».

Забегая вперед, отметим, что точка зрения автора сводилась к тому, что главной движущей силой общественного развития является просвещение, человеческий разум, который, однако, в конечном счете обусловлен-де проявлением некоей «божественной силы». Но эти типичные позитивистские заблуждения не помешали Дрэперу дать немало верных картин многострадальной истории цивилизации Европы.

---

[1] Философская энциклопедия. М., 1960, с. 75.
[2] И. С. Тургенев. Полн. собр. соч., т. 9. М.—Л., «Наука», 1965, с. 163.

Особенно впечатляющи те страницы, на которых он разоблачал алчность, безнравственность, жестокость высшего духовенства и коронованных властителей. «Беспристрастная история должна признать,— писал Дрэпер о начале христианской эры,— что все эти скандальные и тиранические действия гражданской власти обязаны своим происхождением власти духовенства и что последнее ответственно за них. Оно виновато и во влиянии, каким пользовались у самодержавной власти безнравственные, бессовестные женщины, евнухи, паразиты, грубые солдаты» [1].

«Македоний, епископ константинопольский, прошел по трупам трех тысяч людей, чтобы сесть на епископский престол...» [2]. Карл Великий — речь шла уже о начале IX века — «беспощадно приводил смертную казнь за отказ от крещения, за ложное показание о крещении и даже за употребление мяса во время великого поста» [3].

«Безобразная жизнь, которую вели папы (римские. — Ж. Т.), была побудительною причиною всех движений в Германии, Франции и Англии» [4]. Обойдя многие «из таких случаев, которые должны глубоко возмущать» религиозных читателей, Дрэпер все же привел краткий перечень деяний римских первосвященников «между половиною восьмого и половиною одиннадцатого века». Одни из них взошли на папский престол обманным путем. Другие были изгнаны с позором из Рима «за свою развратную, безнравственную жизнь». А Виктор III, сменивший Бенедикта IX, заявил, что жизнь этого папы «была так постыдна, так безобразна, что он не в силах ее описать. Он правил скорее как предводитель бандитов, чем как прелат» [5].

Показывая деградацию римской церкви в последующие столетия, Дрэпер перечисляет характерные для нее пороки: «производство чудес с помощью реликвий, искупление преступлений с помощью пожертвования деньгами и имуществом в пользу духовенства, продажа бенефиций, отпущение грехов за деньги и т. п.» [6].

---

[1] Д. В. Дрэпер. История умственного развития Европы. Перевод с англ. под ред. А. Н. Пыпина. Изд. 3-е. Том 1. Спб., 1874, с. 243.

[2] Там же, с. 231.

[3] Там же, с. 287.

[4] Там же, с. 290.

[5] Там же, с. 292.

[6] Там же, с. 448.

6 Заказ 231

Папскую инквизицию он назвал «возмутительным учреждением», которое долгие годы было «серьезной преградой для прогрессивного развития человеческого ума» [1]. С отвращением Дрэпер писал и об ордене иезуитов, не брезговавших никакими средствами для укрепления могущества римских пап.

Но и реформация после своей победы далеко не всегда отличалась веротерпимостью. Так, суровый Кальвин, воспользовавшись случайным проездом через Женеву Сервета, открывшего отчасти кровообращение, велел схватить его и предать пламени.

«...Два часа его поджаривали на медленном огне, несмотря на его просьбы подложить, ради Христа, немного больше дров или каким-либо другим образом прекратить его мучения» [2].

Нелестно мнение Дрэпера о греческой церкви, о теологических построениях Магомета и практической деятельности мусульманского духовенства. Вся критика религиозного ханжества и обскурантизма ведется им ради того, чтобы доказать необходимость отделения церкви от государства и желательность введения во всех странах свободы верований.

Однако позитивная программа профессора воспринималась далеко не всеми и не в полном объеме. Скорее всего вдумчивым читателям, в том числе и Александру Ульянову, «История умственного развития Европы» помогла в ином: в окончательном разрыве с религией. Уместно в связи с этим привести такой пример. На 307 странице второго тома своего труда Д. Дрэпер высказывает мысль, что человек отличается от других существ тем, что «он один обладает бессмертной сознательной душой». Кто-то, наверное С. М. Чугунов или Александр Ильич, сделал на полях около этих строк выразительную помету карандашом: «? метафизика!..»

Несомненным достоинством монографии является умелая пропаганда ее автором вклада в науку Коперника, Бруно, Галилея, Леонардо да Винчи, Ньютона, Кеплера и других титанов умственного прогресса. И с этой точки зрения труд Джона Дрэпера наверняка оказал влияние на усиление интереса Александра, а затем и Анны, Владимира и Ольги Ульяновых к точным наукам еще в гимназическую пору.

---

[1] Д. В. Дрэпер. История умственного развития Европы, с. 506.

[2] Там же, с. 510.

...Анне Ильиничне запомнилось, что Александр, которому было около 13 лет, воскликнул во время беседы о только что прочитанном серьезном произведении: «Как интересны книги для взрослых!» [1] Фундаментальное исследование Д. В. Дрэпера, которое он подарил старшей сестре, очевидно, тоже причислялось ими к разряду «интересных».

С той поры прошло столетие. Жизнь подтвердила правоту Ф. Энгельса, критиковавшего в «Диалектике природы» автора «Истории умственного развития Европы» и его единомышленников-естествоиспытателей за утверждение о том, что «только природа действует на человека и что только природные условия определяют повсюду его историческое развитие», за забвение того, что «и человек воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования» [2].

К научному пониманию общественного развития вплотную подойдут еще в симбирские годы и старшие дети Ульяновых, овладевшие благодаря родителям высокой культурой чтения. Подарок Александра Ильича — одно из дошедших до нас свидетельств этого.

ПАМЯТНАЯ НАГРАДА

Наиболее ответственным из младших классов для Владимира Ульянова и его соучеников по Симбирской классической гимназии был четвертый класс. Именно при окончании этого класса гимназистам предстояло сдавать устные экзамены, на которых проверялись знания и за предыдущие годы учения.

Насколько это было сложно, можно судить хотя бы по тому, что они отчитывались — помимо родного языка, математики, древней истории, географии и «закона Божия» — по пяти языкам: латыни, греческому, немецкому, французскому и славянскому. А о строгости экзаменов говорит такой факт: из 48 четвероклассников в пятый класс перешло 24 мальчика, то есть половина. И только Владимир Ульянов, окончивший и этот класс первым учеником, был удостоен

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 60.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. М., Политиздат, 1961, с. 546.

памятной награды — второго тома «Жизни европейских народов» Е. Н. Водовозовой, изданного в Петербурге в 1881 году. Этот том — единственная книга, сохранившаяся из всех тех, которыми Владимир Ильич премировался в школьные годы. Ныне она находится в Центральном музее В. И. Ленина.

На форзаце книги большого формата, содержащей 529 страниц текста и 24 оригинальных рисунка, большинство из которых выполнено знаменитым В. М. Васнецовым, четкая дарственная надпись, скрепленная печатью и автографами преподавателей: «Педагогический совет Симбирской гимназии, уважая отличные успехи, прилежание и похвальное поведение воспитанника IV класса **Ульянова Владимира**, наградил его сею книгою при похвальном листе. Симбирск. Мая 30 дня 1883 года».

Похвальные листы за третий и пятый классы сохранились, и, хотя пока неизвестно, какими именно изданиями пополнилась тогда личная библиотека Владимира, думается, что наградами были первый и третий тома «Жизнь европейских народов». Разрозненные части одного произведения не принято дарить. Кроме того, демократически настроенный историк С. Н. Теселкин, занимавшийся приобретением литературы для гимназии и нередко бывавший в доме Ульяновых, наверняка бы позаботился, чтобы награды за третий-пятый классы составили полный комплект труда Е. Н. Водовозовой. Это фундаментальное произведение популярной детской писательницы привлекало внимание всей передовой общественности. Например, как только вышел в свет третий том «Жизни европейских народов», либеральный «Вестник Европы» и редактируемые М. Е. Салтыковым-Щедриным «Отечественные записки» сочли нужным откликнуться рецензиями.

Оба критика этих, регулярно читаемых Ульяновыми журналов в целом положительно оценили 15-летние усилия автора по систематическому описанию жизни и культуры европейских народов. «Изображение это ведется г-жею Водовозовой,— отмечали «Отечественные записки»,— легко и живо; она точно путешествует и рассказывает нам все, что видит. Если не ошибаемся, это оценено уже публикою — издание г-жи Водовозовой не лежит и издательницу собою не обременяет» [1].

---

[1] «Отечественные записки», 1884, март, с. 62.

Выражая уверенность, что в «Жизни европейских народов» читатель найдет «немало интересного и вообще такого, что он не знал и с чем познакомиться ему вовсе не лишне», рецензент «Отечественных записок» упрекнул вместе с тем автора за «обилие разных подробностей, растянутость и вообще длинноту изложения».

Критик «Вестника Европы» сосредоточил внимание на анализе только третьего тома. Он, в частности, считал «преувеличением» такие изречения, как: «Германия... это общая казарма и канцелярия» или: «немецкая девушка с первых дней детства до своей смерти ведет жалкую затворническую жизнь, сначала в душной атмосфере детской, потом в классной, а после замужества в кухне» [1].

Отвечая последнему оппоненту на страницах того же журнала, Е. Н. Водовозова указала новейшие английские источники, которыми она пользовалась при освещении положения немецких женщин. Что же касается «сильного развития милитаризма в Германии и его вредного влияния на экономическое положение страны,— заявила она в открытом письме к редактору «Вестника Европы»,— это хорошо известно каждому».

Отклонила писательница и упрек в том, что в книге недостает «сравнений с явлениями русской жизни». По ее мнению, беспристрастный показ «как дурных, так и хороших сторон жизни и нравов других народов побудит русского читателя к анализу и наблюдательности и по отношению к явлениям русской действительности» [2].

А было ли над чем, помимо описания городов и сел, жилищ, одежды и различных обрядов, поразмыслить вдумчивому читателю? Если да, то какие именно страницы из социально-экономической жизни Европы могли привлечь внимание Ульяновых и дать тем самым пищу для раздумий о тех или иных сторонах и событиях «родной действительности»?

Ответы на подобные вопросы лучше всего искать в первоисточнике. В областных библиотеках Ульяновска и Пензы имеются все три тома «Жизни европейских народов»,

---

[1] «Вестник Европы», 1884, январь, «Библиографический листок».

[2] «Вестник Европы», 1884, январь, с. 866.

причем как первого (1875—1878), так и второго (1878—1883) изданий.

Естественно желание просмотреть прежде всего второй том второго издания, лежащий рядом со «Стихотворениями» Н. А. Некрасова на столике в комнате гимназиста Владимира Ульянова Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске. И вот что сразу привлекает внимание: на первой же странице «Списка источников», использованных автором исследования, значится: «Маркс. Капитал. Спб. 1872»!

Эта строка из «Списка», составленного Е. Н. Водовозовой для того, «чтобы избавить от библиографических затруднений тех, которые пожелают подробнее ознакомиться с изложенными у нас фактами», является одной из первых печатных рекомендаций труда основоположника научного социализма, которые были известны гимназисту Владимиру Ульянову.

А сказалось ли влияние «Капитала» на отборе фактов из жизни европейских народов в произведении Е. Н. Водовозовой? Для выяснения этого вопроса следует припомнить черты гражданского облика писательницы. Одна из лучших воспитанниц К. Д. Ушинского по Смольному институту Е. Н. Водовозова (урожденная Цевловская) в 1863 году написала статью по поводу романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», которую современники назвали «голосом пробудившейся русской женщины, искавшей путей духовного освобождения от крепостного гнета, предрассудков, суеверий, желавшей вступить на путь общественного служения» [1].

Целью своей жизни Елизавета Николаевна, как и ее муж Василий Иванович Водовозов — известный русский педагог-просветитель, друг К. Д. Ушинского, избрала служение народному образованию. Их книги по дошкольной педагогике и методике обучения и воспитания учащихся широко распространял И. Н. Ульянов в подведомственных ему начальных школах Симбирской губернии. Некоторые труды супругов Водовозовых не потеряли своего значения и в наши дни. Небезынтересно также и то, что Александр Ульянов в студенческие годы пользовался библиотекой Водовозовых и брал у их сына Василия журнал «Немецко-французский

---

[1] Проф. И. В. Чувашев. Очерки по истории дошкольного воспитания в России (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1955, с. 174.

ежегодник» со статьями К. Маркса. Наконец, Владимир Ильич тоже общался с Василием Водовозовым в 90-х годах в Самаре и даже переписывался с ним. Позже, правда, он резко критиковал В. В. Водовозова за принадлежность к «трудовикам» [1].

Однако вернемся к 60—70-м годам прошлого века, когда Е. Н. Водовозова работала над известными этнографическими очерками. Супруги Водовозовы по-прежнему испытывали влияние идей Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Это проявлялось, в частности, в дружеском общении с Г. З. Елисеевым, В. А. Слепцовым, братьями В. С. и Н. С. Курочкиными, П. Л. Лавровым, Н. К. Михайловским, Г. А. Лопатиным и другими выдающимися представителями передовой России. И даже в 80-х годах — «в эпоху реакции и идейного разброда, охватившего русскую интеллигенцию,— Водовозовы остались верны прежним демократическим идеалам» [2].

Это заметно опять-таки во втором томе «Жизни европейских народов», особенно в самом большом очерке — «Англия». Нарисовав картины жизни «полной безумной роскоши», в которой живут лондонская аристократия, банковские воротилы и предприниматели, Е. Н. Водовозова рассказывает о тех районах города, где «приютилась такая голь и беднота, подобно которой не найдешь ни в одной просвещенной столице. Дома здесь имеют вид отвратительного хлева».

В улицах пролетарских кварталов Лондона, продолжает писательница, «по понедельникам и вторникам устраиваются рынки детей», на которых пролетарии вынуждены отдавать своих ребят «лет семи и старше» всякому, кто захочет их нанять на работу. Эти рынки можно сравнить только «с базарами, на которых продаются рабы, да и то нужно ехать в средину Африки, чтобы найти народ, у которого бы рабы продавались собственными родителями».

Не лучше было положение и в провинции. «В крошечной комнате, где, казалось бы, вполне хорошо могут растянуться двое, спят от 8 до 12 шахтеров», отработавших «целый день до изнеможения в сырости и духоте». «Хотя по нынешнему закону работы на фабриках и в рудниках должны продол-

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 237—246, 267—274.

[2] Е. Н. Водовозова. На заре жизни. Т. 1. М., «Художественная литература», 1964, с. 10. (Предисловие Э. С. Виленской и Л. И. Ройтберг.)

жаться для взрослых не более 10 часов, а для детей, которым не минуло 12 лет,— шесть часов, на деле все эти законы мало исполняются».

«В Англии земля находится в руках нескольких тысяч семейств — преимущественно аристократии, народ же там совсем не имеет земли. Вот почему в Англии так богаты, так могущественны, живут с таким царским великолепием и блеском высшие классы и почему так бедны, несчастны хлебопашцы, которые по найму обрабатывают землю богатых».

«Ни в одной стране вы не встретите столько высокообразованных людей, и нигде мрак невежества не господствует в такой степени, как в Англии. Никто более англичан не стремится к уничтожению невольничества, и никто более их не умел порабощать и обездоливать подвластные племена. Все наши очерки об Ирландии ясно показывают,— продолжала писательница,— что англичане до тех пор угнетали эту страну, пока буквально не сделали весь народ нищим».

Касаясь политического строя страны, Водовозова подчеркивает, что власть короля ограничена парламентом, «который состоит из наследственных лордов и представителей имущих классов». Но почему не попадает в депутаты простой народ? В книге Е. Н. Водовозовой есть ответ: «Прежде всего потому, что и до сих пор выборы стоят порядочных денег. Помимо угощений нужны деньги на объявления, которые наклеивают на всевозможные экипажи, на стены домов, на пароходах и железных дорогах».

Важную роль в общественной жизни играет пресса. Но «издание хорошей газеты стоит громадных сумм... Поэтому издание больших газет доступно только одним капиталистам или акционерным компаниям». Рабочий люд «от всей души ненавидит фабрикантов, которые только и думают, как бы увеличить свой капитал, как бы урвать у рабочего его трудовой грош и его время». Но он уже понял необходимость организованной борьбы со своими угнетателями и, несмотря на «страшные бедствия, которые приходится выносить... во время стачек», все чаще и успешнее применяет их для улучшения жизненных условий. Стачки и «рабочие союзы» Е. Н. Водовозова называет «главными орудиями борьбы против эксплуатации со стороны фабрикантов».

Во втором томе приводится немало других картин бедственного положения народных масс и критических сужде-

ний по адресу господствующих классов. В некоторых случаях описания и даже примеры похожи на те, которые имеются в «Капитале» К. Маркса и «Положении рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса. Однако Е. Н. Водовозова, как и другие народнические писатели, охотно использовавшие марксистскую критику буржуазного общества, не представляла себе в полной мере исторической миссии пролетариата.

И все же ее суждения о классовой борьбе и социализме, которые наиболее полно изложены автором в третьем томе «Жизни европейских народов», в очерке «Германия», для пытливого русского читателя были далеко не безразличны, а для таких, как Ульяновы, — в особенности.

Вот отрывок из этого очерка: «Германский социализм пустил глубокие корни во всем народе. Выборы депутатов доказывают, что последователи социализма считаются теперь сотнями тысяч и имеют в парламенте своих представителей. Опасаясь учения социалистов, германское правительство надеялось обессилить их, преследуя всевозможными мерами: арестами главных вожаков этой партии, конфискацией газет, подавлением многих центров этой огромной социалистической организации, более бдительным полицейским надзором, — но ничто не помогло. Чем более увеличивается число недовольных своим положением, тем быстрее растет партия социалистов. Следовательно, чем более усиливают репрессивные меры против этой партии, тем более увеличится число недовольных и усилится ненавистная для правительства партия. Ослабить силу социализма можно только существенными улучшениями в народном быте».

...И кто знает, не перечитывал ли Владимир Ульянов эти строки из своей наградной книги весной 1887 года при подготовке к экзамену по истории и географии, в те трагические майские дни, когда после казни брата с небывалой остротой встал вопрос о выборе пути борьбы за освобождение трудящихся масс.

СЫН ЧЕРНЫШЕВСКОГО — ОДНОКУРСНИК А. УЛЬЯНОВА

Рассказывая на суде по делу 1 марта 1887 года о том умственном процессе, который привел его к решению вступить в борьбу с правительством, Александр Ульянов смело

заявил, что уже «в ранней юности» испытывал «чувство недовольства общим строем». Особенно его возмущала та жестокость, с какой самодержавие расправлялось с наиболее талантливыми выразителями свободолюбивой мысли.

Еще в Симбирске он сильно переживал трагическую гибель Д. И. Писарева, проведшего лучшие годы в Петропавловской крепости. «Говорят, что жандарм, следивший за Писаревым, — рассказывал он сестре Анне, — видел, что он тонет, но намеренно оставил его тонуть, не позвав на помощь». В одно из первых воскресений своего пребывания в Петербурге брат и сестра посетили Петропавловскую крепость и, по словам Анны Ильиничны, с глубокой болью смотрели на «мрачные тюремные стены, за которыми сидел четыре года наш недавний кумир Писарев...» [1]. Тягостное впечатление произвели на Александра Ильича похороны И. С. Тургенева 27 сентября. На них, писал он впоследствии, правительство представляли «казаки с нагайками и городовые» [2].

Немаловажную роль в росте его недовольства сыграла неслыханно тяжкая судьба Н. Г. Чернышевского, в честь которого во время добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 года неоднократно провозглашались здравицы. И это понятно. Как ни возмущали гонения на Щедрина, но он все же оставался на свободе. А Чернышевский, которого вся передовая Россия считала своим учителем, почти четверть века продолжал томиться в заключении и ссылках.

Александр Ульянов и его окружение переживало трагедию Н. Г. Чернышевского острее, чем многие современники, еще и потому, что сын Николая Гавриловича, Михаил, был их сокурсником. Так как этот факт до сих пор оставался не известным исследователям, то остановимся на нем подробнее. Это, возможно, приблизит нас к пониманию того, почему восемнадцатилетний Владимир Ульянов, находясь в кокушкинской ссылке, обратился с письмом к Н. Г. Чернышевскому.

...Изучая состав Поволжского землячества, одним из руководителей которого был А. И. Ульянов, я решил посмотреть студенческое дело М. Н. Чернышевского, занимавшегося с 1880 года на историко-филологическом факультете Петербург-

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 72, 93.

[2] 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др. М.—Л., 1927, с. 381 (в дальнейшем — 1 марта 1887 г.).

ского университета. Делал я это, что называется, на всякий случай, так как из воспоминаний Н. М. Чернышевской было известно, что высшее образование ее отца «оборвалось на втором курсе филологического факультета» [1] и, следовательно, Михаил Чернышевский и Александр Ульянов (поступивший в 1883 году на физико-математический факультет) учились в разные годы и могли даже не видеть друг друга.

Документы личного дела захватили меня с первых же страниц. Они позволили зримо представить те материальные трудности и лишения, которые в течение многих лет испытывала семья великого революционного демократа. Подлинные «Удостоверения» и «Свидетельства», подписанные в октябре 1882 года в Саратове двенадцатью чиновниками и мировым судьей, официально подтверждали, что Ольга Сократовна Чернышевская, проживавшая в этом городе, «не имеет средств к содержанию своего сына студента С.-Петербургского университета Михаила Николаевича Чернышевского» и сама существует на средства своих детей.

Документы подобного рода, называвшиеся обычно «Свидетельствами о бедности», представлялись в учебные заведения вместе с прошениями об освобождении от платы за слушание лекций и назначении стипендии. Подал такое прошение, приложив указанные два документа о бедности, и М. Н. Чернышевский. «Имея нужду в средствах, — писал он ректору университета, — как для собственного существования, так и для поддержания матери, решаюсь просить Ваше превосходительство о назначении мне стипендии Макиной, душеприказчик которой г. Шимкевич изъявил на это свое полное согласие» [2].

Более трех месяцев понадобилось правлению университета для того, чтобы в феврале 1883 года на прошении появилась архикраткая резолюция: «Отказать».

Нужда заставила Михаила Чернышевского на время прекратить занятия и пойти работать. Некоторую роль в принятии этого решения сыграло и недовольство схоластическим содержанием предметов, изучавшихся в эпоху засилья классицизма на историко-филологическом факультете.

---

[1] Н. М. Чернышевская. Младший сын Н. Г. Чернышевского. — В сб.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 3. Саратов, 1962, с. 193.

[2] Ленинградский областной государственный исторический архив, ф. 14, оп. 3, д. 21516, л. 23.

25 августа 1883 года М. Н. Чернышевский, числясь студентом второго курса, подал ректору прошение о переводе с «историко-филологического факультета на физико-математический разряда естественных наук».

Итак, неожиданно выяснилось, что Михаил Чернышевский и Александр Ульянов почти день в день поступили на один и тот же факультет и даже на одно отделение! К сожалению, их совместная учеба продолжалась лишь около года. Но в течение этого времени Александру Ильичу довелось на занятиях не раз вблизи видеть Михаила Николаевича, и каждая такая встреча вновь и вновь напоминала ему о трагедии его великого отца.

...Впервые после многолетнего перерыва имя вождя революционной демократии появилось в печати в январе 1881 года, когда либеральная газета «Страна», используя революционную ситуацию, осмелилась публично обратиться к царю с призывом проявить к нему «милосердие».

Прогрессивный журнал «Русская мысль» тут же поддержал выступление газеты, подчеркивая, что Н. Г. Чернышевский, томящийся 17 лет на «безжалостно холодном севере Сибири, без семьи, без общества, заживо погребенный», искупил, если даже был виноват, свою вину. «Социалистическая окраска некоторых его сочинений, — заключал обозреватель журнала, — не есть такое зло, которое общество и государство никогда не прощают».

Александр Ульянов, как и его родные, читал эти строки еще в Симбирске. Но с тех пор прошло более двух лет, а положение Н. Г. Чернышевского не изменилось. Ходили, правда, слухи, что в связи с предстоящим коронованием Александра III правительство, боясь террористических актов со стороны народовольцев во время торжеств, дало согласие на перемещение Н. Г. Чернышевского в европейскую Россию. В действительности же согласие царя последовало в ответ на официальное прошение, поданное 9 мая 1883 года Михаилом и Александром Чернышевскими.

«Вот уже более двадцати лет, — писали они, как наш отец Николай Гаврилович Чернышевский несет тяжелую постигшую его кару! Два года одиночного заключения в крепости, годы работ в рудниках и долгие, долгие годы в самой суровой, пустынной местности, вдали от семьи, вдали от всего, что хотя сколько-нибудь могло успокоить его болезненную старость! И с каждым днем силы его падают все более и бо-

лее и кара его не облегчается, но становится тяжелее и тяжелее»[1].

23 августа 1883 года Н. Г. Чернышевский, как «секретный преступник № 5», под конвоем двух жандармов, в обстановке глубочайшей тайны, выехал из Вилюйска в Астрахань. Одними из первых об этой радостной новости узнали скорее всего Александр Ульянов и другие однокурсники Михаила Чернышевского: 24 октября тот официально отпрашивался в ректорате для поездки в Астрахань и теперь мог открыто поделиться новостью с товарищами.

В середине ноября Михаил возвратился в Петербург и стал появляться на занятиях. Окружающим хотелось услышать подробности о его поездке, но он, понимая, что среди студентов мог оказаться и осведомитель охранки, едва ли сказал сокурсникам более того, что отец выглядит сравнительно бодро.

А каково было мнение Н. Г. Чернышевского о сыне, которого он не видел почти 20 лет? Его обрадовало, что Михаил очень начитан, обладает искусством выразительного чтения, наследственным даром юмора и недюжинной физической силой (завязывал узлом железную кочергу и ломал ладонью серебряную монету). Правда, Николай Гаврилович скептически отнесся к намерению сына стать врачом. В письме к А. Н. Пыпину он писал, что Михаилу лучше всего оставить учебу и «сделаться моим помощником»[2].

Занятия М. Н. Чернышевского в университете шли с большими перебоями. В апреле 1884 года он был вынужден оставить учебу[3]. Но и после ухода Михаила Чернышевского из университета Александр Ульянов имел возможность узнавать новости о нем и его семье. Об этом ему могли сообщать члены Поволжского землячества, в частности революционно настроенные студенты-саратовцы С. С. Мельников и С. П. Феокритов. Но с еще большей вероятностью это допустимо утверждать в отношении И. М. Гревса, с которым Александр Ильич общался в библиотеке и на заседаниях научно-литературного студенческого общества при университете. И. М. Гревс

---

[1] И. М. Романов. Н. Г. Чернышевский в Вилюйском заточении. Якутск, 1957, с. 215.

[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, с. 412.

[3] М. Н. Чернышевский многое сделал по сбору материалов для биографии отца, изданию его сочинений и основал в Саратове мемориальный музей Н. Г. Чернышевского.

очень хорошо знал М. Н. Чернышевского еще со школьной скамьи, и дружеские связи между ними поддерживались многие десятилетия.

В последний год своей жизни, когда Александр Ульянов, разрабатывая программу террористической фракции, пристально следил за революционной литературой, он находил в ней некоторые подробности о жизни Н. Г. Чернышевского или оценку его деятельности. Неоднократно он и сам обращался к сочинениям вождя революционной демократии, от которых, по определению В. И. Ленина, веяло «духом классовой борьбы». Несомненно, они способствовали тому, что смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для Александра Ильича, говоря его словами, в «социалистические формы» [1].

Александр Ильич не делился с родными своими планами революционной борьбы, для них полной неожиданностью было известие о его активном участии в покушении на царя. Однако, на мой взгляд, он несомненно рассказывал им во время летних каникул, что учился вместе с сыном Н. Г. Чернышевского, горячо сочувствовал трагической судьбе его отца. И, кто знает, не эти ли разговоры вызвали у младшего брата ранний интерес к произведениям и личности Н. Г. Чернышевского? Ведь именно в «гимназические времена», по сведениям Н. К. Крупской, Владимир Ильич впервые прочитал «Что делать?», и с этого романа «началось его увлечение Чернышевским» [2]. Не случайно и то, что, раздумывая в кокушкинской ссылке над путями революции, он обратился с письмом к Н. Г. Чернышевскому [3].

В. И. Ленин придавал большое значение пропаганде творчества и увековечению памяти великого революционного демократа. Так, узнав в начале 1918 года, что М. Н. Чернышевский передал в собственность народа дом, в котором родился Николай Гаврилович, Владимир Ильич сказал деятелю Наркомпроса П. И. Лебедеву-Полянскому: «А вы знаете, Михаил Николаевич, сын Чернышевского, организует в Саратове музей, где будут собраны рукописи, фотографии и т. п. Хорошее дело, надо всячески помогать». 17 сентября 1920 года, когда исторический дом был отремонтирован, вождь Комму-

---

[1] 1 марта 1887 г., с. 239.

[2] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, с. 30.

[3] Рассказ В. И. Ленина в записи В. В. Воровского. — «Вопросы литературы», 1957, № 8, с. 133—134.

нистической партии и советского государства подписал декрет «Об объявлении музея имени Чернышевского в Саратове национальным достоянием и передаче его в ведение Народного комиссариата просвещения» [1].

MEMORABILIA

Книжная торговля в Симбирске была развита слабо, и с тех пор, как в 1883 году Александр и Анна поселились в столице, они сами стали поставлять домой учебные пособия, подписные издания, ноты. Из сохранившихся писем Александра Ильича видно, что он бывал у букинистов и с реестриками Владимира.

«Посылаю папе брошюрку «Математические софизмы», которую он желал иметь, — сообщал он 29 сентября 1884 года из Петербурга. — Володе, я думаю, она может быть очень полезна, если он станет самостоятельно разбирать эти софизмы. Получил ли он те немецкие переводы, которые я ему послал?» [2] «Книги, которые просит Володя, — говорится в другом письме, — а также ноты Оле... я поищу на днях» [3]. «Посылаю тебе, Володя, — писал Александр 6 октября 1884 года, — 3-ю книгу Memorabilia. Ты напрасно ожидал так рано получить ее — к 6 октября. Я получил твое письмо только 2 октября, 3 октября купил и только 4 мог послать. Почта приходит теперь на 6-й день, так что раньше 10-го ты никак не мог получить» [4].

Поучительна та заботливость и аккуратность старшего брата по отношению к младшему, которая кроется за этими скупыми строчками!

Но вернемся к последнему письму. Что это была за книга и зачем так срочно она понадобилась Владимиру? А. И. Иванский в брошюре «Книга в жизни молодого Ленина» перевел и пояснил встречающееся там латинское слово следующим образом: «Посылаю тебе, Володя, 3-ю книжку (надо: книгу. — Ж. Т.) Меморского («Новейшая и пространнейшая всеобщая

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Т. VII. Под ред. проф. Е. И. Покусаева. Изд-во Саратовского университета. 1975, с. 195.

[2] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 15.

[3] Там же, с. 26.

[4] Там же, с. 16.

география, или Подробнейшее описание пяти частей света».— А. И.)» [1].

Через четыре года научные сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС опубликовали 11 писем Александра Ульянова родным, но от перевода слова «Меморабилиа» они воздержались.

В 1969 году переписка семьи Ульяновых вышла отдельным сборником, и составители пояснили, что по-русски Memorabilia означает «достопримечательности» [2].

Казалось, что после этого других толкований быть не может. Однако выяснилось, что составители сборника «Ленин и Симбирск» в первом издании напечатали письмо Александра Ульянова так же, как и А. Иванский, то есть ввели в текст «Меморского» [3]. В следующем издании вместо этого слова появилось латинское, но без перевода и комментария.

Эти разночтения, видимо, не заметил Г. П. Фонотов, который тоже пошел по неверному пути. «Речь идет, — пояснял он в 1969 году, — о книге М. Ф. Меморского «Новейшая и пространнейшая всеобщая география, или Подробнейшее описание пяти частей света, как-то: Европы, Азии, Африки, Америки и Южной Индии», вышедшей в 1814 году, в четырех частях» [4].

Что и говорить, название в таком полном виде занимательно, но опытный библиограф не придал должного значения дате выхода в свет этой книги. У каждого, кто читал его статью, возникает вопрос: зачем 14-летнему гимназисту Владимиру Ульянову потребовалось считать дни, когда по почте поступит «География», изданная 70 лет тому назад? Ведь она была не только редкой, но и весьма дорогой.

Ясно, что А. И. Иванский неправильно прочел иностранное слово в письме Александра Ильича, а Г. П. Фонотов, не сверившись с научными публикациями, в своих комментариях еще дальше ушел от истины.

При подготовке нового издания переписки Ульяновых сотрудники Центрального партийного архива послали в сентябре 1974 года запрос в Государственную библиотеку СССР

---

[1] А. Иванский. Книга в жизни молодого Ленина. М., 1962, с. 8.

[2] Переписка семьи Ульяновых, с. 16.

[3] Ленин и Симбирск, с. 406.

[4] Советская библиография. Сборник статей. М., 1969, № 6(118), с. 21.

имени В. И. Ленина с просьбой установить исходные данные «Меморабилий». В справке, составленной библиографами главной библиотеки страны, сообщалось, что им удалось обнаружить в своих хранилищах только две книги с таким названием. Одна из них — «Меморабилия, или Странные вещи в жизни, литературе и философии» вышла в Петербурге в 1809 году, а вторая — в 1824 году на английском языке в Лондоне.

Отвергая всякую возможность того, что такие антикварные редкости могли срочно понадобиться Владимиру Ульянову, я решил выяснить автора загадочной книги, место и год издания, познакомиться с содержанием и представить, таким образом, причины возникшей о ней переписки между братьями Ульяновыми.

Вначале были просмотрены различные толковые, этимологические словари и энциклопедии: «Большая», «Историческая», «Литературная», «Философская». Но в них, как в фундаментальном латино-русском словаре слова «Меморабилиа» вообще не оказалось. После этого стал вчитываться в объяснения близких по написанию слов «меморандум», «мемуары», «мемориал» и других.

В одном из справочных изданий в статье о мемуарах обратила на себя внимание строка о том, что основоположником этого литературного жанра считается древнегреческий писатель, историк и философ Ксенофонт, один из талантливейших учеников великого Сократа. Энциклопедии последних лет содержат немало лестных слов в его адрес, особенно за «достойные доверия» и живо написанные «Воспоминания о Сократе». «Незаменимым источником по философии Сократа, а также по социальной, экономической, политической истории древней Греции считаются и такие так называемые «Сократические сочинения» Ксенофонта, как «Апология Сократа» и «Пир» [1]. Но только в «Философской энциклопедии» выпуска 1964 года, в обзоре творчества Ксенофонта, приводится сокращенное название одного из его «Воспоминаний» — «Мемог.». Как некстати редакторы тома сэкономили место на этом слове!

Пришлось вновь взяться за дореволюционные справочники: ведь в них могло встретиться нужное латинское слово полностью. К счастью, так оно и оказалось. В «Большой энцикло-

---

[1] Советская историческая энциклопедия. Т. 8, М., 1965, с. 211.

педии», изданной в 1903 году «Просвещением», в статье о Ксенофонте говорилось: «К философским сочинениям принадлежат: «Апомнемоневмата («Memorabilia»), 4 книги, изложение в диалектической форме учения Сократа».

Узнав первоначальное название произведения, проверяю его перевод по древнегреческо-русскому словарю 1958 года. Там «Апомнемоневмата» переведено как «воспоминания, записки, мемуары». Вскоре было найдено и точное название произведения Ксенофонта в русском переводе — «Воспоминания о Сократе».

Я почти был убежден, что знаю теперь, какую именно книгу по просьбе брата выслал 4 октября 1884 года в Симбирск Александр Ульянов. Но категорично утверждать это можно будет лишь тогда, когда прояснится вопрос: зачем и почему так срочно понадобилась эта философская работа Владимиру?

Вероятнее всего было предположить, что этого потребовала учеба в Симбирской классической гимназии, где наиболее известные труды древних греков и римлян переводились на родной язык скрупулезно.

В Пензенском областном государственном архиве мне быстро нашли том «Свода постановлений и распоряжений по гимназиям». Тщательно просматриваю программы и литературу по всем предметам и нахожу то, что искал. Оказывается, в первом полугодии шестого класса — Владимир Ульянов учился с 1884 года именно в нем — по греческому языку изучались «Меморабилии» Ксенофонта! [1]

На языке подлинника они имелись в симбирских библиотеках. Но произведение это, отмечалось в одном из журналов того времени, «по отвлеченности своего содержания далеко не во всех частях доступно для понимания учеников VI класса и потому нуждается в хорошем комментарии, но ему почему-то не посчастливилось в нашей литературе...»

И вот в 1883 году наконец появились в книжных лавках Киева и Петербурга «Меморабилии» Ксенофонта в русском переводе с объяснением наиболее трудных слов и выражений. Владимир узнал о выходе в свет новинки и тут же написал брату, прося поскорее приобрести и выслать ему такое нужное пособие. Нетерпение подростка понятно: учебный год

---

[1] Свод постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства министерства народного просвещения. Спб, 1888, с. 278. См. также: ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 539, л. 39.

в разгаре, только в классе на изучение «Меморабилий» отводилось более 20 уроков греческого языка, упражнения по ним давались и на дом. Изложения философских взглядов Сократа по труду Ксенофонта требовал и гимназический преподаватель истории.

В советские годы «Воспоминания о Сократе» издавались несколько раз полностью или в отрывках. Мне посчастливилось во время этого поиска читать в Пензенской областной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова «Меморабилии» Ксенофонта издания 1883 года. Эта небольшого формата книга в скромной серой обложке, стоимостью в «1 рубль, с пересылкою 1 руб. 20 коп.», включает все «четыре книги» сочинения. Каждую из них, исходя из объема, сейчас бы назвали «частью» или «главой».

В предисловии сказано, что «Апомнемопевмата» написаны по-гречески, но эти воспоминания «известны более под латинским заглавием «Memorabilia». Ксенофонт в них, по словам переводчика, хотел защитить Сократа от обвинения, «будто он не признавал государственной религии», и «доказать, что он своим учением и личным примером оказывал в высшей степени благодетельное влияние на современников. Этой цели сочинение вполне удовлетворяет» [1].

И не только этой! В третьей книге, которую получил Владимир Ульянов от брата, на 70 страницах Ксенофонт подробно изложил взгляды своего учителя на военную стратегию и тактику, личные качества полководцев и государственных деятелей, на принципы и методы воспитания и обучения. Здесь немало интереснейших рассуждений о добре, красоте, мудрости, храбрости, справедливости, о природе и задачах творческого труда деятелей искусства. Многие из этих мыслей и изречений Сократа, высказанные им за четыре века до нашей эры, не потеряли значимости и сейчас.

Кристальная честность, стремление быть полезным окружающим, неустанная проповедь того, что «свобода заключается вовсе не в том, чтобы только есть и спать, что труд делает людей и более здоровыми, справедливыми, знающими», непоколебимая принципиальность в отстаивании своего мировоззрения, приведшая его к гибели, — эти и многие другие благородные качества и взгляды Сократа обусловили симпа-

[1] Меморабилии Ксенофонта. Перевел с греческого и объяснил Ив. Ел. Тимошенко. Киев, 1883, с. 1.

тии к нему молодого Карла Маркса, который считал его «олицетворением философии» [1].

Есть основания предполагать, что такие же чувства испытал в гимназические годы Владимир Ульянов, изучая «Воспоминания о Сократе». Примечателен в этом отношении следующий факт. Гегель в «Лекциях по истории философии» поставил вопрос: кто — Ксенофонт или Платон — «вернее изобразил нам Сократа со стороны его личности и его учения?» И сам ответил: «...не может быть сомнения, что в отношении личного характера и метода бесед, в отношении вообще внешней формы последних, Платон может нам дать такое же точное, а может быть и более определенное изображение Сократа; но в отношении содержания его учений и степени его мышления мы должны преимущественно придерживаться Ксенофонта» [2].

Владимир Ильич, конспектируя «Лекции» Гегеля, записал в своих знаменитых «Философских тетрадях» в начале 1915 года более определенно: «Ксенофонт в «Memorabilien» лучше, точнее и вернее изобразил Сократа, чем Платон» [3].

...На книжной полке Владимира Ульянова в Доме-музее В. И. Ленина рядом с томиками классиков русской и западноевропейской литературы находятся «Одиссея» Гомера и «Картины древней Греции» Вагнера. Займут здесь свое место и небольшие по объему, но ставшие для нас дорогими «Меморабилии» Ксенофонта издания 1883 года.

ЗА СТРОКОЙ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА

В одном из писем к отцу от 18 января 1885 года Александр Ильич сообщил, что «Дмитриев «уволен согласно прошению», как сказано в указе. Говорят, он подал в отставку по несогласию с новым университетским уставом, слышал я также, что ему хотелось быть назначенным сенатором, но это ему не удалось. Говорят, что его жалеют как профессора́, так и его бывшие подчиненные» [4].

Вчитываясь в эти строки, я не раз пытался понять, поче-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд., т. 1. М., с. 99.

[2] Г. Гегель. Сочинения, т. X. М., 1938, с. 59.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 249.

[4] Переписка семьи Ульяновых, с. 20.

му Александр Ильич счел нужным написать Илье Николаевичу все, что узнал о переменах в жизни попечителя Петербургского учебного округа тайного советника Федора Михайловича Дмитриева.

Наверное, прежде всего потому, что это был один из тех случаев, когда можно было без опаски, даже в случае перлюстрации письма охранкой, сообщить домой об оппозиции реакционному правительственному курсу в области народного образования такого крупного сановника. Но письмо свидетельствовало и об определенных личных симпатиях автора к Ф. М. Дмитриеву.

На чем они основывались? Ответ на этот вопрос отчасти содержится в комментариях к сборнику «Переписка семьи Ульяновых», где говорится, что Ф. М. Дмитриев (1829—1894) в 1868 году оставил кафедру иностранного законодательства Московского университета и «до 1882 г. работал в Сызранском уездном земстве Симбирской губернии. По работе был знаком с И. Н. Ульяновым».

В биографической литературе об Илье Николаевиче не содержится сведений о характере этого знакомства. Некоторый свет проливают письма Ф. М. Дмитриева, хранящиеся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Но, прежде чем перейти к их содержанию, уместно напомнить основные вехи биографии автора.

Род Дмитриевых, давший три поколения писателей, давно связан с симбирским краем. Будущий известный баснописец И. И. Дмитриев (1760—1837), например, учился в свое время в Симбирске. Здесь состоялось его знакомство с Н. М. Карамзиным (отец историографа был женат на тетке И. И. Дмитриева).

Детство Ф. М. Дмитриева, как и его дяди — поэта А. И. Дмитриева и отца — поэта М. А. Дмитриева, тоже прошло в Сызранском уезде, где они владели имениями.

После окончания юридического факультета Московского университета Ф. М. Дмитриев защитил диссертацию и стал одним из крупных специалистов гражданского права европейских государств. Но из-за столкновения с редакцией «Московских ведомостей», поддерживаемой министром народного просвещения графом Д. А. Толстым, профессор Ф. М. Дмитриев, как и его друг профессор Б. Н. Чичерин, оставил в 1868 году университет и уехал в родное имение Троицко-Богородское Сызранского уезда.

«Поселившись в провинции, где ему по наследству от тетки досталось довольно значительное состояние, — вспоминал Б. Н. Чичерин, — он весь погрузился в земскую деятельность и скоро стал центром и душою своего уезда... Он был и уездным предводителем (дворянства. — **Ж. Т.**), и председателем мирового съезда (судей. — **Ж. Т.**), и председателем училищного совета» [1].

С таким человеком и познакомился в самом начале своей работы на должности инспектора народных училищ Симбирской губернии Илья Николаевич Ульянов. И «заразил» его делом народного образования. Ф. М. Дмитриев добивается значительного увеличения земских ассигнований на начальные школы, берет под свое непосредственное наблюдение один из училищных участков, помогает И. Н. Ульянову в подготовке и проведении учительских съездов.

Первый из них — первый и в губернии — состоялся под руководством инспектора народных училищ в июле — августе 1870 года. Убедившись в громадной пользе занятий, на которых излагались передовые методы обучения и воспитания, сызранские учителя, как отмечается в отчете И. Н. Ульянова, просили его «о повторении подобных съездов ежегодно» [2].

Однако для проведения съездов каждый раз требовалось испрашивать разрешения губернатора. А тот, зная, с каким подозрением правительство относится к подобной форме общения народных учителей, неохотно давал свое согласие. Вот почему Ф. М. Дмитриев, как это видно из его письма к Б. Н. Чичерину от 6 ноября 1871 года, ездил в Симбирск «хлопотать о разрешении учительского съезда». Усилия его увенчались успехом, и губернатор утвердил «Программу учительского съезда», составленную И. Н. Ульяновым. Второй съезд под руководством инспектора народных училищ Симбирской губернии с успехом был проведен с 28 декабря 1871 по 4 января 1872 года в селе Самайкино Сызранского уезда.

И. Н. Ульянов, делавший все, что было в его силах для улучшения народного образования, был, однако, против введения обязательного обучения крестьянских детей. Об этом он, в частности, заявил 8 декабря 1873 года на сессии Симбирского губернского земского собрания.

---

[1] Воспоминания Б. Н. Чичерина. Т. 2. Москва сороковых годов. М., 1929, с. 206.

[2] «Симбирские губернские ведомости», 1871, 13 ноября.

Ф. М. Дмитриев присоединился к мнению инспектора народных училищ губернии, почти дословно повторив аргументы о нежелательности бюрократического подхода к решению столь важного дела. Ведь во многих селах нет еще школ, а требование посещения их в соседних, «на более или менее значительное расстояние при неимении подчас у детей надлежащей одежды и при зимних холодах» заставит население смотреть на учение «не только как на денежную, но и натуральную повинность» [1].

Илья Николаевич ценил бескорыстное увлечение Ф. М. Дмитриева делом народного образования и неоднократно отмечал Федора Михайловича в своих годовых отчетах, как одного из лучших попечителей народной школы Сызранского уезда [2]. Это и неудивительно, так как народное образование в Сызранском уезде сделало значительный шаг вперед, во многом благодаря помощи Ф. М. Дмитриева. Достаточно сказать, что в 1880 году город Сызрань вышел на третье место в стране по относительным размерам денежных ассигнований на нужды народных школ.

В тех письмах Ф. М. Дмитриева, с которыми мне довелось познакомиться, нет характеристики И. Н. Ульянова. Но есть такие строки, которые показывают, что он с уважением относился к инспектору народных училищ.

Известно, что в июле 1874 года И. Н. Ульянов стал директором, и у него появились помощники-инспекторы. Как только Ф. М. Дмитриев познакомился с ними, а также с их коллегами, служившими в составе Самарской дирекции, он невольно сравнил их с первым известным ему инспектором. «Удивительных инспекторов народных училищ назначают после нового Положения — жаловался он Б. Н. Чичерину в письме от 28 ноября того же года. — Все они из учителей словесности, вовсе не знакомы с педагогикой. Сами они приводят такую причину своего назначения: попечители (учебных округов. — Ж. Т.) говорят им, что у них нет карьеры, так как теперь дорога открыта только эллинистам и латинистам».

Ф. М. Дмитриев ненавидел министра просвещения графа Д. А. Толстого. Любопытным свидетельством этого является

[1] Постановления губернского земского собрания сессии 1873 года. Симбирск, 1874, с. 139.

[2] Отчет о состоянии начальных народных училищ за 1879 гражданский год, составленный директором народных училищ И. Ульяновым. Симбирск, 1882, с. 4.

факт, о котором он сообщил Б. Н. Чичерину в письме от 14 марта 1876 года. Незадолго до этого в Симбирске ожидали приезда графа. По инициативе директора местной классической гимназии И. В. Вишневского готовился подарок почетному гостю — фотоальбом. Ф. М. Дмитриев, будучи почетным попечителем этой гимназии, отказался от взносов на альбом, считая, как он выразился, что его «физиономия не доставит никакого удовольствия министру... Чтоб мой отказ вышел рельефнее, — поясняется далее в письме, — я одновременно пожертвовал в пользу бедных гимназистов 300 р., что, кажется, показалось директору чуть ли не революционным поступком».

Он мог позволить себе такие выходки. В придворных кругах знали его как автора крупных научных трудов и богатого землевладельца. Немаловажное значение имело доброжелательное к нему отношение обер-прокурора святейшего синода К. П. Победоносцева. Благодаря протекции обер-прокурора — одного из главных советников Александра III, Ф. М. Дмитриев 20 мая 1881 года получил пост попечителя (управляющего) Петербургского учебного округа. Это он, как попечитель, утвердил устав Студенческого научно-литературного общества, секретарем которого в 1886 году станет А. И. Ульянов. Высокая должность позволила Ф. М. Дмитриеву выступить против проекта реакционного университетского устава, составленного при Д. А. Толстом. Однако граф, уже в должности министра внутренних дел, при поддержке М. Н. Каткова в 1884 году добился согласия царя на введение нового устава.

В знак протеста Ф. М. Дмитриев подает прошение об отставке. Для Ульяновых, как и других прогрессивных людей своего времени, было понятно это смелое и честное решение. Вот почему Александр Ильич с сожалением сообщил об этой новости отцу, тоже понимавшему, что реакция открыто перешла в наступление по всему фронту народного просвещения.

В письмах Ф. М. Дмитриева наибольший интерес представляют те места, где речь идет о состоянии народного образования в Симбирской губернии в 70—80-х годах XIX века.

Из других сведений, содержащихся в его переписке, заслуживают внимания следующие строки. «Недавно я видел Льва Толстого, — сообщал Ф. М. Дмитриев Б. Н. Чичерину 8 октября 1876 года из села Богородского, что находится невдалеке от Сызрани. — Он проезжал через Сызрань и был у

меня. Мы провели с ним целый вечер. Я нашел его на новом взводе. Он исповедует религиозные взгляды своего Левина, но идет еще дальше этого краснорожего резонера, который портит «Анну Каренину». Представь себе, что оп усматривает нечто передовое в мусульманстве, а посему не хочет верить сочувствию русских славянам. А сочувствие это действительно существует, вне всякой агитации...»

Этот рассказ представляет ценность, так как вносит новое в историю многолетних, начиная с 60-х годов, дружеских связей Л. Н. Толстого с Ф. М. Дмитриевым.

Такова вкратце суть поиска, возникшего после прочтения одного из писем А. И. Ульянова.

ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Начиная с августа 1856 года, когда в «Русском вестнике» стали печататься «Губернские очерки», подписчики в течение года с нетерпением ожидали выхода в свет каждой очередной книжки журнала с продолжением записок отставного надворного советника Н. Щедрина.

В числе немногих горожан в Пензе их с большим интересом читали жившие в одной квартире молодые преподаватели дворянского института В. И. Захаров и И. Н. Ульянов.

Илья Николаевич преподавал физику и математику, но за литературными новинками, особенно теми, в которых затрагивались злободневные общественные вопросы, следил пристально. В Пензе этому способствовало и то, что он дважды заведовал институтской библиотекой и был активным участником литературных вечеров, проводившихся В. И. Захаровым. Вместе они прочли и ту книжку «Современника», где появилась доброжелательная рецензия Н. Г. Чернышевского на «Губернские очерки».

Весной 1862 года М. Е. Салтыков-Щедрин, как известно, вошел в состав редакции этого легального органа революционной демократии. В июне издание журнала по решению правительства было приостановлено на восемь месяцев. В феврале следующего года вышел двойной номер журнала, в котором около 200 страниц принадлежало теперь уже популярному сатирику. А всего в «Современнике» за 1863 год И. Н. Ульянов имел возможность прочесть более 40 печатных листов, принадлежавших его перу.

После покушения Д. В. Каракозова на царя «Современник» был закрыт навсегда. На два года умолк голос Щедрина. Но в 1868 году, когда Н. А. Некрасов возглавил «Отечественные записки», Щедрин становится членом редакции, а после кончины Некрасова — редактором журнала.

Все члены семьи Ульяновых хорошо знали все, что появлялось на страницах «Отечественных записок» за 70—80-е годы. И уж, конечно, мимо их внимания не прошли произведения великого сатирика. Интерес к его творчеству в какой-то мере обусловливался тем, что Илья Николаевич и Мария Александровна, хорошо знавшие пензенский край 60-х годов, узнавали в некоторых щедринских «героях» (например, из «Истории одного города») реально существовавших прототипов. Не исключено, что инспекторы народных училищ Симбирской губернии В. И. Фармаковский, К. М. Аммосов и А. А. Красев, давно связанные с Вяткой, рассказывали своему директору о пребывании там ссыльного писателя.

Вполне возможно, что и Александр Ульянов, имевший в своей петербургской квартире подпольные издания, поведал родным о том, как Щедрин в третьем «Письме к тетеньке», запрещенном цензурой, высек симбирских «охранителей» существующего строя. Дело в том, что в начале 1881 года в столице под покровительством царской семьи образовалась тайная «Священная дружина», поставившая своей целью «истребить нигилизм». В то тревожное время (после убийства народовольцами Александра II) в «Симбирской земской газете» появилась статья, авторы которой предложили свои средства для выдачи 100 рублей в награду каждому, кто «задержит злоумышленника», распространяющего «слухи о переделах и даровых наделах крестьянам земли».

М. Е. Салтыков-Щедрин узнал об этом «почине» из петербургской газеты М. М. Стасюлевича «Порядок». Опасаясь, что желающих заработать на доносах «радужную бумажку» найдется немало, он с горечью написал: «Ах, эта Симбирская губерния! В старину ее страною отставных корнетов называли. И были эти корнеты невежественные и жестоковыйные и держали свое знамя высоко, за что и бывали нередко сечены крепостными людьми. А теперь народились у них потомки, и тоже хотят высоко знамя держать...» [1].

---

[1] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Собр. соч., т. 9. М., Изд-во «Правда», 1951, с. 281.

Даже на тех страницах «Отечественных записок», которые прошли через цензуру, писатель-борец нашел возможность подвергнуть уничтожающей критике самодуров-помещиков, представителей чиновничьей бюрократии, буржуазных хищников (отечественных и зарубежных) и трусливых либералов. Об этом Ульяновы читали и в «Русских ведомостях», которые в Симбирске получали на дом.

Об официальных предостережениях со стороны правительства, которые ежегодно давались «Отечественным запискам», знала вся мыслящая Россия. Ни для кого не были секретом и репрессии (высылка и арест), которым подвергались в 1882—1883 годах публицисты журнала Н. К. Михайловский и С. Н. Кривенко. В феврале и марте 1884 года шесть сказок Щедрина не были допущены к печатанию в «Отечественных записках», а 20 апреля правительство закрыло журнал. Это был тяжелый удар для всех, кому были дороги великие традиции революционной демократии 60-х годов.

Но именно в эту эпоху жестокой реакции и вместе с тем жадных поисков правильной революционной теории еще более возрос интерес передовой молодежи к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина. Примечателен в этом отношении формуляр А. И. Ульянова в студенческой читальне петербургского университета (кроме нее он пользовался литературой публичной и еще пяти других библиотек). «Отечественные записки» за 70—80-е годы он брал на дом еще первокурсником. А на четвертом курсе Александр Ильич взял в студенческой читальне только одну книгу и три книжки журнала, в том числе 23 и 27 октября 1886 года два номера «Отечественных записок» [1].

О том, как тяжело переживал Александр гонения на Щедрина и руководимый им журнал, рассказывается в воспоминаниях Анны Ильиничны. «Опытная рука редактора Щедрина, его изощренность в «эзоповском» языке не спасли журнала. Не помню, от меня ли первой услышал Саша об этом. Но я передала ему также в этот вечер, что на курсах (Бестужевских. — **Ж. Т.**) говорили, будто Щедрин арестован. За минуту спокойный Саша весь потемнел.

— Это такой наглый деспотизм — лучших людей в тюрьме держать!.. — сказал он негромко, но с такой силой возмущения, что мне стало снова жутко за него» [2].

---

[1] Вестник Ленинградского университета. № 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. Л., 1959, с. 129—130.
[2] Ульянова-Елизарова, с. 96.

К счастью, слух об аресте оказался ложным. Михаил Евграфович, хотя и более осторожно, но в расчете на умного читателя, понимающего намеки и умеющего читать между строк, настойчиво продолжал в своих статьях и сказках изобличать маневры и ухищрения реакционеров. Ульяновым особенно была близка его критика правительственной политики в области народного образования. Кто-кто, а они-то хорошо знали, насколько прав Щедрин, говоря, что у мракобесов типа Победоносцева, Каткова и Мещерского «не стремление к распространению знания стоит на первом плане, а глухая боязнь этого распространения».

Как в Петербурге, так и в Симбирске в то время многие произведения Щедрина попали в разосланный по губерниям министерством внутренних дел список книг «обличительного направления», изъятых из общественных библиотек.

В связи с этим сатирик с болью писал: «Чего со мною не делали! И вырезали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я — вредный, вредный, вредный». И вместе с тем он выражал уверенность, что имена Ньютонов, Франклинов, Галилеев, Ломоносовых будут переходить из века в век, тогда как имена Наполеона III и «других концертантов потонут в болотных топях».

С полным правом это можно отнести к светлому имени самого Михаила Евграфовича, гениальные творения которого пользовались в эпоху 80-х годов особой популярностью у передовой интеллигенции и учащейся молодежи. И они старались при первой возможности продемонстрировать ему свои симпатии.

Анне Ильиничне навсегда запомнились две депутации к Салтыкову-Щедрину в день его именин: 8 ноября 1885 и 1886 годов. «Мы ощущали очень горестно, — писала она, — что наш любимый писатель вынужденно умолк, что орган его закрыт, но чем могли мы в то время выразить ему сочувствие? Все формы общественного проявления были тогда закрыты; единственно признанным было принесение приветствия в традиционный день именин. И молодежь воспользовалась этой форточкой» [1].

Адрес от студентов университета в квартире больного Щедрина оставила делегация, в которую входил Александр Ульянов. Анну Ульянову вместе с другими бестужевками

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 103.

приняла жена писателя. Но как радовались брат и сестра, когда узнали, что Михаил Евграфович в тот же день прочел приветственный адрес, написанный Анной Ильиничной, и он «показался ему самым прочувствованным, понравился ему больше всех других, полученных в тот день» [1].

В следующем, 1886 году, 8 ноября на квартиру сатирика отправилась общая делегация от студентов высших учебных заведений. В числе этих 8—10 человек снова были Александр и Анна Ульяновы. На этот раз Щедрин вышел к ним. Выслушав устное приветствие, он пожал всем студентам руки. Когда дошла очередь до Александра Ильича, вспоминает одна студентка, «он так крепко, от всей души пожал руку Щедрину, что тот схватил ее другой рукой и заворчал: «Ой-ой! Нельзя же так сильно. Я старенький, мне больно». Смущенный юноша покраснел и извинился. «Ну, ничего,— сказал тогда добродушно Щедрин» [2].

Через девять дней брат и сестра Ульяновы участвовали в демонстрации, посвященной 25-летней годовщине со дня кончины Н. А. Добролюбова. Мы хотели, пояснял впоследствии Александр Ильич, отдать почести людям, которых признавали «своими учителями, которые завещали нам бороться с неправдой и со злом русской жизни». К этим учителям, здравствовавшим в то время, наряду с находившимся в астраханской ссылке Н. Г. Чернышевским относился и М. Е. Салтыков-Щедрин.

...В «Пошехонской старине», ставшей его лебединой песней, Михаил Евграфович выразил надежду, что «в ряду прочих материалов, которыми воспользуются будущие историки русской общественности», его «хроника не окажется лишнею».

И он не ошибся. Уже в первом своем крупном труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин, критикуя либеральных народников за пресмыкательство перед царизмом, вспомнил щедринскую сказку «Либерал» и назвал ее метко «историей эволюции российского либерала» [3]. В следующей своей работе — «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», вышедшей в 1895 году, В. И. Ленин использует

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 104—105.
[2] Там же, с. 105.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 268.

резкий отзыв Щедрина из «Пошехонской старины» для критики реакционных экономических взглядов «друзей народа» [1]. Впоследствии Владимир Ильич нередко цитировал гениального сатирика, произведения которого он вдумчиво читал еще в юности.

ЗНАКОМЫЙ МОЛОДОГО ГОРЬКОГО

Ранним утром 15 августа 1885 года симбирские жандармы нагрянули в один из домов и арестовали остановившегося там проездом учителя Оренбургского приходского училища А. А. Малиновского. Изъяв у него нелегальную литературу, в том числе «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, они начали тщательное расследование.

Слухи об этом происшествии быстро распространились по городу. Кузнец Порфирий Фадеев, не раз уже привлекавшийся к ответственности за антиправительственную пропаганду, спрятал несколько сот книг, журналов и гектографированных брошюр у своего друга и единомышленника Василия Маненкова. Через четыре дня жандармы и там произвели обыск и обнаружили весь склад запрещенных изданий. Началось следствие.

К своему ужасу, губернское начальство узнало, что в местной классической гимназии уже несколько лет существует тайный кружок, поддерживающий связи с революционерами столичных и поволжских городов. Кружок имел две библиотеки. Одна из них была укомплектована нелегальной литературой. Другая же, предназначавшаяся для более широкого пользования, состояла из легально изданных, но изъятых из общественных книгохранилищ произведений писателей-демократов. В создании последней библиотеки, как установили жандармы, принимали участие, «начиная с 4-го класса, почти все гимназисты, за весьма немногими исключениями, давая на эту библиотеку деньги и книги» [2].

Владимир Ульянов учился в то время в пятом классе. Руководители кружка — бывший одноклассник Александра

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 467.

[2] Н. Рыжков. Революционное подполье в Симбирске в 70—80 годах. — «Ульяновский общественник», 1927, № 3, с. 44—45.

Ильича Валентин Аверьянов и П. Фадеев, работавший в школе просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева. Оба в 1929 году участвовали в деятельности комиссии по созданию Дома-музея В. И. Ленина. В своих воспоминаниях они говорили, что книгами подпольной гимназической библиотеки пользовался и Владимир Ульянов. Профессор Р. И. Нафигов не исключает возможности того, что литературу из этой библиотеки получал и Александр Ульянов [1].

Прослеживая судьбы людей, привлеченных к ответственности за создание и хранение этой библиотеки, я особо заинтересовался Василием Ивановичем Маненковым, который был воспитанником И. Н. Ульянова и его ближайшего окружения. Каков его жизненный путь?

...В числе близких знакомых Ильи Николаевича на протяжении 16 с лишним лет был уже упоминавшийся нами Валериан Никанорович Назарьев. Народнически настроенный литератор оказывал денежную помощь и некоторым крестьянским детям. В 70-х годах его пансионером был сын бедняка Василий Маненков, которого по окончании начального училища Назарьев поместил в симбирскую школу И. Я. Яковлева.

В 1879 году 16-летний В. Маненков, получил свидетельство учителя и был назначен Ильей Николаевичем в одну из сельских школ. И. Н. Ульянов неоднократно навещал молодого педагога, отечески помогал ему овладевать методикой обучения и воспитания. Это пятилетнее сотрудничество было прервано Симбирской духовной консисторией, настоявшей на лишении Маненкова права заниматься педагогической деятельностью из-за столкновения со священником.

Оставшись без работы, Маненков переезжает в Симбирск и устраивается писцом в удельную контору, управляющим которой был близкий друг И. Н. Ульянова А. Ф. Белокрысенко. Опальный учитель к этому времени хорошо знал народническую литературу и, естественно, старался сблизиться с людьми, разделявшими его убеждения. Первым таким человеком оказался Порфирий Фадеев, обучавший его кузнечному мастерству в школе И. Я. Яковлева. Кузнец имел большой авторитет в местном революционном подполье, ввел он туда и Маненкова.

---

[1] Р. И. Нафигов. Первый шаг в революцию. В. И. Ульянов и казанское студенчество 80-х годов XIX века. Казань, 1970, с. 61.

Отбыв наказание по делу гимназической библиотеки, Маненков продолжает, хотя и более осторожно, нелегальную деятельность. После неудачной попытки покушения группы Александра Ульянова на царя полицейский надзор за «неблагонадежными лицами» в Симбирске настолько усилился, что некоторые из них предпочли покинуть город. Уехал и В. Маненков, став вскоре внештатным сотрудником казанских и самарских прогрессивных газет, прибавив к своей фамилии псевдоним — Старостин.

Просматривая литературу о молодом Горьком и его воспоминания о начале литературной деятельности, я обратил внимание на «известного», по словам Алексея Максимовича, «провинциального журналиста В. Я. Маненкова-Старостина», давшего ему рекомендательное письмо к писателю-народнику Н. Е. Петропавловскому-Каронину. До этого, вспоминал Горький, «я не встречал писателей кроме Маненкова и Е. Н. Чирикова» [1].

Молодой Горький, как известно, в это время загорелся утопической идеей создания «хлебопашной колонии» на социалистических принципах. К Петропавловскому-Каронину он поехал потому, что знал о его интересе к подобной колонии в Симбирской губернии и надеялся на поддержку именитого писателя-народника.

Маненков-Старостин, принадлежавший, по характеристике Горького, к странствующим рыцарям и фанатикам народничества, в силу каких-то причин не хотел вовлекать талантливого юношу в романтические затеи и в письме к Петропавловскому написал совсем не то, чего хотел Алексей Пешков. Письмо это не сохранилось. Но Горький запомнил и много лет спустя воспроизвел некоторые реплики писателя в посвященном ему очерке.

«...Хотите, значит, сесть на землю? — с усилием спросил Каронин, отделяя каждое слово секундной паузой. — ...Давайте говорить начистоту. Знаете, что пишет Василий Яковлевич? Он пишет, чтоб я отговорил Вас от этой затеи.

...Маненков сообщает, что Вы пишете стихи, покажите, — можно? — сказал он спустя некоторое время...» [2].

Можно спорить о значении письма Маненкова к Каронину и той роли, которую оно сыграло в жизни Алексея Пешкова

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 10, с. 289.
[2] М. Горький, т. 10, с. 293.

Известно только, что будущий великий пролетарский писатель отказался от утопической затеи, стал серьезно изучать жизнь и, уже с помощью В. Г. Короленко, вошел в большую литературу.

В 1896 году Горький по совету Владимира Галактионовича переезжает из Нижнего Новгорода в Самару. В это время в «Самарской газете» сотрудничает Маненков-Старостин. Так вновь скрестились пути-дороги Горького со своим первым знакомым писателем. За годы, прошедшие со времени их встреч, многое изменилось. Максим Горький стоял уже на голову выше «хранителя заветов» и с иронией воспринимал его жалостливое отношение к «мужику», многословные излияния о любви к народу и практическое ничегонеделание. К этому времени сложилось окончательное мнение Алексея Максимовича о Маненкове-Старостине, отдельные штрихи которого он отобразил в очерке «Н. Е. Каронин-Петропавловский», рассказе «Сторож» и письмах к своим биографам. Горький жалел провинциального журналиста за его пристрастие к спиртному, неустроенность в личной жизни, неудачи в большой литературе, непонимание диалектики развития Руси и нередко называл «смешным», «чудаковатым».

Но в целом у Горького сохранилось благожелательное отношение к одному из последних могикан народничества. Иначе он не упоминал бы о нем так часто, когда вел речь о событиях далекого прошлого. Так, рассказывая в 1925 году Е. С. Короленко об истории своего знакомства с Владимиром Галактионовичем, он называет в числе немногих уважаемых им людей, содействовавших этому, «Ромася, Н. Е. Каронина, Старостина». Когда в 1929 году составитель «Новейшего словаря писателей» допустил ошибку в указании даты смерти Маненкова, Горький в письме к нему пытался подправить: «В 96-м, в Симбирске» [1].

Отношения Максима Горького с забытым ныне писателем давно интересуют исследователей. И. А. Груздев не раз пытался уточнить различные детали о них, узнать новые. Выясняя, например, в 1933 году подробности знакомства Алексея Максимовича с Глебом Успенским, он спросил его: «Вы пошли к нему тоже с письмом Старостина?» Однако Горький, потерявший еще в 90-е годы связь со Старостиным, не мог

---

[1] М. Горький, т. 30, с. 154.

7 Заказ 231.

припомнить что-нибудь существенное, и во всех изданиях произведений великого писателя об интересующем нас человеке приводятся только такие архикраткие сведения: «Старостин-Маненков Василий Яковлевич (ум. 1896) — провинциальный журналист, писатель народнического направления».

Четырьмя годами позже, рассказывая А. А. Смирнову-Треплеву о давлении «народнических тенденций в редакциях провинциальных газет» второй половины 90-х годов, Алексей Максимович подчеркнул особенно активную роль Старостина-Маненкова, который корреспондировал, воспитывал корреспондентов, редактировал их рукописи, и вообще «хранил заветы» [1].

Но, пожалуй, одним из наиболее важных свидетельств того, что А. М. Горький навсегда сохранил в своей памяти его образ, является недавняя находка литературоведа И. И. Вайнберга. Работая над составлением историко-литературного комментария к «Жизни Клима Самгина», он обнаружил при чтении набросков второй части романа-эпопеи пометку Алексея Максимовича, что прототипом выведенного в нем писателя-народника Нестора Николаевича Катина является «Маненков». Однако как в основном тексте, так и в указателе имен автор исследования именует прототипа «Старостиным-Маненковым Василием Яковлевичем», повторяя, таким образом, ошибку других [2].

Нетрудно заметить, что составители именных указателей сообщали только такие данные о Старостине-Маненкове, которые содержатся в произведениях и письмах Горького. Почему горьковеды, даже те из них, которые специализировались на изучении поволжского периода жизни Алексея Пешкова, не рассказывают о нем более подробно? [3]. Наверное, потому, что они не смогли разобраться с настоящей фамилией первого знакомого писателя молодого Горького. Алексей Максимович называет его то Старостиным-Маненковым, то Маненковым, то Старостиным. Поиск затрудняли оговорки, допущен-

---

[1] См.: Максим Горький и Самара. Куйбышев, 1968, с. 185.

[2] И. Вайнберг. За горьковской строкой. М., «Сов. писатель», 1976, с. 275, 276, 289, 340.

[3] См.: В. С. Потапов. Горький в Борисоглебске. Балашов, 1962, 30 с.; Л. М. Фарбер. А. М. Горький в Нижнем Новгороде, Горький, 1968, 247 с.

ные им: «Василий Яковлевич» вместо «Василий Иванович», «умер в 1896 году в Симбирске» и другие. Я же был твердо убежден, что Маненков, у которого в 1885 году жандармы конфисковали гимназическую библиотеку, и горьковский знакомый писатель — одно и то же лицо. Но это надо документально доказать.

Ознакомление со словарями писателей и энциклопедиями показало, что во второй половине XIX века в России было трое Старостиных и двое Маненковых. Но ни у одного из них не сходились полностью фамилия, имя и отчество, а также даты жизни с теми, которые были указаны Горьким. Зато в новейшем «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова оказалась важная справка: «Старостин В. — Василий Иванович Маненков». Здесь четко отделена фамилия писателя от псевдонима, указаны его имя и отчество.

В «Казанском телеграфе», «Самарской газете» и «Историческом вестнике» за июль — август 1904 года нашлись некрологи о скончавшемся в селе Черемышевке Тетюшского уезда Казанской губернии В. И. Маненкове. В них указывалось, что этот известный литератор, «пользовавшийся вниманием как поволжской, так и столичной прессы», является воспитанником «известного писателя-народника В. Н. Назарьева», что он «состоял долгое время постоянным сотрудником «Самарской газеты» (во время редактирования Костерина)» [1].

Некрологи подтвердили, что поиск идет по верному пути, так как А. М. Горький сотрудничал в «Самарской газете» при издателе-редакторе С. И. Костерине. Осталось доказать, что Алексей Максимович работал с В. И. Маненковым в Борисоглебске и Царицыне, ведь именно в тех местах произошло знакомство между ними.

Напомню, как это было. В начале 1888 года в Борисоглебском отделении Грязе-Царицынской железной дороги были вскрыты крупные хищения. Один из служащих (В. Я. Алабышев), причастный к освободительному движению, пригласил на работу группу студентов, исключенных за участие в «беспорядках», происшедших в конце 1887 года в университетах Москвы и Казани. Прибыл в Борисоглебск вместе со знакомыми студентами и Алексей Пешков. Местные жандармы, выполняя предписания Петербурга, организовали надзор за

---

[1] «Казанский телеграф», 1904, 31 июля.

съехавшимися «политическими». Завели даже специальное дело «О лицах, политически неблагонадежных, поступающих на службу на Грязе-Царицинской ж. д.».

Вот это-то дело, хранящееся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, мне и удалось найти. В нем, как и ожидалось, оказались сведения о таких «крайне неблагонадежных личностях», как В. И. Маненков и Е. Н. Чириков.

Явственно ощущая за собой слежку, Маненков и Чириков переезжают в Царицын. Вместе с ними или вскоре после их отъезда покидает Борисоглебск и Алексей Пешков.

Итак, поиск в основном завершился удачно. Теперь в сочинениях А. М. Горького возможен точный комментарий о первом знакомом писателе основоположника советской литературы. Однако сбор материалов об этом человеке должен быть продолжен. Ведь он был первым читателем и советчиком юного Горького, помог ему отказаться от утопических идей, познакомил с видными писателями-народниками. Литературоведам предстоит еще определить место В. И. Маненкова в литературной жизни Поволжья 80—90-х годов.

Маненкова знали Ульяновы, он постоянно вращался среди их близких знакомых, был их воспитанником. Наконец, В. И. Маненков интересует исследователей и потому, что он являлся активной фигурой революционного подполья Симбирска времен молодого Ленина. Понятно, что в связи с этим он тоже заслуживает пристального внимания краеведов и историков. Возможности для находок, причем весьма важных, имеются. Так, удалось установить, что дочери Маненкова, Елена и Елизавета, долгие годы поддерживали дружеские отношения с близкой знакомой Ульяновых, Героем Труда учительницей В. В. Кашкадамовой. Об учительницах Маненковых, не подозревая, правда, кем был их отец, в 30-х годах не раз писала «Ульяновская правда», одна из сестер была награждена орденом Ленина.

Умерли Маненковы несколько лет назад. Соседи и почтальон, с которыми мне довелось беседовать, помнят, что сестры-учительницы бережно хранили большой сундук с какими-то бумагами, которые после их кончины забрал к себе «неизвестный по фамилии» племянник. А ведь в этом сундуке могут оказаться и рукописи молодого Горького, и воспоминания В. И. Маненкова о нем, и другие ценные материалы.

Василий Иванович Маненков странствовал по всему Поволжью, был знаком со всеми прогрессивными литераторами Казани, Самары, Царицына, Нижнего Новгорода, Симбирска и других городов. Может быть, кто-то имеет его письма, фотографии?

ДОКТОР КАДЬЯН

Большой Казачий переулок (ныне переулок Ильича), дом № 7/4, квартира 13. Этот петербургский адрес В. И. Ленина широко известен. Здесь Владимир Ильич жил с 12 февраля 1894 по 25 апреля 1895 года — дольше, чем в какой-либо другой квартире в столице. Сюда приходили члены руководимой им марксистской группы и рабочие-революционеры. Здесь были написаны гениальные труды «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)».

Весной 1895 года в этой небольшой квартирке на третьем этаже с типичной студенческой обстановкой, состоявшей из железной кровати, комода, книжной этажерки, стола и двух-трех стульев, Ильич заболел воспалением легких.

«Я пригласил к нему доктора Кноха, ординатора Мариинской больницы, — вспоминал М. А. Сильвин, — и вызвал из Москвы по его просьбе Марию Александровну, мать Владимира Ильича, которая пригласила профессора Кальяна» [1].

Воспаление легких, да еще в тяжелой форме, в то время считалось опасным недугом. Этим и объясняется замена врача, которую произвела Мария Александровна. Но почему ее выбор пал именно на профессора Кальяна? Знали ли его Ульяновы раньше?

Именной указатель в книге М. А. Сильвина не содержит о нем никаких биографических данных. Судя по справочнику «Весь Петербург на 1895 год», профессор с такой фамилией не работал в столице и вообще не являлся ее жителем. Зато в справочнике указывался адрес доктора медицины Александра Александровича Кадьяна.

---

[1] М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. Л., 1958, с. 68.

Может быть, М. А. Сильвин обмолвился или в книгу вкралась опечатка? Проверка рукописи, хранящейся в институте истории при Ленинградском обкоме КПСС, показала, что автор писал о профессоре Кадьяне, а фамилию исказили при типографском наборе. И сразу стало ясно, почему Мария Александровна доверила ему лечение Владимира Ильича: ведь этого доктора она хорошо знала еще в Симбирске. «Обычно лечащим врачом в нашей семье, — вспоминала Мария Ильинична, — в эти годы был А. А. Кадьян, привлекавшийся по делу 193-х и высланный в 1879 г. административным порядком в Симбирск.

В Симбирске он пользовался большой популярностью, бывал и в нашем доме. Отец и мать относились к нему очень хорошо». «Весьма сочувственно», по свидетельству Н. С. Таганцева (ученика И. Н. Ульянова по Пензе, профессора-юриста, женатого на сестре А. А. Кадьяна. — **Ж. Т.**), относился и Кадьян к Илье Николаевичу и Марии Александровне.

«Во время последней болезни (И. Н. Ульянова. — **Ж. Т.**) Кадьян был в отлучке, и, помню, как мать жалела об этом. Она высказала это и Кадьяну, когда он уже после смерти Ильи Николаевича посетил нас» [1].

Марии Ильиничне в момент кончины отца было всего восемь лет. Очевидно, ее лестное мнение об Александре Александровиче как специалисте и человеке сложилось под влиянием своих родных. Во всяком случае Мария Александровна и Владимир Ильич, пользуясь услугами доктора, знали о нем гораздо больше.

Человек он был во всех отношениях интересный. Еще на студенческой скамье сын профессора фортификации Петербургской инженерной академии А. З. Кадьяна принимал активное участие в «беспорядках учащейся молодежи» столицы. Впервые ему пришлось побывать в тюрьме в марте 1870 года.

В последующие два года А. А. Кадьян слушает лекции на медицинском факультете университета, внимательно изучает работу женевской Секции I Интернационала, сочувственно следит за борьбой парижских коммунаров, налаживает связи с русской революционной эмиграцией. К этому времени у него складывается понимание задач «Народной партии в России»: борьба за политические реформы, пропаганда в на-

---

[1] М. Ульянова, с. 69.

роде и среди интеллигенции, поддержка лиц, «пострадавших за свою деятельность в пользу Народной партии», выработка отношений с русской политической эмиграцией и с «социально-демократическими партиями» Европы и Америки [1].

В 1873 году А. А. Кадьян блестяще заканчивает Петербургскую медико-хурургическую академию и получает приглашение остаться в ней для подготовки к профессорскому званию. Но он отказывается от заманчивой карьеры и едет земским врачом в глухой Николаевский уезд Самарской губернии. Им руководило, как это видно из писем к сестре, твердое убеждение, что если не хочешь всю жизнь «быть филистером или фразером», то надо ехать в деревню, где познакомишься с народом и сделаешь «что-нибудь» для него [2].

Во время знаменитого «хождения в народ» квартира Кадьяна служила убежищем для С. Ковалика, П. Войнаральского и других революционеров-народников. Сам же он вел пропаганду в окрестных селах и среди больных арестантов Николаевской тюрьмы.

В июле 1874 года А. А. Кадьян был вновь арестован и более трех с половиной лет пробыл в тюрьме, на «процессе 193-х» прокурор посвятил ему почти треть всей своей обвинительной речи.

Романтик по натуре, он после выхода на волю едет добровольцем на Балканы, сражается там на стороне славян против турецкого ига. В 1879 году, уже в Петербурге, Кадьян снова попадает в тюрьму за связь с революционным подпольем и хранение «книг социалистического содержания». Летом того же года в сопровождении жандармов он был сослан в Симбирск. В это же время репрессиям подвергалась и его жена — Анна Юльевна.

В новом для себя городе Александр Александрович был очень осторожен, и все-таки жандармам к декабрю 1879 года удалось установить, что он и здесь распространяет «революционные идеи» [3].

С трудом устроившись в губернскую земскую больницу, Кадьян создает образцовое хирургическое отделение. Здесь он, например, первым в России произвел операцию по удалению почки. В 1884 году за диссертацию «Материалы к изучению

---

[1] ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, д. 212, л. 4.
[2] П. Ф. Костиков. А. А. Кадьян. М., 1972, с. 14.
[3] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1887, д. 212, л. 24.

архитектуры стопы» ученый совет Петербургской медико-хирургической академии присвоил ему степень доктора медицины. Эту тему рекомендовал Кадьяну П. Ф. Лесгафт.

Талантливый доктор принимал самое активное участие в общественной жизни Симбирска: в работе медицинского общества, врачебных конференциях, заседаниях комитета Карамзинской библиотеки (вместе с И. Н. Ульяновым). В середине 80-х годов А. А. Кадьян произвел тщательное обследование условий жизни трудящихся, по материалам которого представил доклад в комиссию по улучшению санитарного дела и уменьшению смертности, возглавляемую С. П. Боткиным.

О взглядах врача-революционера на причины высокой смертности в Симбирской губернии говорят такие строки его доклада: «Население пьет ужасную воду, деревни тонут в грязи... Народ грязен, нечистоплотен, живет скученно, в скверных избах, ест отвратительно, он невежественен, заражен массой предрассудков, а главное, беден, очень беден» [1].

Сам он делал все, что мог, для облегчения участи обездоленных. «Ежедневно десятки больных, — отмечалось на одном из заседаний симбирской городской думы, — посещали Кадьяна, и он никому не отказывал в помощи» [2].

Любя свой народ и понимая истинные причины его нищеты и страданий, супруги Кадьян поддерживали связи с борцами против самодержавия. Вот что говорится об этом в донесении, которое в марте 1887 года направил в Петербург начальник симбирского губернского жандармского управления: «Сколько я мог изучить Кадьяна и жену в продолжение их пребывания в Симбирске, то пришел к убеждению, что они не сочувствуют правительству, но как люди умные, образованные, скрытные, сдержанные — никогда не выскажут своего мнения». Не было «ни одного лица, — продолжал жандармский генерал, — которое высылалось в Симбирск под надзор полиции за политические преступления, которых бы он и жена его не знали и в которых бы они не принимали участия, а таких лиц немало перебывало в Симбирске, но все это он и его жена делали тайно».

---

[1] Б. Кох. Врач семьи Ульяновых. — «Медицинский работник», 1958, 25 апреля.

[2] Журналы заседаний Симбирской городской думы. Симбирск, 1889.

Ввиду политической неблагонадежности, земство лишило А. А. Кадьяна места ординатора. Тогда он открыл «амбулаторную лечебницу для приходящих» в доме своего друга, тоже лечащего врача Ульяновых, И. С. Покровского. Потом они решили нанять отдельный дом, чтобы открыть свою постоянную больницу. Жандармы решительно воспротивились этому. «Такая больница, — заявил генерал, — дала бы возможность Кадьяну делать там что ему угодно. Там могут быть и сходки и совещания лиц неблагонадежных».

Увольнение лучшего доктора медицины из больницы, травля в земстве и преследования жандармов — все это в конце концов переполнило чашу терпения, и летом 1888 года он решает переехать в Калугу. Симбирский губернатор, считавший А. А. Кадьяна «весьма ловким и осторожным пропагандистом», в ответ на запрос своего калужского коллеги дал на него откровенно отрицательный отзыв.

Трудящиеся-симбиряне, узнав о бедах Кадьяна и его намерении покинуть город, подали в городскую думу заявление, подписанное 247 лицами, в котором просили разрешения открыть врачу «амбулаторию, доступную для беднейшего населения». Однако министр внутренних дел оставил это ходатайство «без последствий», и А. А. Кадьян переезжает в Петербург, где вскоре приобретает репутацию блестящего хирурга [1].

...Вот некоторые сведения о враче, которого в марте 1895 года Мария Александровна поспешила пригласить к постели заболевшего Владимира Ильича. Она верила этому человеку и знала, что он бескорыстно (а это для нее в столице имело немаловажное значение) сделает все, что только возможно.

А. А. Кадьян оправдал доверие — Владимир Ильич выздоровел и в конце апреля выехал в Женеву для переговоров с группой «Освобождение труда». Так как официальной целью поездки были отдых и лечение после перенесенной болезни, то некоторую роль в получении разрешения на нее сыграл и А. А. Кадьян.

Факты свидетельствуют, что А. А. Кадьян до конца жизни (умер в 1916 году) оставался верен освободительному движению. В 1905 году он вместе с другими видными учеными и

---

[1] К этому времени гласный надзор над А. А. Кадьяном и его женой был снят, и им разрешалось жить повсеместно.

общественными деятелями столицы выступил с резким протестом против кровавой расправы царизма в день 9 января. В годы реакции он в качестве медицинского эксперта способствовал провалу инспирированного черносотенцами антисемитского процесса по делу Бейлиса, доказав лживость заключения правительственной экспертизы.

В. И. Ленин, в мельчайших подробностях знавший «дело Бейлиса», неоднократно использовал его для разоблачения закулисной «механики» внутренней политики царизма. «Дело Бейлиса еще и еще раз, — писал Владимир Ильич в 1914 году, — обратило внимание всего цивилизованного мира на Россию, раскрыв позорные порядки, которые царят у нас. Ничего похожего на законность в России нет и следа»[1]. «И не пора ли русским гражданам, — указывал он летом 1917-го, — самим позаботиться о том, чтобы «дела Бейлиса» стали в их стране невозможны?»[2]

В доме по Большому Казачьему переулку В. И. Ленин написал свои гениальные работы, окончательно развенчавшие идеологические основы народничества. Но в этих произведениях Владимир Ильич, как и во многих других, с уважением писал о предшественниках русской социал-демократии. Одним из представителей революционеров-народников 70-х годов был и врач А. А. Кадьян, которого Ильич не раз видел в своей квартире в Симбирске, а затем и в Петербурге. И кто знает, может быть, жизнь этого врача-демократа тоже была предметом раздумий молодого Ленина, подтверждая его выводы о преемственности и неодолимости освободительного движения в России.

ПЕЧАТЬ СЕМНАДЦАТОЙ ВЕСНЫ

Перед вами две визитные фотокарточки гимназиста Владимира Ульянова. Они очень схожи, даже, встречая их на страницах различных книг и журналов, многие думают, что видят один и тот же снимок. Но это разные фотографии. Научные сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС датируют обе 1887 годом.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 64.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 23.

Ульяновы редко фотографировались. Илья Николаевич за 16 с лишним лет жизни в Симбирске лишь два раза заказывал свои портреты. Мария Александровна и того меньше — только в 1887 году. Владимир Ильич до этого года тоже один ни разу не снимался. Почему же перед окончанием гимназии он сделал это дважды? Такой вопрос давно занимал меня, как, впрочем, и других исследователей.

Объяснение одного из краеведов, появившееся 20 мая 1971 года в газете «Вечерний Ленинград», что различие в портретах обусловлено передвижкой аппарата фотографом во время съемки, представляется совершенно неубедительным. Оно легко опровергается, если внимательно всмотреться в прическу, мундир, складку губ и, главное, — в выражение глаз юного Ильича. Для меня несомненно: портреты эти разные, и между первым и вторым посещениями Владимиром Ульяновым фотографа прошло какое-то время — несколько недель, может быть, даже месяцев.

Какие же события происходили в это время? Представляется, что дело было так.

В начале весны 1887 года директор Симбирской классической гимназии Ф. М. Керенский, являвшийся по совместительству и начальником местной Мариинской женской гимназии, предложил учащимся выпускных классов сфотографироваться и представить по одной карточке для последующего монтажа их на общем, для каждого класса, картоне.

В один из последних мартовских дней Владимир Ульянов надел ставшую уже тесноватой гимназическую форму (учащиеся старших классов облачались в нее только в торжественных случаях) и направился в мастерскую фотографа Б. Р. Бика, находившуюся на главной улице Симбирска — Большой Саратовской. В ту же пору в форменной одежде снялась и сестра Ольга, тоже заканчивавшая гимназию.

Это было их третье посещение фотоателье. Еще дошкольниками Володя и Оля сфотографировались вдвоем. А в 1879 году Бик запечатлел всею семью директора народных училищ губернии. Но если в предыдущие посещения у каждого из Ульяновых было приподнятое, радостное настроение, то на этот раз у «средней пары», как шутливо называл Илья Николаевич очень друживших между собой Владимира и Ольгу, было тягостное состояние. Ведь Александру Ильичу и его товарищам по делу о покушении на царя предстояло вскоре предстать перед Особым присутствием правительству-

ющего сената — высшим судом империи. И очень мало было надежд на то, что Марии Александровне удастся сохранить жизнь Саше. Продолжала томиться в заключении и Анна Ильинична.

Эта тревога за судьбы любимых родных ясно видна в выражениях лиц Ольги, которой было 15 с половиной лет, и Владимира, переживавшего свою 17-ю и очень трудную весну.

Пятого или шестого апреля из Петербурга приехала измученная горем и мытарствами мать. Побыв несколько дней дома, Мария Александровна вновь спешит в столицу, чтобы поспеть к 15 числу — началу судебного процесса. Зная, как приятно будет Саше и Ане взглянуть хотя бы на фотографии своих близких, она в числе других взяла с собой и только что изготовленный портрет Владимира.

Власти не разрешили оставить снимки в камерах. После казни Александра мать подарила портрет среднего сына своей племяннице Е. И. Песковской и ее мужу, которые помогали добиться замены Анне Ильиничне пятилетней ссылки в Восточную Сибирь поселением в Кокушкине. Впоследствии Владимир Ильич пришлет Песковским еще один свой портрет, но более позднего времени. В Ленинграде в личном архиве потомков Песковских сейчас хранится 15 дарственных фотографий Ульяновых.

22 мая Мария Александровна и Анна Ильинична, которой разрешили перед ссылкой до 20 июня побыть дома, приехали в Симбирск. Даже с близкими они не говорили о пережитом в Петербурге. Только спустя некоторое время, вспоминает В. В. Кашкадамова, Мария Александровна молча дала ей конверт с двумя фотокарточками Александра Ильича, сделанными в тюрьме: одна — в профиль, другая — анфас.

Как ни трудно было Ульяновым в эту трагическую пору, но жизнь заставляла думать и о будничных делах — экзаменах, распродаже дома и мебели, оформлении различных документов. Вспомнил Владимир Ильич, что надо представить в Казанский университет, куда решил поступить осенью этого года, два портрета в гимназической форме. А у него остался только один экземпляр. Пришлось вновь идти в знакомую фотомастерскую. Ольге карточки больше не требовались — девушек в то время не принимали ни в одно высшее учебное заведение Казани.

Оба новых снимка, изготовленные тем же Биком, до революции были в личном деле Владимира Ульянова — студен-

та первого курса юридического факультета, исключенного в декабре 1887 года за активное участие в знаменитой сходке-демонстрации казанских студентов. Ныне они находятся на вечном хранении в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

На этом снимке Владимир Ильич выглядит возмужавшим. Огромные переживания за короткое время наложили свой отпечаток. Во взгляде появились решительность, воодушевленность теми идеалами, борьбе за торжество которых он уже решил посвятить всю свою жизнь.

Правомерность моего объяснения причин, обусловивших двукратный заказ Владимиром Ильичем своих первых портретов, станет убедительнее, если учесть еще и следующее. Проверка личных дел студентов Казанского, Московского и Петербургского университетов, куда поступили учиться одноклассники Владимира Ульянова, показала, что они фотографировались один раз: изображения на фотомонтаже выпуска Симбирской классической гимназии и в университетских делах — одни и те же.

ШЕСТЬ МЕДАЛЕЙ УЛЬЯНОВЫХ

Выше приводились слова инспектора народных училищ К. М. Аммосова из статьи-некролога о том, что «всем известна в Симбирске прекрасная семья Ильи Николаевича».

Ныне о замечательной семье знают сотни миллионов людей планеты. Восхищаются ею, сверяют по ней свои повседневные дела и поступки, мечты о будущем. А подражать есть чему. Как поучительна, например, история шести медалей, полученных Ульяновыми за успехи в годы учебы.

...Дети Ильи Николаевича знали, как было трудно ему, сыну бывшего крепостного крестьянина, а впоследствии — бедного портного, не получая помощи от родных, добиться аттестата зрелости. Ведь отец, Николай Васильевич, умер, когда Илюше было всего пять лет, мать, Анна Алексеевна, грамоте не обучалась, а брат, Василий Николаевич, имел лишь начальное образование.

Илья Ульянов один из выпуска 1850 года был награжден серебряной медалью, и только ему удалось преодолеть различные препоны и поступить в высшее учебное заведение —

Казанский университет. Одному из всей Астраханской губернии! Трудно достался ему и диплом кандидата математических наук. Ведь стипендия выходцу из «податного сословия» не полагалась, а старший брат при всем своем желании не в состоянии был регулярно присылать того минимума денег, который требовался для оплаты «угла» в частной комнатушке, приобретения форменной одежды, учебников и питания. Поэтому Илье Николаевичу, как и в гимназические годы, на старших курсах университета пришлось зарабатывать на жизнь репетиторством.

Сыновья и дочери Ульяновых росли и воспитывались в несравненно лучших условиях. Их с четырех-пяти лет обучала грамоте Мария Александровна. Детство и юность ее прошли на хуторке в Кокушкине, где не имелось даже начальной школы. Однако жизнь в глухом захолустье не помешала Марии Александровне стать образованной девушкой своего времени. Под руководством отца Александра Дмитриевича, врача по специальности, и тетушки Екатерины Ивановны, заменившей давно скончавшуюся мать, она овладела немецким, французским и английским языками, русской литературой и историей, математикой, искусством кройки и шитья, игрой на фортепиано и нотным пением.

За месяц до замужества Мария Александровна сдала в Самарской мужской гимназии экстерном экзамены на звание учительницы и получила право на первоначальное обучение русскому, немецкому и французскому языкам, а также арифметике. В школе ей преподавать не довелось, но дома ее педагогическое дарование раскрылось во всем многообразии.

В материнском проникновенно-задушевном чтении дети приобщались к сокровищницам русской сказки и поэзии, с ее помощью овладевали немецким и французским языками, игрой на рояле и пением, делали елочные украшения и игрушки, вместе с нею познавали таинства лесов вокруг Кокушкина и радость выращивания сада и цветов в своем доме на Московской улице. Аккуратность во всем и умение правильно чередовать учение и труд с отдыхом, взаимный такт и уважение в отношениях с окружающими — эти и многие другие черты матери легко и охотно воспринимали дети.

Илья Николаевич часто и подолгу бывал в разъездах по губернии, но, когда выдавалось свободное время, он любовно и терпеливо — такой «драгоценный для педагога дар» неоднократно подчеркивался в его служебных аттестациях на

протяжении 14 лет учительской работы — помогал старшим детям в учебе.

Отличный знаток физики, математики, астрономии, метеорологии, геодезии, географии и естествознания — предметов, которые с успехом преподавал в институтах и гимназиях, Илья Николаевич разъяснял наиболее трудные разделы учебников, указывал на дополнительную литературу, демонстрировал новейшие модели и приборы, которые постоянно выписывал из магазинов Петербурга, Москвы и Казани, водил на экскурсии в физические кабинеты учебных заведений Симбирска. Он следил за чтением детей, знакомил с творчеством любимых русских классиков, просматривал планы сочинений по русской словесности, путешествовал со старшими по Волге, рассказывал о своих поездках по селам и трудной жизни крестьянства.

Илья Николаевич, по свидетельству Марии Ильиничны, стремился привить своим детям прежде всего «то сознание долга, которое было так сильно развито у него, выработать у них характер, волю, трудоспособность...» [1] Но сильнее слов действовало на них горение отца на ниве народного просвещения. Это, подчеркивала Анна Ильинична, «было то самое большое, неизмеримое по воспитательному значению, что получали от него дети» [2].

Добрый посев дал обильные всходы. Первой повторила успех отца Анна Ильинична. В 1880 году, когда ей не исполнилось еще 16 лет, она — единственная из выпуска Симбирской Мариинской женской гимназии — получила большую серебряную медаль.

А ведь самая юная выпускница занималась в этом своеобразном и сравнительно редком учебном заведении, «состоявшем в ведомстве императрицы Марии», всего лишь пять лет. И не случайно. В гимназиях этого типа (в Симбирске другой не имелось) даже дети чиновников министерства народного просвещения не освобождались от платы за обучение. Поэтому Ульяновы, с трудом сводившие концы с концами в семейном бюджете, предпочли готовить дочь за первые классы дома, и она поступила сразу в пятый, минуя седьмой и шестой (в Мариинских гимназиях высшим считался первый класс).

---

[1] М. Ульянова, с. 64.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., ГИЗ, 1927, с. 33.

В детстве Анна Ильинична, по ее словам, частенько болела и все-таки окончила курс учения лучше всех. Она и по уровню гражданской зрелости превосходила одноклассниц. Вместе с Александром прочла в школьные годы всех русских и зарубежных классиков. Под влиянием Писарева она бросает музыку и увлекается серьезной естественно-научной литературой, пробует свои силы в поэзии. Увлеченная подвижническими усилиями отца по подъему образования среди детей неимущих классов, она мечтает о работе народной учительницы.

Юный возраст был тому помехой. Только через год после окончания гимназии она получает место помощницы учительницы в одной из начальных школ Симбирска. Там преподает два года, не получая жалованья, пока брат Александр не окончил учебу. Теперь появилась возможность вместе с ним отправиться в Петербург, где находились единственные в стране высшие женские курсы, вошедшие в историю как Бестужевские. А мало кто из глав семей симбирского «общества» соглашался отпускать своих дочерей в заведение, которое столичные реакционеры печатно называли «рассадником нигилизма».

Семейную традицию значительно упрочил Александр. При окончании в 1883 году классической гимназии (в Симбирске реальных средних учебных заведений не было) он получил золотую медаль. Опять-таки — один из выпуска и будучи самым юным по возрасту среди соучеников. Награда была весомой еще и потому, что он сочетал учение с повседневным самообразованием. Недовольный схоластическим содержанием большинства изучавшихся в гимназии предметов, Александр с шестого класса штудирует дома книги по естественным наукам, особенно химию по Менделееву. Чтобы приобрести нужные приборы, реактивы и руководства, он дает частные уроки и на вырученные деньги оборудует домашнюю лабораторию.

Изыскивал Александр время для чтения Пушкина, Некрасова, Тургенева, Толстого, Писарева и таких солидных монографий, как «История умственного развития Европы» Д. В. Дрэпера или «Истории цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля.

Когда один из знакомых Ильи Николаевича, узнав, что его старший сын поступает на физико-математический факультет Петербургского университета, сказал, что универси-

тетский диплом дальше учительского места ничего не даст, то отец просто возразил: «Можно стать и профессором».

И действительно, Александр Ульянов уже на первых курсах обратил внимание Менделеева, Сеченова, Бутлерова, Вагнера и других ученых с мировым именем, преподававших в университете. Наряду с учебой он, чтобы облегчить положение родных, дает частные уроки, активно участвует в деятельности своего студенческого землячества, занимается в лаборатории научно-исследовательской работой. В феврале 1886 года, когда он был на третьем курсе, на торжественном акте университета ему была вручена, как победителю научного конкурса студентов-естественников, золотая медаль.

О своем успехе Александр лаконично писал домой. Анне Ильиничне запомнилось, как «горько плакала мать, что отец, умерший месяц назад, не может порадоваться этому известию» [1].

И только летом 1886 года родные увидели вторую награду Александра. На лицевой стороне гравер изобразил крылатого Гения (считавшегося у древних римлян добрым духом, формирующим характер человека и сопутствующим ему всю жизнь), облокотившегося левой рукой на пьедестал — нижнюю часть колонны. В правой простертой руке он держит два лавровых венка; у ног Гения атрибуты науки: глобус, свиток, книги и зрительная труба. На оборотной стороне медали — в сплошном, перевязанном внизу лентою лавровом венке, — надпись: «Преуспевшему».

В отношении Александра Ульянова эта художественная символика имела прямой смысл. На последнем курсе его избирают секретарем студенческого научно-литературного кружка университета, и только арест помешал ему завершить магистерскую диссертацию по зоологии и стать ученым.

...Успехи Владимира и Ольги Ульяновых в последних классах были настолько выдающимися, что при обычных условиях являлись надежной основой для получения высших гимназических наград. Но арест Александра и Анны по делу о покушении на царя так осложнил обстановку, что теперь никто не мог предсказать исход выпускных экзаменов ближайших родственников «государственных преступников».

Для Ульяновых награды были дороги не как вещественные доказательства успешного окончания школьного курса.

---

[1] Переписка семьи Ульяновых, с. 32.

Владимир и Ольга понимали, что соблюдение ими семейной традиции хоть на какое-то время отвлечет Марию Александровну от тяжких переживаний, доставит ей радость.

Нелегко досталась золотая медаль Ольге. По тем же материальным причинам, что и старшая сестра, она училась дома, затем в женском народном училище и в 1883 году поступила сразу в четвертый класс гимназии. Отличная учеба давала право на стипендию, и она добилась ее, получая «дюжинки» (в Мариинских гимназиях существовала 12-балльная система оценок) почти по всем предметам.

Об этой замечательной девушке «мало известно, — писал Дмитрий Ильич, — между тем это был самый близкий, лучший товарищ Володи в годы детства и юношества» [1]. Разница в полтора года не была серьезной помехой — необычайно смышленая и целеустремленная, она во всем старалась подражать брату, жила его интересами.

Мир ее увлечений был очень широк: математика, физика, химия, астрономия, история, художественная классика, рисование, языки и музыка.

«Вот чьей работоспособности можно позавидовать», — говорил Владимир Ильич, прислушиваясь к упражнениям младшей сестры на рояле.

«Из-за политической неблагонадежности» старшей сестры и брата Ольга Ильинична не смогла получить места учительницы народной школы. Готовилась к поступлению в Гельсингфорсский университет на медицинский факультет, но оставила эту мечту, когда узнала, что кроме шведского, который она уже выучила, нужно знать и финский.

В 1888—1889 годах она читает в подлиннике «Капитал», переводит вместе с Владимиром Ильичем с французского «Нищету философии» К. Маркса, пробует свои силы в переводах научных работ со шведского и английского языков. На следующий год Ольга Ильинична поступает на физико-математический факультет Бестужевских курсов и становится одной из лучших студенток. Смерть от брюшного тифа оборвала 8 мая 1891 года ее жизнь.

Почти одновременно с сестрой — с разницей в несколько дней — завершал учебу в гимназии Владимир. Самый юный по возрасту (большинство соучеников было старше его на два-три года, а некоторые даже на пять лет) из выпуска

---

[1] Д. И. Ульянов. Очерки разных лет, с. 63.

1887 года, он один миновал приготовительный класс и на протяжении всего курса учения был первым учеником.

В числе немногих из класса он, по желанию, изучал не один, а два новых языка — немецкий и французский. Эта неукротимая тяга к знаниям, питаемая глубочайшим чувством нравственного долга перед родными за выполнение своих обязанностей, проявлялась и в каждом предмете: Владимир по указаниям отца привык читать значительно больше, чем требовалось гимназическими программами.

Арест Александра и Анны очень тяжело, даже внешне, переживала Ольга. Владимир, оставшийся после отъезда матери в Петербург за главу дома, сам глубоко страдал, но делал, казалось бы, невозможное для 17-летнего юноши: успокаивал сестру, занимался с Дмитрием и Маняшей, изыскивал время для подготовки учителя математики чувашской школы Никифора Михайловича Охотникова к экзаменам за гимназию.

Но что бы ни делал он в эту трудную пору, приходилось думать и о приближающихся экзаменах, приобретших в сложившейся обстановке особую значимость. Четвертую четверть, когда он был вынужден, как это видно из записей классного наставника, пропускать уроки «по домашним обстоятельствам», закончил с отличными оценками по всем предметам.

В разгар «испытаний зрелости», как официально именовались выпускные экзамены в классических гимназиях, Владимир узнал о гибели любимого брата... Через десять дней приехали на пароходе подавленные горем Мария Александровна и Анна Ильинична. Начались хлопоты, связанные с продажей дома и отъездом из Симбирска. По существу, Владимир шел в эти дни на экзамены без всякой подготовки, но прочный запас знаний помог ему получить на всех экзаменах только отличные оценки.

По некоторым предметам еще несколько человек из класса имели высшие баллы, но инспекция Казанского учебного округа, проверявшая все письменные работы выпускников, вынуждена была выделить как самые лучшие из отличных работы Владимира Ульянова.

Успехи Владимира на экзаменах были настолько выдающимися, что педагогический совет гимназии не мог не наградить его — и только его одного — золотой медалью. Ее получит по доверенности брата в Симбирской гимназии 13 сен-

тября 1887 года Ольга. Через 12 дней один из знакомых Ульяновым народных учителей пришлет в Казань и ее золотую медаль.

Примечательны не только обстоятельства, при которых Ульяновы удостаивались учебных наград, но и мотивы, по которым они расставались или готовы были расстаться с медалями.

Когда в ходе подготовки покушения на царя возникла угроза ареста одного из руководителей террористической группы Ореста Говорухина, Александр Ульянов заложил в ломбард свою университетскую медаль и полученные сто рублей отдал товарищу. На эти деньги О. М. Говорухин и перебрался в Женеву.

Гимназическую медаль Александр Ильич, по сведениям Дмитрия Ильича, тоже заложил, «чтобы купить азотную кислоту для приготовления бомб» [1]. Медалей Александра Ильича не удалось найти, хотя такие попытки предпринимались Марией Александровной весной 1887 года.

Ничего неизвестно о судьбе медалей Ильи Николаевича, Анны Ильиничны и Ольги Ильиничны. Можно только предполагать, что Ульяновы либо жертвовали свои награды на общественные нужды, как это сделал Александр Ильич, либо продавали, чтобы залатать прорехи в своих более чем скромных студенческих бюджетах.

Из шести медалей Ульяновых сохранилась лишь одна — золотая медаль Владимира Ильича. И только благодаря Марии Александровне. После ее кончины был момент, когда эта медаль могла исчезнуть. В 1921 году после жесточайшей засухи в Поволжье наступил голод. Анна Ильинична, не раздумывая, передала в фонд помощи голодающим фамильное столовое серебро. Среди немногих ценностей, имевшихся у Ульяновых в то время, оказалась и медаль Владимира Ильича. Глава партии и государства пожертвовал ее — все, что мог.

Так случилось, нашлись люди, которые нарушили волю Ильича. И сейчас эта бесценная реликвия хранится в Центральном музее В. И. Ленина, а копии с нее с волнением рассматривают миллионы посетителей ленинских музеев Ульяновска и других городов.

---

[1] Ленин и Симбирск, с. 442.

Остальные награды Ульяновых, если они и сохранились, найти почти невозможно, ибо петербургский Монетный двор при изготовлении гимназических и университетских медалей не проставлял на них номерных знаков.

Но можно и нужно найти образцы всех медалей Ульяновых. Гимназическая золотая медаль Александра Ильича была точно такой же, как и Владимира Ильича. Награда Ильи Николаевича отличалась от медалей сыновей только несколько большим размером и металлом. Образец ее экспонируется в Пензенском музее-читальне И. Н. Ульянова. На лицевой стороне каждой из них надпись по окружности: «Преуспевающему». Ниже изображена стоящая Минерва — богиня мудрости у древних римлян. В левой поднятой руке она держит лампаду, а в правой — лавровый венок. У ног ее сова и атрибуты науки: глобус, ящик со свитками, а также шлем.

В августе 1974 года ульяновская учительница-пенсионерка А. Ф. Храмцова любезно предоставила мне возможность снять фотокопию со своей золотой медали, полученной ею в 1912 году при окончании Симбирской Мариинской женской гимназии. Внешне эта медаль ничем не отличается от тех, которыми были награждены Анна и Ольга Ульяновы. Лицевая сторона, запечатлевшая императрицу Марию Федоровну, считавшуюся покровительницей женского образования, — маловыразительна. На оборотной стороне выпуклая надпись: «Достойнейшим из окончивших курс в женских гимназиях».

Коллекция наград Ульяновых могла быть еще более значительной, если бы полицейскому надзору не подвергались с малых лет Дмитрий и Мария. Фактически заслужил золотую университетскую медаль и Владимир Ильич, сдавший в 1891 году все экзамены за юридический факультет Петербургского университета с высшими баллами.

ЭХО ДЕЛА 1 МАРТА 1887 ГОДА В КОКУШКИНСКОЙ ССЫЛКЕ

В один из январских дней 1888 года к флигелю, в котором жили состоявшие под гласным надзором полиции Анна и Владимир Ульяновы, подъехал становой пристав Лаишев-

ского уезда. Кокушкинские узники уже привыкли к подобным визитам, тем более, что полицейский офицер вел себя более или менее корректно, пытаясь даже придать своим наездам некоторый налет «светскости».

На сей раз пристав не стал распространяться о погоде и расспрашивать о состоянии здоровья своих подопечных, а с озабоченным видом пригласил Анну Ильиничну следовать с ним в Казань к начальнику губернского жандармского управления.

Не трудно представить, как волновался эти несколько дней Владимир Ильич, ожидая возвращения старшей сестры.

Неожиданный вызов на допрос Анны Ильиничны был связан с делом 1 марта 1887 года. Жандармы интересовались фельдшером Нарвской полицейской части столицы Алексеем Алексеевичем Воеводиным, его взаимоотношениями с Александром Ульяновым. Анна Ильинична пояснила, что брату очень нравилось его пение, он принимал участие в Воеводине, как человеке бедном. Вот все, что было записано в протоколе ее допроса.

Владимиру Ильичу она, конечно, рассказала несколько больше. И о том, что Воеводин и студент-лесник Державин были главными запевалами на нелегальных вечерах, где они мастерски пели любимые Александром Ильичем «Замучен тяжелой неволей», «Нелюдимо наше море», «Полосыньку», и о дружеском, а к Державину, говоря словами Анны Ильиничны, «чисто братском» отношении Александра Ильича [1], и о смелости Воеводина, вступавшего в открытые столкновения со своими начальниками-офицерами.

Однако Анна Ильинична все же не представляла всех причин, которые вызвали повышенный интерес департамента полиции к А. А. Воеводину и необходимость ее срочного допроса. Не знала она и о том, что в Самаре в это же время жандармы допрашивали ее будущего мужа М. Т. Елизарова и другого близкого товарища Саши — И. Н. Чеботарева, и тоже о Воеводине. Сопоставить эти факты можно только теперь, изучив сохранившееся в Центральном государственном историческом архиве СССР объемистое «дело» А. А. Воеводина.

...В конце ноября 1887 года в Москве произошли серьезные волнения студентов, протестовавших против введения нового реакционного университетского устава. Через несколько

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, с. 111—112.

дней состоялись сходки-демонстрации в высших учебных заведениях Казани (здесь Владимир Ульянов получил революционное крещение), Петербурга и других городов России.

Выясняя личности, которые оказывали «злонамеренное» влияние на учащуюся молодежь, петербургская охранка обратила пристальное внимание на фельдшера А. А. Воеводина, у которого часто собирались студенты. 23 декабря 1887 года у него был произведен обыск, во время которого полиция нашла десятки экземпляров гектографированных воззваний о выступлениях московских студентов, народовольческие брошюры, револьвер, рецепт для изготовления взрывчатки, подписные листы и печать «Санкт-Петербургского общества помощи политическим ссыльным и заключенным», типографский шрифт, несколько писем «с иносказательным текстом» и другие вещественные доказательства революционной деятельности [1].

С помощью провокатора следствие установило, что Воеводин находился в дружеских отношениях с Александром и Анной Ульяновыми, Марком Елизаровым, Орестом Говорухиным, Иваном Чеботаревым и другими лицами, причастными к делу 1 марта 1887 года. На допросах шестеро студентов, членов Симбирского землячества в столице, подтвердили, что не раз видели Воеводина вместе с Александром Ульяновым. Но большинство из них считали, что фельдшер пользовался успехом в обществе только как музыкант и певец. Такие ответы были лишь частичным подтверждением того, что жандармы уже знали, и они вызывали на допросы все новых и новых свидетелей, надеясь найти ключ к одной из важнейших загадок дела вторых «первомартовцев».

Как известно, Александр Ульянов, завершив основные приготовления к покушению на царя, прекратил встречи не только с исполнителями террористического акта, но и со всеми близкими, даже с Анной Ильиничной. Эта предосторожность (он знал, что за ним следили еще с конца 1886 года) предпринималась для того, чтобы не пострадали знакомые, чтобы наверняка завершить печатание программы «Террористической фракции «Народной воли» — важнейшего документа, разъясняющего необходимость решительной борьбы с са-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 89, л. 7.

модержавием. Александр Ильич придавал ему очень большое значение — ведь могло случиться так, как оно и произошло в действительности, что процесс будет тайным и политическое кредо революционеров на долгие годы осядет в засекреченных архивах.

То, что Александр Ульянов с какими-то двумя неизвестными помощниками печатал в его квартире 28 февраля и 1 марта 1887 года на переносном типографском станке программу, сказал в своих откровенных показаниях студент Петербургского университета Бронислав Пилсудский. Однако эти неизвестные ушли, не дождавшись возвращения А. И. Ульянова, который в это время отправился на квартиру одного из участников покушения выяснить ход дела. Они унесли с собой все типографские принадлежности, рукопись программы и первые ее отпечатанные листы.

Пилсудский не смог помочь жандармам в опознании и поисках этих лиц, а Александр Ильич хотя и подтвердил на суде, что такой факт имел место, отказался сказать что-либо о своих помощниках. Он так и погиб, сохранив тайну [1]. Единственным человеком, который мог бы приоткрыть завесу над ней, был И. Д. Лукашевич, который просил Б. Пилсудского предоставить квартиру в распоряжение Александра Ульянова для печатания программы. Он дожил до победы Октябрьской революции. Но в своих воспоминаниях об А. И. Ульянове, опубликованных в 1927 году, не высказал даже предположения о том, кто мог участвовать в оборудовании типографии. Других свидетелей к тому времени, когда можно было открыто заявить о своем участии в этом важном деле, видимо, не осталось.

Но вернемся к 1887 году. Для царя, тщательно изучавшего все материалы следствия и процесса, очень важно было выяснить личности людей, преданных А. И. Ульянову и оставшихся на свободе.

Уже одно то, что А. А. Воеводин, близкий знакомый А. И. Ульянова, интересовался процессом изготовления взрывчатки и имел типографские принадлежности, обязывало власти тщательно проследить взаимоотношения между ними, особенно во второй половине февраля 1887 года, когда заканчивалось изготовление бомб и началось печатание программы. Письма И. Н. Чеботарева, отобранные у Воеводина 23 де-

[1] 1 марта 1887 г. с. 99.

кабря 1887 года, говорили в этом отношении о многом. Так, 31 мая 1887 года он сообщил другу о том, что после высылки из Петербурга побывал в Симбирске и был поражен тем, как Анна Ильинична и «семья ее твердо переносят свое горе», а также просил Воеводина рассказать **«о последних днях жизни Саши»**. Когда жандармы потребовали письменно уточнить, кого он имел при этом в виду, И. Н. Чеботарев признался, что **«желал узнать о последних днях жизни Александра Ульянова** (выделено мною. — **Ж. Т.**)» [1].

Следствие по делу вели опытнейшие специалисты охранки, они сразу сообразили, о каких днях вел речь Чеботарев. Ведь в их руках находились показания прислуги хозяйки, у которой Чеботарев квартировал в Петербурге. А она помнила, что у постояльца «**в последних числах февраля 1887 года** собралось человек 7 или 8, в числе которых **были Александр Ульянов с сестрой и Алексей Воеводин** (выделено мною. — **Ж. Т.**)»...

Так как эта встреча имела место 25 или 26 февраля, то, следовательно, Чеботарев интересовался у Воеводина последними днями жизни Александра Ульянова на свободе, когда он встречался только с двумя своими типографскими помощниками. Подозрения охранки, что одним из них был А. А. Воеводин, усиливались показаниями смотрителя полицейского дома Нарвской части, где фельдшер имел казенную квартиру. Из них следовало, что 2 марта 1887 года Воеводин должен был в 9 часов утра заступить на дежурство, но явился только в полдень. Объясняя смотрителю, почему и 1 марта 1887 года он не был дома, Воеводин сослался на необходимость своего присутствия у постели больной матери...

Воеводин держался на всех многочисленных допросах очень осторожно и умно, отрицая даже такие факты, как, например, свое близкое знакомство с Александром и Анной Ульяновыми. Так, на вопрос следователя, для чего он искал шрифт в феврале 1887 года, Воеводин отвечал, что ему он был необходим «для тиснения золотом на корешках переплетов». Найденный при обыске рецепт черного гектографирования он заимствовал-де из технических журналов. Вместе с тем Воеводин на допросах смело заявлял, что сочувствует революционной деятельности и желает изменения существую-

[1] **Ж. Трофимов. Гимназист Владимир Ульянов, с. 158.**

щего строя в России, но только путем «мирной пропаганды в обществе социально-революционных идей».

Власти имели, как видим, веские улики для того, чтобы обвинить А. А. Воеводина в тесных связях с А. И. Ульяновым в последние дни перед 1 марта 1887 года. Но их оказалось все-таки недостаточно, чтобы предъявить конкретное обвинение в причастности к печатанию программы. Несмотря на это, решение царя было более жестоким, чем министра юстиции: намеченную последним (после 14-месячного одиночного заключения) пятилетнюю ссылку А. А. Воеводина в Восточную Сибирь он увеличил до восьми лет.

Дальнейшая судьба этого революционера малоизвестна. С. А. Никонов, один из ближайших соратников Александра Ульянова, вспоминая пребывание А. А. Воеводина в Шушенском, писал, что этот «очень образованный, интеллигентный человек», оказывавший в свое время «серьезные услуги» столичной революционной организации, кроме прочих достоинств «обладал очень недурным тенором и часто услаждал нас своим пением» [1].

В ссылке А. А. Воеводин работал фельдшером и оказывал, по донесениям полиции, «вредное влияние» на рабочих прииска, пропагандируя между ними, в частности, «антирелигиозные взгляды». Только в 1909 году, уже в Петербурге, с Воеводина был снят негласный надзор полиции. Возможно, что, будучи уже в годах и обремененный семьей, он к этому времени отошел от активной политической деятельности.

Ну а кем же был второй помощник А. И. Ульянова в печатании программы? Думается, что это студент-лесник Леонид Евгеньевич Державин (родом из Саратова), член руководимого Александром Ильичем Поволжского землячества.

Вспомните, как, по словам Анны Ильиничны, **«по-братски»** относился к нему Александр. Воеводин и Державин не только вместе пели в обществе Ульяновых и их близких товарищей, но и занимались революционной деятельностью. Державин в декабре 1887 года привлекался по делу Воеводина, но избежал ареста лишь потому, что вовремя избавился от компрометирующих его вещественных доказательств.

Арест Александра и Анны Ульяновых Л. Е. Державин переживал очень тяжело. Сохранилась справка врача, из кото-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 147, л. 183.

рой видно, что с начала апреля 1887 года он страдал «расстройством нервной системы». Болезнь была настолько серьезной, что он на время оставил учебу в институте.

...Жизнь и деятельность А. А. Воеводина и Л. Е. Державина нуждаются в дальнейшем изучении. Думается, что именно они были теми безвестными помощниками Александра Ильича Ульянова.

О Воеводине В. И. Ленин впервые узнал от Анны Ильиничны в январе 1888 года, в Кокушкине, но не исключено, что он слышал рассказы о нем и в Шушенском, где близкий товарищ его старшего брата уже побывал в ссылке.

И. Н. Ульянов. Пенза. 60-е гг. XIX в.

М. А. Ульянова. Пенза. 1863 г.

И. Н. Ульянов.
Симбирск. 1882 г.

М. А. Ульянова.
Симбирск. 1887 г.

Бывший флигель
А. С. Прибыловской.
Фото 1968 г.

Бывший флигель
Прибыловской.
Современный вид.

Диорама Симбирска 70-х гг. XIX в.

Доктор А. А. Кадьян.
80-е гг. XIX в.

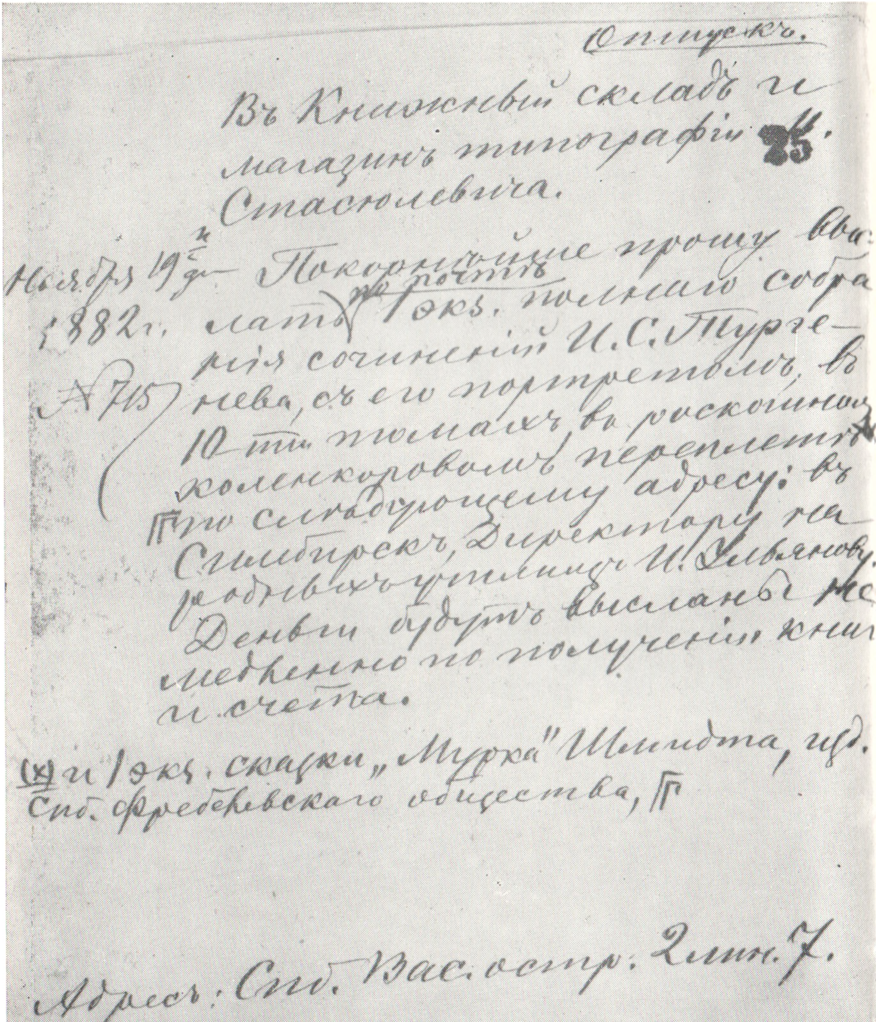
В. П. Прушакевич.
Симбирск.
80-е гг. XIX в.

Доктор И. С. Покровский.
Симбирск. 1888 г.

И. Н. Ульянов среди инспекторов народных училищ Симбирской губернии. Сидят (слева направо): В. М. Стржалковский, И. Н. Ульянов, И. В. Ишерский. Стоят: А. А. Красев, В. И. Фармаковский, К. М. Аммосов. 1880—1881 гг. Симбирск.

Отпускъ.

Въ Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича. 25

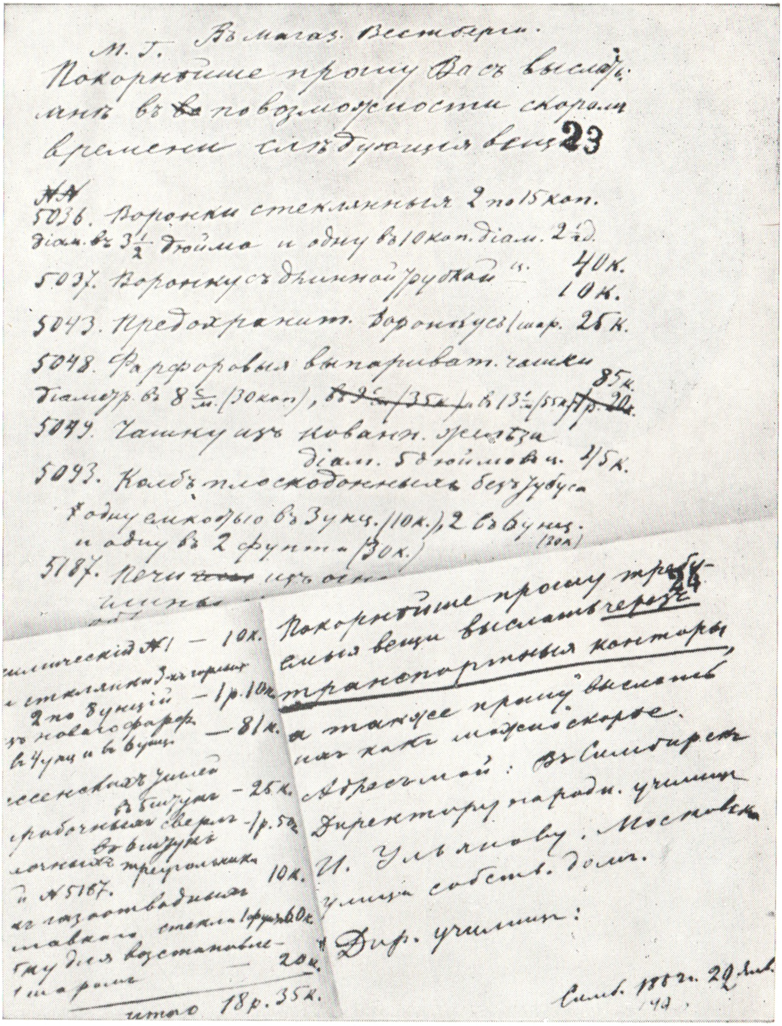
Ноябр. 19-го 1882 г. № 715

Покорнѣйше прошу выслать по почтѣ 1 экз. полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева, съ его портретомъ, въ 10-ти томахъ въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ по слѣдующему адресу: въ Симбирскъ, Директору народныхъ училищъ И. Ульянову. Деньги будутъ высланы немедленно по полученіи книгъ и счета.

(х) и 1 экз. сказки „Муха" Шмидта, изд. Спб. Фребелевскаго общества,

Адресъ: Спб. Вас. остр. 2 лин. 7.

Письмо И. Н. Ульянова в книжный склад.

М. Г. Въ магаз. Вестберга.

Покорнѣйше прошу Васъ выслать мнѣ въ по возможности скорѣм времени слѣдующія вещи 23

№№

5036. Воронки стеклянныя 2 по 15 коп. діам. въ 3½ дюйма и одну въ 10 коп. діам. 2½ д. 40к.

5037. Воронку съ длинной трубкой 10к.

5043. Предохранит. воронку съ шар. 25к.

5048. Фарфоровыя выпариват. чашки діаметр. въ 8 с/м. (30 коп), въ 9 с/м (35к.), въ 13 с/м (55к.) 1р. 20. 85к.

5079. Чашку изъ кованн. желѣза діам. 5 дюймовъ 45к.

5093. Колбъ плоскодонныхъ безъ тубуса одну емкостью въ 3 унц. (10к.), 2 въ 6 унц. (30к.) и одну въ 2 фунта (30к.)

5187. Печи изъ ...

Покорнѣйше прошу требуемыя вещи выслать черезъ транспортныя конторы, а также прошу выслать какъ можно скорѣе. 24

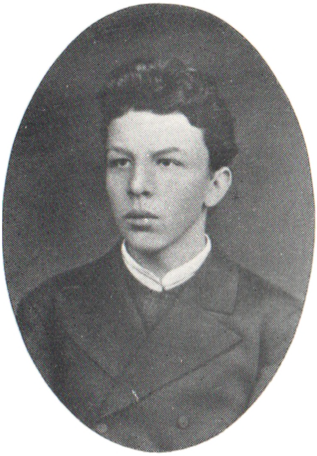
Адресъ мой: Въ Симбирскъ Директору народн. училищъ И. Ульянову. Московская улица собств. домъ.

Дир. училищъ:

Симб. 188[illegible] г. 29 янв.

... итого 18р. 35к.

Заявка на оборудование
для лаборатории,
составленная А. Ульяновым.

А. И. Ульянов. Петербург. 1883 г.

А. И. Ульянов. Петербург. 1887 г.

М. Ф. Щербаков. Симбирск, 1884 г.

Здание кухни при флигеле дома Ульяновых.

А. И. Ульянова.
Петербург. 1883—1887 гг.

Владимир
и Ольга Ульяновы.
1874 г.

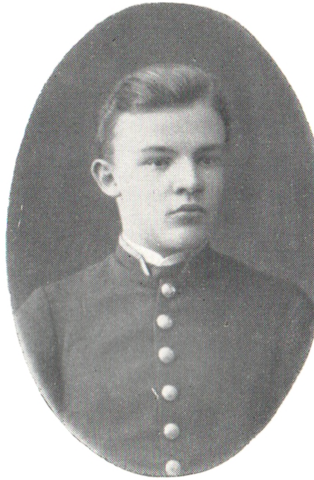

Школьные рисунки
О. Ульяновой

Здание бывшего женского
приходского училища.

В. Ульянов.
Симбирск. 1887 г.

В. Ульянов.
Симбирск. 1887 г.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

Педагогическій Совѣтъ Классической Гимназіи, уважая отличные успѣхи, прилежаніе и похвальное поведеніе воспитанника II класса Ульянова Владимира наградилъ его симъ похвальнымъ листомъ. Симбирскъ, Августа дня 1887 года.

Директоръ Симбирской Гимназіи Керенскій

Инспекторъ

Преподаватели:

О. И. Ульянова.
Симбирск. 1887 г.

Лицевая сторона золотой медали О. Ульяновой.

Оборотная сторона медали О. Ульяновой.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

Педагогическій Совѣтъ Классической Гимназіи, уважая отличные успѣхи, прилежаніе и похвальное поведеніе воспитанника III-го класса Ульянова Владимира наградилъ его симъ похвальнымъ листомъ. Симбирскъ, Іюня 10 дня 1882-го года.

Директоръ Симбирской Гимназіи Керенскій

Инспекторъ

Преподаватели:

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

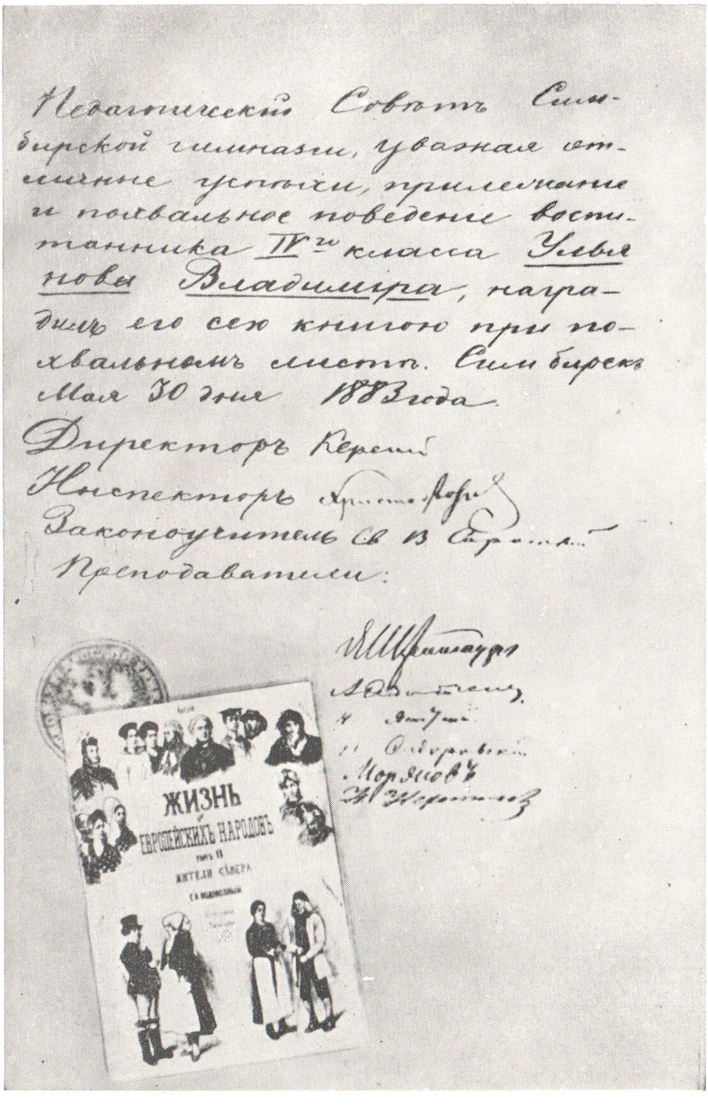
Педагогическій Совѣтъ Классической Гимназіи, уважая отличные успѣхи, прилежаніе и похвальное поведеніе воспитанника V-го класса Владимира Ульянова наградилъ его симъ похвальнымъ листомъ. Симбирскъ, Іюня 11-го дня 1884 года.

Директоръ Симбирской Гимназіи Ф. Керенскій

Инспекторъ

Преподаватели:

Похвальные листы В. Ульянова.

Педагогическій Совѣтъ Симбирской гимназіи, уважая отличные успѣхи, прилежаніе и похвальное поведеніе воспитанника IV-го класса Ульянова Владимира, наградилъ его сею книгою при похвальномъ листѣ. Симбирскъ Мая 30 дня 1883 года.

Директоръ Керенскій

Инспекторъ [illegible]

Законоучитель Св. В. [illegible]

Преподаватели:

[illegible]

Надпись на книге
«Жизнь европейских народов».

Жорес Александрович Трофимов

УЛЬЯНОВЫ

ПОИСКИ, НАХОДКИ, ИССЛЕДОВАНИЯ

Редактор
В. А. Малинин

Художник
А. Б. Бобров

Художественный редактор
В. К. Бутенко

Технический редактор
Л. В. Андронова

Корректор
Р. Н. Подосян

ИБ 315
Сдано в набор 13/I 1978 г.
Подписано в печать 21/VI 1978 г.
3М02469.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$
Бумага типографская № 1.
Усл.-печ. л. 11,34+0,84 л. вклейки.
Уч.-изд. л. 12,19+0,59 л. вклейки.
Тираж 25 000.
Заказ 231.
Цена 60 коп.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.
Производственное объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

Жорес Трофимов

Ульяновы